Лев РОССОШИК

Праздник, который всегда со мной

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПОРТ»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Волейбол, и это попытался доказать автор, словно магнит, притягивает к себе и уже не отпускает. Это книга воспоминаний о наиболее значимых событиях в мировом волейболе – чемпионатах мира, Европы и Олимпийских играх, которые происходили в последние тридцать лет, и очерков о выдающихся игроках и тренерах, российских и зарубежных, с которыми судьба сводила автора в течении этих десятилетий. «Париж никогда не кончается» – этими словами завершает свое автобиографическое повествование «Праздник, который всегда с тобой» великий Эрнест Хэмингуэй. Вот и волейбол в жизни автора, который частично позаимствовал у американского писателя название, продолжается. Потому что эта игра – праздник и для него, и для всех, о ком он рассказывает на этих страницах.

- Лев Россошик
  - ○
  - ○ Признание в любви. (Вместо предисловия)
  - ○ I. Тридцать лет счастья
    - ■
    - ■ Лондонский апогей
    - ■ Тяжёлый песок Копакабаны, или как богиня Йеманжа не помогла
  - ○ II. Всегда оставаться человеком
    - ■
    - ■ Отдать всю себя и получить взамен
    - ■ Неукрощаемый максималист из Обнинска
    - ■ Кутюрье от волейбола
  - ○ III. В третий раз в одну и ту же реку
    - ■
    - ■ Главная роль актёра Карполя
    - ■ Неугомонный холерик из «деревеньки»
  - ○ IV. Слава навсегда
    - ■
    - ■ Он в одиночку мог решить судьбу матча
    - ■ Благодарите бога за грязную посуду
  - ○ V. Родители с берегов Коннектикута
    - ■
    - ■ Последний революционер
    - ■ В одном ряду с Мацудайрой и Платоновым
    - ■ Волейбольный король из Калифорнии
    - ■ Неувядающий динозавр из Индианы

○ Признание в любви-2. (Вместо послесловия)

Лев Россошик
Праздник, который всегда со мной

© Россошик Л. В., текст, 2017
© Издательство «Спорт», издание, оформление, 2017

* * *

Признание в любви. (Вместо предисловия)

Сознаюсь сразу, дабы никто не обвинил в плагиате: частично позаимствовал название сей книги у выдающегося американского писателя Эрнеста Хэмингуэя. Помните его удивительное признание – книгу очерков «Праздник, который всегда с тобой»? Гениальный американец праздником всей своей жизни считал Париж. Готов согласиться, потому что люблю французскую столицу ничуть не меньше старины Хэма. Может быть и потому, что первую – большую часть из прожитых лет она представлялась мне чем-то виртуальным, потому что в брежневские времена даже «увидеть Париж – и умереть» не представлялось возможным. Зато в последние три десятка лет главный город да и всю Францию исходил и исколесил вдоль и поперёк.

И всё-таки любовь моя – волейбол. И, кстати говоря, Париж имеет к возникновению этого чувства самое прямое отношение, потому что именно в этом городе и стране я по-новому взглянул на замечательную игру, и она, простите за банальность, поразила меня в самое сердце. Случилось это ровно 30 лет назад – в 1986-м, когда во Франции проходил 10-й по счёту чемпионат мира среди мужских команд. И я оказался среди его свидетелей, а можно сказать и участников, потому что входил в состав официальной делегации СССР в качестве переводчика. И впервые открывал для себя большой волейбол как бы изнутри, а большую Францию и Париж, в частности, снаружи.

С этого всё и началось.

Нет, не совсем так. Много раньше, лет за пятнадцать до того, в самом начале семидесятых, когда жил в Горьком, передавал в «Советский спорт» репортажи с мужского волейбольного чемпионата страны, когда один из туров было решено провести на берегах Волги «с целью популяризации игры» в этом полуторамиллионном городе, где волейбола в элитном исполнении до той поры не видели. Писали мы тогда репортажи вдвоём. Помогал мне разобраться в нюансах заслуженный тренер большой страны и прекрасный знаток волейбола Михаил Амалин, за что навсегда остаюсь ему благодарен.

Затем, спустя несколько лет – летом олимпийского 1976 года судьба преподнесла мне очередной подарок. В канун монреальских Игр в Москве проходил первый международный Мемориал Владимира Саввина, который почтил своим присутствием сам Поль Либо, президент Международной

федерации волейбола. Все знали, что известный деятель международного спортивного движения на дух не переваривал журналистов и отказывался от любых контактов с ними. И чтобы выполнить редакционное задание и всё-таки пообщаться с французом, пришлось пойти на маленькую хитрость: на принципиальном матче СССР – Польша моё место «случайно» оказалось рядом с Либо, и как бы невзначай, мы обменивались с соседом впечатлениями о происходящем на арене старенького цээсковского хоккейного ангара и вокруг него. И материал в издаваемую тогда газету для сборных команд «За нашу победу!» да ещё с олимпийским прогнозом от самого президента ФИВБ получился прелюбопытнейшим.

Но прошло ещё почти восемь лет, прежде чем сам Вячеслав Платонов навёл меня на мысль обратить пристальное внимание именно на волейбол. В канун Олимпиады в Лос-Анджелесе по делам всё той же «За нашу победу!», которая выходила исключительно в преддверии главных спортивных событий четырёхлетия, оказался в Ленинграде, где тогда сборная под руководством Платонова проводила предолимпийский сбор. Тогда и получил от волейбольного мэтра в подарок его первую, только что вышедшую из печати в серии «Спорт и личность» книгу «Уравнение с шестью известными» с дарственной надписью: «От автора с пожеланиями успехов в работе и не забывать, работая, писать о волейболе».

Ещё через два года платоновские пожелания сбылись в полной мере. С тех пор больше всего пишу о волейболе. Был даже период, когда в течение нескольких лет комментировал игру по ТВ, в частности, рассказывал обо всех матчах олимпийского турнира в Афинах в 2004-м на пару с дебютировавшим тогда в новой для себя роли, а ныне ведущим волейбольным комментатором Владимиром Стецко.

С тех пор не пропустил ни одного мужского чемпионата мира – а их состоялось восемь, ни одного чемпионата Европы, опять-таки среди мужчин, которых прошло аж 15 (и это не считая нескольких аналогичных вселенских и континентальных турниров среди представительниц слабого пола), стал за три десятка лет свидетелем восьми, исключая Барселону в 1992 году, олимпийских волейбольных разборок, описывал чемпионаты мира по пляжному волейболу в Марселе в 1999-м и Риме в 2011-м, не говоря про Мировую лигу, Гран-при и десятки прочих волейбольных форумов…

С самого первого заседания в декабре 1989 года в Сингапуре участвовал в работе пресс-комиссии Международной федерации волейбола.

Начало же реальному волейбольному периоду творчества было, повторяю, положено ровно три десятка лет назад на чемпионате мира во Франции. Таким образом, волейбол стал тем самым магнитом, который притянул настолько, что с тех пор и не отпускает. Да я особо и не рвусь, потому что искренне влюбился в игру, игроков и всех, кто имел и имеет отношение к волейболу. Да без этого праздника не родилась бы и сея книга воспоминаний и очерков. Как и автобиографическое произведение Хэмингуэя. Мне также, как и выдающемуся литератору захотелось рассказать о тех наиболее значимых событиях, к коим оказался причастен, и о потрясающих персонажах мирового волейбольного сообщества, знакомством с которыми гордился, горжусь и не перестану ценить никогда.

I. Тридцать лет счастья

Как уже отметил, из состоявшихся 18 чемпионатов мира по волейболу среди мужчин мне посчастливилось работать на восьми последних, начиная с 1986 года. Если же учесть, что волейбольные первенства, как и футбольные, проводятся раз в четыре года, то с момента моего первого гранд-турнира прошло ровно 30 лет. Так что остаюсь единственным среди коллег, причем не только российских, кому удалось стать свидетелем уникальных и незабываемых волейбольных праздников трёх последних десятилетий. О них и хочу рассказать.

Король Чарльз против царя Александра

Начало сентября 1986 года. Вечерний рейс в Мадрид оказался полупустым, и двухметровые колоссы расположились комфортно по всему огромному салону отечественного аэробуса: кто спал, кто читал книжку или просматривал популярный журнал «Огонек», а кто углубился в решение кроссвордов, заранее аккуратно вырезанных Юрием Фураевым, вторым тренером сборной СССР, из «Московской правды» и «Московского комсомольца» – в середине восьмидесятых не было такого изобилия развлекаловки для ума, каковой завалены сегодня все газетные киоски.

Нет-нет, ничего не путаю: советская волейбольная сборная летела не во Францию, где должен был пройти чемпионат мира, а именно в Испанию, точнее, в Вальядолид на крупный турнир с участием сильнейших команд – своеобразная «проверка боем» перед предстоящим мировым первенством. Я оказался в этой компании случайно – кто-то из переводчиков не смог поехать, и отправиться во Францию предложили мне. Да я об этом даже и мечтать не мог! Ещё за пару месяцев во время московских Игр

Доброй воли познакомился с коллегой из французской спортивной газеты l`Equipe Жилем Пети, который как раз возглавлял пресс-центр чемпионата мира, он приглашал приехать, обещал помочь с аккредитацией, хотя она уже давно закончилась. Но кто мог послать во Францию корреспондента на волейбол, пусть и на мировое первенство? Только «Советский спорт» да ТВ, но уж точно не журнал «Олимпийская панорама», в котором я работал. Тем более что мой главный редактор, мягко говоря, не приветствовал (из ревности, что ли?) выезды за рубеж сотрудников. Так что пришлось проглотить образовавшиеся было слюнки и продолжать мечтать в очередной раз о несбывшейся возможности наяву увидеть Эйфелеву башню.

Зато на Играх Доброй воли стал свидетелем выдающегося волейбольного матча СССР – США. Дело в том, что две сборные не играли между собой более двух лет. Если помните, Советский Союз бойкотировал Олимпийские игры в Лос-Анджелесе в 84-м, а весть об этом позже признанном ошибочным решении пришла в начале мая того же года, как раз в момент когда команды СССР и США встречались между собой в товарищеском матче в Харькове. Очевидцы рассказывали позже, что, прознав про бойкот, наши совсем не сентиментальные ребята вовсе не скрывали слёз…

Американцы, ведомые замечательным тренером Дагом Билом, стали олимпийскими чемпионами, советская команда Вячеслава Платонова победила в труднейшей борьбе с хозяевами в том же 1984-м на альтернативных играх «Дружба» на Кубе. Поэтому новая встреча двух ведущих сборных, к сожалению, ведомых уже другими тренерами, ожидалась с большим нетерпением: Бил предпочёл административную работу в своей национальной федерации, а Платонову после перенесённой операции вернуться на «электрический» стулу площадки не позволили спортивные чиновники.

И вот за два месяца до парижского финала (а сомнений, что в решающем матче чемпионата мира сыграют команды СССР и США, не было никаких) двум сборным пришлось встретиться в Москве. И матч этот стал апофеозом всей соревновательной программы спортивной придумки американского миллиардера Теда Тёрнера. Повидав с тех пор несколько тысяч волейбольных встреч разного уровня, ту, на Малой лужниковской арене, выделяю особо. Это был потрясающий по красоте и драматизму пятиактовый спектакль, в котором каждый эпизод – сплошная импровизация, каждое действие – мини-представление. А исполнители – все на загляденье, ярчайшие звезды: Вячеслав Зайцев и Дасти Дворак, Павел Селиванов и Карч Кирай, Александр Савин и Стив Тиммонс, Грэг Бак и Владимир

Шкурихин, Боб Ствртлик и Александр Сороколет, Ярослав Антонов и Скотт Форчун. Встреча затянулась за полночь, но ни один из более семи тысяч зрителей не покинул своего места до финального свистка судьи. Наши тогда победили.

И теперь все ждали нового противостояния тех же команд. Причём по регламенту две сборные, скорее всего, должны были встретиться дважды, что в конце концов и произошло. Но до Франции ещё надо было добраться, а перед этим сыграть на турнире в Вальядолиде в том числе и с одним из наших ближайших соперников – кубинцами.

Всерьёз в Испании никто не играл, да и зрителей волейбол волновал не очень – не коррида же, в конце концов. Заходили в игровой зал больше из любопытства: что, мол, за диковина такая – летающий мяч. Пришёл к выводу: у испанцев на уме только две вещи – фиеста и сиеста. Нас же больше взволновали сообщения о взрывах в Париже – несколько бомб были подложены в контейнеры для мусора рядом с популярными у местных малоимущих магазинами «Тати». Организаторы чемпионата мира, правда, заверяли, что предпримут все необходимые меры безопасности.

И уже в аэропорту Орли наша команда попала в плотное кольцо вооружённых ажанов. А по пути в Туркуэн, что на севере страны, неподалеку от Лилля, где советским волейболистам предстояло провести первый групповой турнир, из окна автобуса наблюдал любопытную картинку. Сопровождающие нас полицейские на мотоциклах с включёнными сиренами и фарами-мигалками продирались сквозь запруженный до предела легковыми авто и здоровенными фурами «периферию) – окружную дорогу вокруг французской столицы. Испуганные звуковыми и световыми сигналами водители шарахались в сторону от несущейся на приличной скорости кавалькады. Вдруг водитель одного совсем не новенького «Рено» несколько замешкался – и тут же получил кованным полицейским ботинком в переднюю дверь: вмятина образовалась солидная, но сам виноват – не мешайся под «ногами», подчиняйся призывам стражей порядка…

Всех участников чемпионата селили за городом в «Новотелях», которые опять-таки круглосуточно охраняли не только полицейские, но и крепыши из местного спецназа. Поодиночке из отеля не выпускали никого – только группами и большей частью с сопровождающими в соответствующей форме и при оружии: газеты писали, что террористы, чьи фотороботы были развешаны повсеместно, бежали в Бельгию, до которой от Туркуэна рукой подать.

Первое групповое испытание прошли без эксцессов, команда, похоже, прибавляла от игры к игре. Тех же кубинцев, которым перед этим проиграли в Испании, на сей раз убрали «в одну калитку». И в Нант, где проходил второй, полуфинальный этап, советская сборная прибыла в хорошем настроении. Тут нам никто не мог оказать сколь-либо серьёзного сопротивления – у японцев и аргентинцев выиграли в трёх партиях, с американцами пришлось чуть-чуть поцепляться, но всё равно преимущество наших игроков было очевидным. Впрочем, позже приходилось слышать, что американцы специально «затемнились», что решили до финала не раскрывать свои козыри. Возможно, доля правды в этом была. Однако к тому моменту команды настолько хорошо знали друг друга, что придумать что-то новое в таком консервативном виде спорта, как волейбол, было просто невозможно.

Короче, в новеньком парижском зале «Берси» финальная игра складывалась для нас совсем по-иному сценарию, чем в Нанте. Наблюдал за происходящим на площадке из ложи прессы вместе с Платоновым. Известный специалист был аккредитован от «Ленинградской правды». По мнению бывшего руководителя, его преемник Геннадий Паршин в решающем матче наделал массу ошибок – со стартовым составом, с заменами. Так, во втором сете на скамейке оказался основной пасующий Зайцев. У него, правда, ещё утром поднялась температура, но знающие люди уверяли, что подобное случается постоянно, когда речь заходила о решающих событиях, что эта болезнь имела психологический рецидив, а вовсе не простудный или вирусный. Но Паршин то ли не знал о подобной специфике организма основного пасующего, то ли посчитал, что Зайцев и впрямь не справляется со своими обязанностями…

Сидевший рядом Платонов переживал, сокрушался, что не может повлиять на ситуацию, а потом попытался перекричать многоголосый 18-тысячный зал, взывая: «Слава! Слава!» И, как ни странно, туговатый на ухо пасующий услышал призывный возглас своего клубного тренера. Тот принялся на пальцах что-то изображать ученику, с которым они в те годы понимали друг друга без лишних слов: «Я показывал на пальцах, что надо… прокрутить… быстрые комбинации… и тогда бы американский блок задергался». Подсказка не помогла – Зайцев так больше на арене и не появился.

Концовку финала мы с Платоновым досматривали по монитору в пресс-баре. Несмотря на 8:8 в четвёртом сете, было совершенно очевидно, что американцы всё равно дожмут. Так и произошло.

На следующий день едва ли не все спортивные полосы французских изданий вышли с разными интерпретациями заголовков, в которых непременно упоминались «король Чарльз» (читай: Карч Кирай) и «царь Александр» (Александр Савин). Именно так в волейбольном мире называли лидеров двух сильнейших команд планеты…

Настроение после неудачи было соответствующим, и домой возвращались хмурые. Все. Паршин кое-как пытался взбодрить расстроенных парней. Куда там! Просто за почти десять лет все привыкли, что советские волейболисты непременно побеждали на всех соревнованиях. А тут серебро. «Да если бы знал, что едем во Францию за вторым местом – отказался бы играть», – признавался позже Савин. Он действительно больше за сборную не выступал, хотя в родном ЦСКА продолжал выходить на площадку. А ведь мог бы поехать и на следующий мировой чемпионат.

Второе пришествие Платонова

Удивительное дело: на восьми «моих» чемпионатах мира отечественной волейбольной сборной руководили семь разных специалистов. Столь частая смена руководства – свидетельство неудовлетворенности результатами, не иначе. Действительно, после серебра Парижа-1986 сборная под руководством Геннадия Паршина красиво выиграла европейский чемпионат-1987, побеждала всех соперников из Европы и с других континентов, но вот с американцами справиться никак не могла. И ведь нисколько не слабее были наши. Но стоило на противоположной стороне площадки оказаться Карчу Кираю со товарищи, советских игроков будто вирус какой поражал. Причём не важно, товарищеский матч это был или официальный. Проигрывали мы чаще, а в турнирах – постоянно.

Оптимист по натуре, я всё равно верил, что в главном сражении четырёхлетия между чемпионатами – на Олимпийских играх в Сеуле – нашим удастся перебороть себя и американцев. Не вышло… Между тем очередное второе место было воспринято спортивным руководством спокойно, а на фоне триумфа женской сборной СССР мужское серебро вовсе не казалось тусклым обрамлением девичьего олимпийского золота.

С некоторым недоумением – не более того – было воспринято даже четвёртое место на очередном континентальном первенстве в Швеции.

И до поры никаких радикальных действий свыше не последовало: ждали победы на другом турнире, который игрался

через два месяца после фиаско в Стокгольме – победитель Кубка мира без специального отбора попадал на чемпионат мира 1990-го в Бразилию. Именно победа в Японии была еще в начале сезона определена главным мерилом выступления советской сборной в 1989 году. Вот когда и на этом турнире оказались только третьими, было решено поиграть в демократию (тогда это было очень модно) и не назначить, а выбрать нового главного тренера. Так у руля команды вновь оказался Вячеслав Платонов, успевший несколько лет поработать с иностранным клубом в соседней, но в то время совсем не волейбольной Финляндии. Начал он с перестройки состава и игры. И с фиаско: первый же официальный матч в рамках нового турнира Мировая лига был проигран голландцам вчистую. Второй – тоже. По его окончании Платонов заявил в микрофон тысячам болельщиков на Малой арене Лужников: «Мы будем играть лучше».

И советская сборная действительно заиграла. Причём те же голландцы были обыграны на собственной площадке всего через несколько дней после московского триумфа. Достойно смотрелись платоновские выученики и на других соревнованиях – в финальном турнире той же Мировой лиги в Японии, на Играх Доброй воли в Сиэтле. Так что к чемпионату мира в Бразилии советская сборная была готова поспорить за медали, а, может, и за золото.

В Южную Америку я отправился уже в качестве официального лица, как представитель Международной федерации: к этому моменту стал членом пресс-комиссии ФИВБ и в Бразилии курировал организацию пресс-службы во всех городах, где соревновались участники. Базировались официальные лица в шикарном «Шератоне» в Рио-де-Жанейро в непосредственной близости от знаменитого пляжа Копакабана. Вот только увидеть матчи в других городах, хотя бы по ТВ, было нереально: технические возможности организаторов не позволяли наладить трансляции из всех залов, где игрались матчи чемпионата. Тогда я обратился к руководству ФИВБ с предложением проехаться по всем аренам, чтобы провести инспекцию работы пресс-центров на местах. Идея была принята. Правда, «проехать» – глагол не совсем правильный: железных дорог в огромной Бразилии отродясь не бывало, и до той же Куритибы, в которой играла советская команда, пришлось провести в воздухе около двух часов, а потом от Куритибы до столицы страны – Бразилиа, где соревновались ещё восемь сборных, и того больше.

Первым делом отправился в тихую провинциальную Куритибу, главной достопримечательностью которой было небольшое поселение русских староверов, неизвестно каким

образом очутившихся на другом краю света. Здесь, понятно, меня интересовал самый первый матч, в котором сборная Платонова встречалась с французами, которые, по традиции скорее, считались самым серьёзным соперником за выход в следующий круг – Японию и Венесуэлу в расчёт не принимали. Но и французы, как выяснилось, оказались не готовы к соперничеству с нашей сборной – за три партии (в те годы, напомню, потолком очков в сете была цифра 15) «трёхцветные» тогда смогли набрать всего 22 очка, а наши, как говорят в таких случаях, «даже не вспотели». Так что судить о силе (или слабости) нашей сборной можно было только по матчам следующего этапа.

Но ещё до его начала перебрался в чопорный столичный Бразилиа, где в одной из групп сошлись главные фавориты турнира – сборные Италии и Кубы, да ещё вовсе не слабые болгары, а в другой – доставившие нам неприятности в начале сезона голландцы с всегда готовыми встать на пути у кого угодно аргентинцами.

Здесь же были и американцы, которых теперь, после того как сборную покинули сильнейшие игроки, никто всерьёз не воспринимал. Они и выступили соответствующе: 13-е место после парижского золота четырёхлетней давности. Да, чуть не забыл – в группе D, где собрались главные силы из Италии, Кубы и Болгарии, выступала еще сборная Камеруна, которую привез в Бразилию советский специалист Василий Нечай. И к чести африканцев, они в итоге заняли предпоследнее, 15-е место, победив венесуэльцев и совсем немного отстав от американцев, у которых даже выиграли партию.

Между тем, система розыгрыша была таковой, что победители групп сразу оказывались в четвертьфинале и разыгрывали между собой лишь места в восьмерке. А вот команды, оказавшиеся на двух следующих позициях в своих квартетах, должны были подтвердить своё право на выход в восьмёрку. И самое удивительное, что среди этих неудачников оказались… итальянцы, новоиспечённые чемпионы Европы, победители первой Мировой лиги и Игр Доброй воли, уступившие в принципиальном поединке в группе кубинцам в трех (!) партиях.

Впрочем, на второй стадии чемпионата неожиданностей не произошло – восьмерку составили действительно сильнейшие на тот момент сборные. И в полуфиналах оказались все, кто, наверное, и должен был там быть: с трудом прошли очередной этап все те же кубинцы – им пришлось затратить пять партий, чтобы одолеть строптивых голландцев. Три другие встречи завершились в трех партиях: наши взяли верх над болгарами,

бразильцы над французами, а итальянцы над аргентинцами.

Мы очень надеялись, что, измотанные накануне голландцами, игроки с острова Свободы не смогут сыграть в полуфинале в полную силу. Но двужильные кубинцы Орландо Самуэлса во главе с их лидером Жоэлем Деспайном вовсе не собирались уступать. Это был их шестой матч на этом турнире и шестая подряд победа. Нашей команде удалось выиграть лишь одну партию, первую, в остальных соперник оказался не по зубам.

Теперь за 3-е место нас ждали хозяева арены, уступившие накануне в пяти партиях итальянцам, и 25-тысячный заглушающий все и вся фальцет желто-зеленой торсиды, который многократно усиливали толстенные бетонные своды «Мараканазиньо». Впрочем, для подопечных Бебето, придерживавшихся принципа «всё или ничего», проигрыш накануне итальянцам означал крушение надежд. И выплеснув все свои эмоции на синтетику «тарафлекса» в субботу 27 октября, в воскресенье 28-го они без сопротивления уступили советской сборной -0:3 (8:15,8:15,4:15).

Зато финал выдался на загляденье. На сей раз итальянские подопечные аргентинского специалиста Хулио Веласко, похоже, более серьёзно отнеслись к сопернику. И хотя первая партия была европейцами проиграна -12:15, в двух других они не оставили сомнений в своем превосходстве -15:11 и 15:6. Четвертый, казалось, завершится опять-таки в пользу парней Веласко, которые лидировали – 10:5. Но кубинские замены и амбициозность резервистов Мануэля Торреса вместо казалось бы бессменного пасующего Рауля Диаго и Рикардо Вантеса вместо Абеля Сармиенто, а еще появление на блоке совсем юного тогда Иосвани Эрнандеса свели все усилия Андреа Дзордзи и его партнеров на нет. Концовка матча вообще не оставила зал равнодушным: вначале два сетбола заработали кубинцы, затем последовали аж восемь матчболов итальянцев, пока, наконец, их капитан Андреа Луккетта оставил в игре казалось не берущийся мяч, а Лоренцо Бернарди пронзил им, словно шпагой, блок соперников…

Могли бы наши выступить лучше? Не думаю. Платонов только-только начал строить новую команду с прицелом на Барселону-92. И проигрыш кубинцам выглядел вполне закономерным. Да и набравших ход итальянцев нам в течение сезона побеждать не удавалось. Так что первый итог второго пришествия в сборную прежнего тренера сочли вполне приемлемым. А вот максималист Платонов был не очень доволен, хотя и понимал, что за столь короткий срок создать коллектив, способный вновь выигрывать все соревнования, как это

происходило на рубеже 70–80-х, нереально.

Без Кузнецова и без шансов

Прошёл всего год после бронзового для советских волейболистов ЧМ-90 в Бразилии, и почти та же команда доказала, что способна на многое – обыграла новых чемпионов мира и Европы итальянцев в финале очередного чемпионата континента. И на Олимпийских играх в Барселоне в 1992-м сборную, правда, уже под аббревиатурой СНГ (Содружество независимых государств – для тех, кто подзабыл недавнюю историю) считали в числе главных претендентов на награды. Но наши оказались в Испании только седьмыми. Сегодня, по прошествии четверти века, можно винить в неудаче и того же Платонова, и самих игроков, да и руководителей отечественного волейбола, вовремя не остановивших главного тренера от резких и, как показал олимпийский турнир, опрометчивых шагов.

Не сомневаюсь, что в том олимпийском провале есть вина всех вместе и каждого в отдельности. Равно как и в аналогичном отступлении уже чисто российской команды на мировом первенстве 1994 года в Греции, где она, увы, повторила барселонский результат: так низко на чемпионатах мира отечественные волейболисты прежде не опускались. Было в 1970-м 6-е место на мировом чемпионате в Болгарии, а до и после наши волейболисты непременно поднимались на пьедестал почета. И вот провал, другого слова и не подобрать.

Перед отъездом в столицу Греции распространил среди игроков сборной анкету с тремя вопросами. На первый из них с просьбой назвать вариант стартовой шестерки полного единодушия не было. По той причине, что за десять дней до первого матча чемпионата ни тренеры, ни врач команды не могли стопроцентно утверждать, сможет ли в надлежащей форме подойти к турниру капитан сборной Андрей Кузнецов, долгое время не тренировавшийся из-за травм. Сам игрок успокаивал, что будет готов встать в состав в первом же матче, однако сам себя в первую шестерку не включил. Большинство же отдали ему место в составе.

Но капитан так и не вышел на площадку в Афинах. Это выяснилось буквально накануне первого матча, а поскольку аккредитацию Андрей прошел, то и заменить его уже было нельзя. Если же учесть, что чуть раньше сборная потеряла опять-таки из-за травмы ещё одного доигровщика – Павла Шишкина, то ещё до старта турнира можно было предположить, что команда

будет испытывать трудности с приемом подач: достойной замены двум выбывшим из игры найти было невозможно.

В момент, когда сборная готовилась к первому матчу, её капитан отправлялся в аэропорт, чтобы лететь в Москву. И перед уходом из афинского «Дворца мира и дружбы», где проходили матчи чемпионата, подошёл ко мне:

– Боюсь, что навсегда придётся проститься с волейболом, – откровенничал Андрей. – Хотя очень хочу играть и был уверен, что смогу помочь команде. Но на первой же тренировке в Болгарии, где мы проводили контрольные матчи, почувствовал чудовищную боль в спине плюс ещё не долеченное колено. Теперь всё решит врачебный консилиум…

Я с грустью смотрел вслед российскому капитану, не предполагая в тот момент, что это была наша последняя встреча: через несколько месяцев в канун нового, 1995 года капитан сборной России погибнет в автомобильной катастрофе в Италии…

Но я ещё не закончил про анкету. На второй вопрос, способна ли наша команда сыграть на равных с ведущими сборными мира – Италией, Бразилией, Голландией, Кубой, ответ был единодушно положительным. На третий же – назвать тройку призёров стартующего турнира – опять-таки откликнулись не все. Дмитрий Фомин, к примеру, просто поставил прочерк. Но и без того картина оказалась любопытной: восемь опрошенных назвали будущим чемпионом Бразилию, двое – Голландию и один – Россию. В трёх ответах бразильцы значились вторыми, шесть раз второй была названа Италия, по разу Россия и Голландия. А вот бронзовые медали большинство – восемь – отдали России, трое – Италии.

Через две недели выяснилось, что ни один из игроков не угадал призёров, так как никто из наших не верил в возможность итальянцев повторить свой успех четырёхлетней давности. А они вновь выиграли!

Да, не сказал ещё, что в Афины мы приехали с новым тренером. Виктор Радин сменил Платонова после Барселоны, и на европейском чемпионате в Финляндии в 1993-м нам вновь не удалось подняться выше нижней площадки трехступенчатого пьедестала. Это было два шага назад по сравнению с европейским же золотом в Германии. Но все надеялись, что в Греции мы своё возьмём. Однако, потеряв Кузнецова, игрока ключевого, подлинного лидера, рассчитывать на место выше третьего было сложно. Но и до заветной бронзы ещё предстояло добраться. Настроение же в команде было не из лучших.

Алжирцев прошли без проблем, зарубились с канадцами, в

конце концов еле-еле выкарабкались, победив 17:15 в пятой партии. И с греками в матче, определяющем группового победителя, пришлось больше двух с половиной часов терпеть пятисетовые мучения. Если накануне нам повезло, то на сей раз судьба улыбнулась хозяевам чемпионата.

Между тем турнирные события дарили одну сенсацию за другой, так что не упомянуть о них было бы неправильно. Параллельно с нашим матчем против греков в другой группе в Салониках встречались безусловный лидер – Италия с заведомым аутсайдером – Японией. Азиаты в первые два дня уступили болгарам – 1:3 и своим соседям из Китая -0:3. Европейцы, соответственно, легко разделались с теми и другими. А тут вдруг итальянцы проигрывают Японии! Сенсация?

Пресс-центр гудел от недоумения. Но большинство коллег, в том числе и знакомый из AFP Серж Дессимули, склонялись к мысли, что японцы просто-напросто купили эту игру. Потому что им нужна была победа с любым счётом, чтобы обойти китайцев по соотношению сетов и выйти в следующий круг. Итальянцы же могли позволить себе проиграть – опять-таки с любым счётом: они всё равно занимали первое место в группе.

Ещё одно событие, которое не могло не остаться незамеченным: счастливое возрождение американцев. Помните, в Бразилии они провалились на корню. Через два года на Играх в Барселоне смогли воскреснуть из пепла, благодаря возвращению в команду таких знаменитых чемпионов, как Стврtлик, Форчун, Брайан Айви и ряда других. Прибавьте сюда талантливых новобранцев, среди которых был и Ллой Болл, и станет ясно, как вновь образовался очень симпатичный по игре и способный побеждать коллектив, который развенчал миф о непобедимости тех же бразильцев – олимпийских чемпионов Барселоны и заставил последних пробиваться в восьмерку лучших окольными путями вместе со сборной России.

В четвертьфинал мы попали без особых физических и психологических потерь – немцы были пройдены относительно легко. А вот дальше жребий вывел нас на итальянцев, чего очень не хотели как тренеры, так и игроки. Но тут же припомнили, что в ходе сезона наша команда со сборной уже получившего итальянское гражданство аргентинца Веласко сыграла четыре матча в рамках предварительного этапа Мировой лиги, три из которых выиграла. Почему бы не сделать то же самое ещё раз?

Увы, всё стало ясно уже в первом сете, когда нашей команде удалось завоевать первое очко при счёте… 0:12. Одну партию нашим выиграть всё-таки удалось. На том, судя по всему, для россиян чемпионат и закончился. Потому что 5-е наши

волейболисты займут в итоге место или 8-е, по мнению игроков, значения не имело. И они за час с небольшим «сдали» матч бразильцам, но в последний день всё-таки обыграли корейцев – не проигрывать же в самом деле сборной, которая слабее тебя по всем статьям.

Матч Россия – Корея открывал последний день турнира. А завершала его финальная встреча, в которой вновь победила «Скуадра адзурра». На сей раз голландцев, для которых это было первое восхождение на мировой пьедестал. А готовил «оранжевую» команду молодой Йоп Алберда, которому самую высокую оценку дал знаменитый американский тренер Дат Бил, тот самый, который выиграл в 1984-м с американцами олимпийское золото.

На банкете в огромном зале «Дворца мира и дружбы» счастливый Веласко отплясывал со своими игроками сиртаки: они во второй раз подряд стали чемпионами мира. До этого подобное удавалось только сборной СССР.

Полуночные бдения в домашних трусах

В последний день провального афинского чемпионата 1994 года между нашими игроками, тренерами и руководством ВФВ состоялся разговор, после которого все стороны обещали сделать соответствующие выводы. В том числе и организационные. Но очередной тренерской перестановки пришлось ждать целый год. Повод был соответствующий: новое провальное соревнование и опять в греческой столице, где россияне не попали даже в полуфинал теперь уже европейского чемпионата. Так состоялось третье пришествие Платонова в национальную команду. Самое неудачное. Не зря же говорят, что в одну реку нельзя войти дважды. А уж в третий-то раз, как оказалось, и подавно…

Результаты на главных турнирах не улучшились: наши не попали в призёры ни на Олимпийских играх в Атланте, ни на европейском первенстве в Голландии в 1997-м. И было решено вновь выбрать тренерский штаб на конкурсной основе. Заявок было подано несколько. Вначале компетентная комиссия, в которую входили такие известные специалисты, как Николай Карполь, долгие годы успешно руководивший женской сборной страны, ознакомилась с программами кандидатов, потом президиум ВФВ голосовал за одну из рекомендованных комиссией программ. В итоге победил Геннадий Шипулин, с которым к руководству сборной в канун 1998 года (выборы проходили в декабре) пришли Юрий Нечушкин и Олег Антропов.

Правда, последний надолго не задержался: после первых же матчей нового розыгрыша Мировой лиги специалист из Латвии решил, что с тандемом российских тренеров ему не по пути, что их взгляды на современный волейбол не совпадают с его видением игры. Не захотел выполнять обязанности нового введённого правилами амплуа либеро и Евгений Митьков. Так уже на начальном этапе подготовки к мировому первенству в Японии пришлось производить перестройку как тренерского штаба, так и боевых порядков на площадке.

В Уозу, где наша команда стартовала, я не попал – освещал перед этим женский чемпионат мира, который завершился 12 ноября в Осаке, и не успевал к стартовой игре мужчин. Тогда и решил переждать первый групповой этап в Токио и поработать в главном пресс-центре ЧМ-98, который расположился в здании телекомпании TBS. Здесь в небольшой, но уютной комнатке висели на стене шесть мониторов, и я имел возможность наблюдать трансляции всех матчей предварительного этапа в шести квартетах из шести городов. Занятное, скажу я вам, зрелище. Понятно, больше всего меня привлекали трансляции из Уозу, где нашим предстояло играть с турками, австралийцами и югославами. Ясно было, что решающим станет матч с подопечными сербского специалиста Зорана Гайича, которые, как оказалось, прибыли к месту старта всего за два дня и тяжело перенесли и смену часовых поясов, и 26-часовой перелёт.

Мы начинали турнир с турками, которых привёз в Японию кубинец Хилберто Эррера. Тот до этого успел поработать со сборными Испании и Греции, ни с кем серьёзных побед не добился, хотя все три команды были представлены на чемпионате. У нас не выступал травмированный Вадим Хамутцких, но и без основного связующего россияне не испытали никаких сложностей. С австралийцами было то же самое. А вот с югославами встреча получилась напряжённой, хотя и ничего не решавшей для обеих команд. Наши выиграли два первых сета и посчитали, что дело сделано. И, как часто бывает в подобных случаях, уступили в трёх оставшихся партиях. Причём в пятой – 14:16.

Затем был переезд в один из современных пригородов японской столицы Чиба-Макухари, где проходили игры второго группового этапа. И в первой же встрече россиянам противостояли американцы, которых после многолетнего перерыва вновь возглавил знаменитый Даг Бил. Пришлось изрядно попотеть, но победа всё же была достигнута – 3:2. Впервые увидев команду Шипулина наяву, а не на телеэкране, отметил одно любопытное изменение: место на скамейке занял

Юрий Венгеровский, чемпион мира и Олимпийских игр, волейбольный учитель главного тренера сборной России. Тот в официальной заявке значился массажистом и имел право находиться рядом с площадкой. В ходе игр Венгр (так называли бывшего игрока ещё в бытность, когда он сам выходил на площадку) особо не мешал Шипулину с Нечушкиным. Но зато после матчей «грузил» главного по полной. Бывало по полночи что-то постоянно внушал ученику.

Занятная это была картинка: два немолодых полуголых человека с выпирающими животиками в длинных домашних трусах ночи напролёт дефилировали по длинным коридорам пятизвёздочного отеля, в котором жили все команды, и один при этом всё время что-то говорит, а второй – кивает головой в знак согласия или мотает из стороны в сторону в противном случае.

Я же вспомнил об этих эпизодах, наблюдая в 2006-м за мировым чемпионатом футболистов. Там часто показывали похожую картину. Нет, не прогулку по коридорам двух тренеров. Но наблюдая за происходящим на скамейке запасных бразильской команды, где игрой вроде бы командовал Карлос Алберту Паррейра, но тут же присутствовал его бывший руководитель – седовласый и умудренный опытом Марио Загалло. Ясно было, что последнее слово, само собой, было за опытным Загалло. Как завершили чемпионат в Германии бразильские футболисты, которым все прочили золото, известно. Для тех, кто подзабыл, напомню: не прошли дальше четвертьфинала, проиграв французам – 0:1. Вот и у наших волейболистов в 1998-м ничего путного не получилось.

Между тем ситуация в турнире сложилась такая, при которой многое должно было решиться в три оставшихся дня четвертьфинальных соревнований после переезда в Хамамапу, где нашим предстояло сыграть с сильнейшими командами Старого Света – Италии, Голландии и Югославии.

Итальянцам мы проиграли – 1:3, разгромили голландцев, выступавших в ослабленном составе, но после того, как югославы в трёх партиях взяли верх над итальянцами, стало ясно, что в четвёрку нам пробиться нереально.

Заканчивалось всё в Токио. Наши смогли в трёх партиях победить вначале болгар, потом тех же голландцев и занять пятое место, что всё-таки было на две позиции выше, чем за четыре года до этого. А чемпионами в третий раз подряд стали итальянцы. Только теперь не с аргентинцем Веласко, а с бразильцем Бебето. Причём, в решающем матче они достаточно легко победили югославов, которым за несколько дней до этого проиграли в четвертьфинальной серии также в трёх партиях. Нам же

оставалось уповать на то, что Россия имеет положительный баланс во встречах с чемпионом и вице-чемпионом. Вот только игры эти были либо товарищескими, либо в рамках Мировой лиги или Евролиги. А все они, как известно, не идут ни в какое сравнение с мировыми первенствами.

Нельзя обойти ещё одно памятное событие, случившееся под занавес чемпионата. В последний день на пресс-конференции в Токио президент Международной федерации волейбола мексиканец Рубен Акоста объявил о кардинальных, я бы даже сказал революционных, изменениях в волейбольных правилах. Главное из которых – отмена перехода подач, а очковый потолок был поднят с 15 до 25. Это должно было сократить продолжительность матчей, что требовалось для телепоказа. Большинство специалистов, игроков, коллег-журналистов, и я в том числе, восприняли нововведения в штыки. В действительности же очень быстро все «оппозиционеры» вынуждены были признать, что изменения пошли на пользу как самому волейболу, так и его многочисленным почитателям: игра стала гораздо более понятной – любое касание мяча площадкой считалось выигранным или проигранным очком. Всё очень просто.

В зоне турбулентности

Шипулин самокритично отнёсся к итогам первого для себя мирового чемпионата в качестве главного тренера. Признался, что совершил несколько ошибок при формировании сборной, что взял бы в команду только половину из тех, кто ездил в 1998-м в Японию, разнёс в пух и прах своих собственных, белгородских воспитанников, прежде всего Романа Яковлева, отметил только Руслана Олихвера с Константином Ушаковым. Но сделал при этом главный вывод: набрался опыта руководства сборным коллективом, пересмотрел прежние принципы и готов уже в ближайшее время создать настоящую команду. И ведь сдержал слово! Через год сборная Шипулина выиграла Кубок мира, а Яковлев был признан самым полезным игроком турнира и получил в награду новенькую «Тойоту».

И в Сиднее на Олимпийских играх 2000-го мы вправе были ждать очередного взлёта шипулинской дюжины. Всё к тому и шло, хотя дело продвигалось туговато. В решающем матче нас ждали югославы всё с тем же Гайичем, которых мы хорошо знали и у которых выиграли уже в Сиднее в групповом турнире. Эта победа, как мне кажется, и оказала плохую службу: российские

волейболисты вышли на финальную игру настолько уверенными в себе, что оторопели после первых же проявлений отчаянного сопротивления соперников, которые совершали невероятные, граничащие с риском для жизни телодвижения, дабы не дать мячу опуститься на площадку. А что вытворял их лидер Владимир Грбич – вообще уму непостижимо: он готов был лететь несколько метров по воздуху аж на трибуны, лишь бы оставить мяч в игре. Югославы не просто хотели, жаждали выиграть и делали для этого всё, на что были и даже не были способны, а наши, напротив, ещё до выхода на площадку посчитали себя победителями, а перестроиться по ходу встречи не смогли. Плюс в сборной, как всегда, не оказалось собственного Грбича-старшего. Потому и уступили.

Не удалось спустя год победить и на европейском чемпионате в Вене, хотя на сей раз команда была близка к этому как никогда, даже в финальном матче с итальянцами. Но всю «малину» испортил ветеран Андреа Джани, «штопанный-перештопанный» после многочисленных травм лидер команды с Апеннин. Он вышел в середине матча, и на площадке всё стало меняться. В итоге сборная России вновь уступила.

И пришёл год 2002, на мой взгляд, первый в постсоветской истории отечественного мужского волейбола, когда команда заставила говорить о себе с восклицательным знаком. Россиянам впервые удалось выиграть престижную Мировую лигу! Причём для этого потребовалось обыграть сборную Бразилии в Бразилии на глазах более 20 тысяч представителей как всегда не смолкавшей ни на секунду торсиды. Так что на чемпионат мира в Аргентину команда Шипулина летела признанным фаворитом.

Но прежде чем рассказать об удивительных, граничащих с неправдоподобностью перипетиях чемпионата и выступлении в нём нашей команды, следует вспомнить, что мы вообще-то попали в число его участников случайно, потому что отборочный турнир в турецкой Бурсе проиграли, пропустив вперёд греков. И только случай – лучшее соотношение партий среди нескольких сборных, исчислявшееся несколькими сотыми среди оказавшихся вторыми в своих группах, позволил нам заполучить заветную путёвку в Южную Америку. А то бы… Нет, лучше не вспоминать. Как и многое из того, что случилось уже в Аргентине.

Хотя бы в первые дни группового турнира в Буэнос-Айресе. После окончания первого матча Болгария – Россия, в котором соперник оказался сильнее по всем показателям, нашим ничего не оставалось, как побеждать других конкурентов – Францию и Тунис, чтобы продолжить выступление в турнире. И не просто выигрывать, а желательно как можно более убедительно:

в следующий этап выходили по две лучшие сборные из каждой группы плюс четыре из шести команд, из занявших третьи места.

Но и французам матч был «сдан», только не в трёх, как болгарам, а в четырёх партиях. После чего капитан команды Олихвер коротко и ясно подытожил ужасное начало чемпионата россиянами: «Мне стыдно за всё, что произошло». Но признание это не успокаивало. Что случилось с командой, никто понять не мог. Чуть позже ребята из российского посольства объяснили всё это сложностями акклиматизации, причём специфическими именно для Буэнос-Айреса. А пока, чтобы не отправиться домой, надо было побеждать тунисцев не просто в трёх партиях, а ещё и с как можно более убедительным счётом. Если же учесть, что африканцев готовил к чемпионату итальянский тренер, что они отобрали по партии как у французов, так и у болгар, то сделать это было не так уж и просто. Плюс ко всему не всё зависело только от исхода нашего матча. Ещё важно было, чтобы итальянцы выиграли у канадцев в трёх партиях и с таким же счетом команда США должна была побеждать Венесуэлу.

Наша игра начиналась чуть позже остальных, и было решено, что я буду находиться на постоянной связи с Шипулиным из главного пресс-центра, где следил за событиями в других городах по Интернету. Американцы заставили понервничать уже в первой партии, когда счёт стал 24:24. А в третьем сете мобильники мы вообще не отключали: там дело затягивалось, и вздох облегчения у моего собеседника я услышал после того, как сообщил ему окончательный результат третьей партии – 33:31. И в матче Италия – Канада события развивались совсем не по нужному нам сценарию: во второй партии в концовке североамериканцы догнали ещё действующих чемпионов мира – 24:24. А при 22:15 в третьем сете, как назло, зависли все компьютеры в пресс-центре. Пришлось всеми правдами и неправдами узнавать итоговый результат, который оказался для нас положительным.

Это потом, когда итальянцы, выигравшие перед этим три мировых первенства подряд, окажутся вообще не у дел, они будут переживать, что не проиграли ту, вторую, партию канадцам: просто не просчитали этот вариант, а то бы наверняка сделали так, чтобы отправить нашу команду домой раньше времени. Об этом рассказал позже Серджо Бузато, помогавший различным российским тренерам в сборной нашей страны, а в 2002-м он работал в стане итальянской сборной.

Теперь оставалось только побеждать Тунис. Сказать легко – сделать оказалось труднее. Осложнения начались в третьей партии, а при счёте 18:20 на нашей скамейке началась лёгкая паника. И если бы не Андрей Егорчев, в сложнейшей ситуации

сотворивший маленькое чудо – трижды подряд закрыл блоком атаку соперников, лететь бы нам не в Кордову на второй этап чемпионата, а в Москву. Выигрышу у Туниса наши радовались так, как будто выиграли чемпионат мира!

Но на этом наши неприятности не закончились. Настоящая трагедия могла произойти на пути из Буэнос-Айреса в Кордову. Во время часового перелёта на «Боинге»-727 аргентинской авиакомпании Austral лайнер попал не просто в зону турбулентности, а в настоящий грозовой фронт: самолёт болтало словно утлое суденышко в девятибалльный шторм, его трясло так, что казалось, вот-вот отвалятся крылья, а провалы в воздушные ямы напоминали кошмарные спуски на американских горках. Как рассказывали позже ветераны сборной, «воздушные приключения», правда, не столь опасные, происходили с ними и раньше во время внутренних перелётов в Южной Америке. Просто на сей раз диспетчер, получивший сообщение о неблагоприятных погодных условиях, не имел права выпускать самолёт из столичного аэропорта…

После приземления на западных окраинах пампы – бескрайних аргентинских степей, игроки ещё некоторое время приходили в себя, а Шипулин заглянул в кабину пилота. Командир корабля был бледен, у него тряслись руки, и на вопрос: «Что произошло?» – он ответил: «Катастрофа».

Но и после этого потрясения – земные и воздушные – не закончились. Попав в зону турбулентности вначале в переносном, а потом и в прямом смысле, наши никак не могли из неё выбраться: очень тяжело дались россиянам два первых матча в Кордове – и с поляками, и с испанцами пришлось играть по пять партий. Между тем увереннее этих двух команд выступили португальцы, и к встрече между собой сборные России и Португалии обеспечили себе выход в четвертьфинал. А дальше на нашем пути оказались греки.

Слава богу, перелёт обратно, в Буэнос-Айрес, прошёл без эксцессов. Как и очередное противостояние грекам. Это в предыдущем сезоне наши проиграли этой сборной четыре матча из пяти и чуть было не оказались вне мирового первенства. На сей раз «отыгрались» на греках по полной программе за час с небольшим и вышли на французов, с которыми уже встречались в том же самом «Луна-парке» аргентинской столицы на первом этапе и, напомню, уступили – 1:3.

Это был третий пятисетовый поединок нашей сборной на этом чемпионате и третья победа! Как выяснилось на следующий день, и последняя… Потому что четвёртый затяжной матч, который был решающим, финальным, нам выиграть не удалось:

на сей раз фортуна от нас отвернулась. Но уж слишком много за какие-то две аргентинские недели она так мило улыбалась нашей сборной, что однажды могла и «козу» состроить. Обидно только, что подобное произошло в самом последнем и главном матче турнира.

А ведь за 20 лет до того в том же самом «Луна-парке» аргентинской столицы чуть ли не день в день играли в финале такого же чемпионата мира сборные СССР и Бразилии. И победу праздновала звёздная команда Платонова. После этого нашим командам, как вы уже знаете из моего рассказа, побеждать на подобных турнирах не удавалось. Не получилось и на сей раз, хотя близки были мы к этой победе как никогда за прошедшие два десятилетия.

В день финала-2002 обозреватели местных газет сходились на равенстве сил у двух сборных. При этом журналисты вспоминали два решающих матча – недавний Мировой лиги и 20-летней давности чемпионата мира-82. В обоих, как вы помните, выигрывали отечественные волейболисты. A La Nation привела слова капитана бразильцев Налберта, который, как позже выяснилось, проявил себя настоящим лидером команды: «Мы очень хотим стать лучшими в мире, выиграв у лучших. А Россия и есть таковая, и соперник для нас достойный».

Решающей оказалась вторая партия. Ведя 11:6, наши игроки совершили пять невынужденных ошибок, которые стоили не только проигрыша сета, но и матча в целом, хотя в решающем отрезке мы уступили самый минимум – 13:15. И два решающих очка принёс южноамериканцам их «джокер» – ветеран Джоване, последний из победного олимпийского состава 1992 года. Бернардиньо выпустил его в концовке, и ветеран вначале выиграл очко, ударив в край двойного блока, а потом запустил дрожащей рукой несильный мяч с подачи – наши подумали, что тот летит в аут, а кругляш возьми да и приземлись рядом с линией, но в оранжевом квадрате. Всё…

Отдавая дань моде

Очередной четырёхлетний цикл, отделявший два мировых первенства, начинался с чемпионата Европы 2003 года в Германии. И в первый же день соревнований в Лейпциге, где россияне проводили игры группового этапа, я вынужден был вмешаться в сложную ситуацию с дисквалификацией тогда ещё совсем молодого, а ныне одного из лучших игроков мирового волейбола – болгарина Матея Казийски. Нет, вины самого парня

не было никакой. После сыгранного стартового матча турнира Болгария – Россия кто-то из дотошных членов мандатной комиссии обнаружил, что работники федерации волейбола балканской страны по какой-то причине не внесли фамилию игрока в предварительную заявку на участие в Евро-2003. Согласно регламенту результат матча должны были аннулировать, а болгарам засчитать техническое поражение. Но поскольку россияне и без того одержали победу – 3:1, то бельгиец Филип Бербен, в то время вице-президент ЕКВ, руководивший жюри в нашей группе, по старой дружбе уговаривал меня, помогавшего руководителю нашей делегации с переводом, не поднимать шум, а согласиться на уже внесенный в таблицу результат встречи. Но я смог настоять, чтобы сопернику было засчитано именно техническое поражение – 3:0.

И дальнейшие события показали, что именно этот результат позволил нашей команде попасть в полуфинал в Берлине: по итогам групповых соревнований у сборных России и Голландии оказалось по 8 очков, но соотношение партий было в пользу россиян – 10–9 против 10–10. При равенстве же партий в Берлин за медалями отправились бы оранжевые, потому что победили в личной встрече -3:0…

Но полуфинал с итальянцами, которых в последние годы наши и за соперников-то не считали, был проигран вчистую за какой-то час с небольшим. На бронзовый матч с сербами всё-таки собрались, и медали завоевать удалось. Но зато не попали на Кубок мира, куда отправлялись две команды от континента, и вместе с итальянцами в Японию отправились французы, совсем чуть-чуть уступившие в финале команде с Апеннин, и сербы, которым ФИВБ предоставила wild card, хотя её должна была получить наша команда.

Так что на Олимпийские игры в Афины пришлось пробиваться через континентальный отбор в уже знакомом нам Лейпциге: пять матчей за пять дней в первые дни января вскоре после новогодних праздников – испытание не для слабых. Но дюжина волейболистов Шипулина не проиграла никому ни сета! Честно скажу, такой уверенной и содержательной игры российской команды в одном турнире (не в матче, а именно во всех проведённых встречах конкретного соревнования) не видел никогда ни до января 2004-го, ни после, включая победные Олимпийские игры-2012 и чемпионат Европы-2013. А ведь в числе соперников были лучшие команды Старого Света, исключая итальянцев и сербов, получивших олимпийские путёвки в Японии: Франция, Голландия, Болгария, Польша и Германия.

Жеребьёвка афинского олимпийского турнира свела в одну

группу команды Бразилии, Италии, России и США. Любопытно, что именно в таком порядке расположились команды и после его окончания. Всё это говорило о несовершенстве принятой в ФИВБ системы распределения по группам «змейкой» с учётом мирового рейтинга: каждая из приведённого выше квартета команд в 1/4 финала обыграла своих соперников из параллельной шестёрки. Хотя во всех парах, кроме одной – Польша – Бразилия, пришлось чуть ли не каждый сет заканчивать на больше-меньше. А вот в полуфинале итальянцы безо всяких проблем, как за год до этого на Евро-2003, разделались с россиянами, а бразильцы опять-таки легко переиграли американцев.

Посчитав бронзовые медали (3:0 против сборной США) результатом не вполне удовлетворительным, было решено сменить главного тренера. И вскоре начавший было работать у того же Шипулина с его клубом в Белгороде серб Гайич, тот самый, который выиграл с югославской командой Олимпиаду-2000, предпочёл перебраться в Москву и сменил своего недавнего работодателя на посту главного тренера национальной российской команды. Впервые иностранный специалист стал руководить нашей сборной. Похоже, это была дань моде, потому что зарубежных специалистов у руля ведущих сборных мира в то время (вспомните хотя бы аргентинца Веласко или бразильца Бебето во главе «Скуадры адзурры») было много.

И первый российский опыт, казалось, дал неплохой результат: серебро Евро-2005 в Италии, ещё точнее, в Риме.

Обыграв всех, в том числе и хозяев площадки на групповом этапе, россияне вышли в полуфинал с первого места. Им предстояло сразиться со сборной Испании, которая перегородила путь в Рим из Белграда, где соревновалась другая шестёрка участников ЧЕ, многим более именитым командам – французам, голландцам, чехам… Казалось бы, чего проще – испанцы никогда ни на что не претендовали ни в каких крупных соревнованиях, хотя и участвовали в двух предыдущих чемпионатах мира – в Японии и Аргентине, но лавров там не снискали. Определённая недооценка соперников наверняка присутствовала, тем более что за полтора месяца до этого сборная Гайича без труда переиграла команду с Пиренейского полуострова в финальном турнире Евролиги в Казани – 3:1.

Но тренер признался мне накануне встречи и наверняка убеждал в этом игроков, что такие находящиеся на подъёме команды всегда опасны как раз в полуфинале: в одном матче испанцы способны прыгнуть выше головы. И они действительно были близки к победе – вели в укороченном пятом сете 12:8, потом 13:10. Но после ошибки на подаче Мигеля Анхела Фаласки

четыре очка на двоих (три из них на блоке) добыли Павел Абрамов и Алексей Казаков. Впрочем, не только эти игроки в сложной ситуации отличились – все, кто находился в тот момент на площадке, заслужили добрые слова в свой адрес – Сергей Тетюхин, Алексей Вербов, Сергей Макаров.

А в финале обыграть хозяев в очередной раз не получилось, хотя российская команда вела по партиям 2:1. Но уступила в четвёртом сете, а в пятом, понятное дело, на стороне хозяев были ещё судьи и 15-тысячный зал поклонников.

Но всё равно в Японию на чемпионат мира 2006 года отправлялись в хорошем настроении. Вот только из-за недолеченной травмы не был включён в заявку Тетюхин. И сей факт, нисколько в этом не сомневаюсь, больше всего повлиял на итоговый результат.

Турнир для россиян начинался в Сендае, полумиллионном промышленном центре на северо-востоке острова Хонсю, который, если помните, несколько лет назад был едва ли не полностью разрушен смертоносным пунами… Основными соперниками россиян в группе D считались сербы, с которыми предстояло сыграть в первый же день турнира. А в его канун итальянские букмекеры прогнозировали россиянам победу в этом матче и ставили их вторыми по итогам чемпионата с коэффициентом 1:5 после Бразилии – 1:2,2 и перед Италией с Сербией – 1:8.

Но этим прогнозам удалось сбыться лишь отчасти. Той самой, которая не касается нашей команды. Ошиблись профессиональные пророки. Уже первый матч был проигран вчистую. Почему-то олимпийские чемпионы Сиднея настроились на игру, как за шесть лет до того на Играх в Австралии. Принципиальность придавал и тот факт, что сборную на противоположной стороне сетки готовил сейчас тот, с кем было выиграно олимпийское золото: игрокам важно было доказать, что они могут побеждать российскую команду и без Гайича, а уж тем более когда их бывший тренер теперь находился по ту сторону «баррикад». Причём три серба – Иван Милькович (67,44 % результативности в атаке), Горан Вуевич (суперкачественный приём – 93,75 %) и самоотверженный боец Владимир Грбич «набили» в два раза больше очков, чем ударное трио россиян – Казаков, Абрамов и Семён Полтавский.

Остальных соперников – Тунис, Канаду, Казахстан (эту команду тренировал Владимир Кондра) и Корею – россияне победили вообще без проблем. И на втором групповом этапе, который опять-таки проходил в Сендае, также в трёх партиях были обыграны Аргентина, Пуэрто-Рико, Япония. Но главным, все

это понимали, должен был стать матч с поляками: после жестокого поражения от сербов только победа над Польшей открывала российской команде путь в полуфинал.

Накануне пообщался с одним из лидеров бело-красных Лукашем Каджевичем, игравшим в предыдущем клубном сезоне в российском чемпионате за команду из Нового Уренгоя. «Мы сейчас ничуть не слабее вашей очень сильной сборной, – уверенно утверждал центральный блокирующий команды Польши. – И мы выиграем, вот увидите».

Однако у Гайича было иное мнение: «Мы сильнее поляков на блоке и подаче. Если не уступим на приёме, в пасе и нападении при съёме, всё будет нормально».

Нормально не вышло.

А ведь начали наши этот матч увереннее некуда. У них получалось всё или почти всё, особенно на приёме, что позволяло разнообразнее действовать в нападении и чаще атаковать первым темпом. Совершенно растерянными, не знавшими, что делать и куда бить выглядели диагональный соперников Мариуш Влажлы и на тот момент возглавлявший список лучших нападающих всего чемпионата Себастьян Свидерски, запомнившийся мне ещё по молодёжному чемпионату мира 1997 года в Бахрейне, который поляки выиграли. После двух победных партий с одинаковым счётом 25:19, как это часто бывает с любой командой, а уж с нашей-то и подавно, третий сет россияне начали вальяжно, забыв на время, что матч ещё не окончен – и поплатились за свою расслабленность и потерю концентрации: настроиться на борьбу вновь не получилось, и всё пошло наперекосяк.

Когда же аргентинский тренер поляков Рауль Лосано произвел несколько своевременных замен и вместо «малюсенького» (193 см) доигровщика Свидерски вышел гренадер Пётр Грушка (206 см), наши в атаке не смогли перестроиться – продолжали бить «под себя». А тут ещё и судьи помогли соперникам. На вышке свистел старый знакомый россиян турок Умит Сокуллу, который не раз до этого отличался своим предвзятым взглядом на действия наших волейболистов, в каких бы майках они ни находились на площадке – сборной или клубных.

Плюс ко всему совершенно неожиданно «посыпался» на приёме лучший из наших в этом элементе Абрамов. После матча на вопрос, почему его вовремя не заменили и ошибки продолжались, Гайич ответил искренне: «Потому что больше некому было держать приём». Ещё тогда подумал, как бы в этот момент пригодился даже недолеченный Тетюхин. Мало того, что он однозначно был сильнее Абрамова, само присутствие лидера

отечественного волейбола в команде вселяло в партнёров уверенность. Но Гайич предпочёл опытному мастеру молодого Юрия Бережко, который весь турнир провёл в запасе, выйдя на площадку лишь в ничего не значащем матче против сборной Казахстана…

Завершался чемпионат в Токио. С итальянцами в плей-офф за 5–8-е места наши играли уже без энтузиазма: настроить команду в таких случаях иностранным тренерам было очень непросто. И уступили недавним фаворитам всех турниров в трёх партиях, японцам за седьмую позицию просто не имели права проигрывать, но всё равно одну партию отдали.

Очень надеялся, что в нашей очередной беседе с тренером о плачевных итогах турнира Гайич будет откровенен. Но сербский специалист старательно уходил от конкретных ответов, объясняя, что чемпионат мира, якобы, был этапом подготовки к… Олимпийским играм в Пекине. Поэтому, мол, в составе не оказалось семерых из серебряных призёров Евро-2005. «Где я ошибся, а где нет, станет ясно только в 2008-м на Играх в Пекине», – заключил наш разговор тренер.

Но в Пекине и даже раньше – на следующем чемпионате Европы-2007 в Москве – во главе сборной России Гайича уже не было.

А чемпионами мира вновь стали бразильцы, легко переигравшие в решающем матче… поляков. Бронзу спустя 18 лет завоевали болгары, победившие сербов – 3:1. Зато два россиянина удостоились индивидуальных призов – Алексей Кулешов стал лучшим среди блокирующих, а его тёзка Вербов был признан первым среди либеро.

Как «сказка» не стала былью

Короче, не удалось сербскому специалисту доработать в сборной России до Пекина, чтобы выяснить, где он ошибся, а где нет, опустившись вместе с командой на 7-е место на ЧМ-2006 после серебра Шипулина и Ко в 2002-м. Признав итог работы иностранного специалиста неудовлетворительным, президиум Всероссийской федерации волейбола решил назначить на должность главного тренера сборной России Владимира Алекно.

Мы были шапочно знакомы ещё с советских времён. Причём больше запомнил белорусского парня не столько в ЦСКА, цвета которого тот защищал недолго, сколько по выступлениям за вторую сборную страны. Потом на какое-то время потерял Алекно из вида. А тот в это время, поиграв немного в Турции и Италии,

обосновался во Франции, точнее, в «Туре», в котором завершил карьеру игрока и начал тренерскую деятельность. Причём в самом начале нового века приезжал несколько раз в Россию во главе своей команды на матчи Лиги чемпионов с российскими клубами – «Тур» под руководством Алекно дважды становился чемпионом Франции, выигрывал национальный Кубок, и мы с удовольствием общались и по-русски, и по-французски, который наш специалист освоил на очень приличном уровне.

А потом была Россия, куда Романыча настоятельно заманивал его земляк Юрий Сапега, к тому времени занявший высокий пост во Всероссийской федерации волейбола, и два серебра и золото с московским «Динамо». После этого и последовало приглашение в главную команду страны.

Все с нетерпением ждали домашнего чемпионата Европы, которые прежде ни в СССР, ни в России не проводились. Тем более что этот турнир не удавалось выиграть с 1991 года. И сомнений в победе даже перед финалом не было никаких: соперник оказался неожиданно не чета известным европейским грандам – сборная Испании, команда безо всяких титулов.

Переполненный «Олимпийский» ждал уверенной игры своей команды и российского гимна в честь долгожданной победы на Евро. И… стал свидетелем затяжного пятисетового мучения одних (россиян) и блистательной игры других (испанцев). Россияне, которым все заранее отдавали золотые медали, провели едва ли не худший матч в сезоне. Но всё равно могли добиться победы, забей решающий мяч в четвёртом сете. Не получилось.

Самое удивительное, что в один и тот же день – 16 сентября – в Москве завершался чемпионат континента по волейболу, а в Мадриде – аналогичный турнир по баскетболу. И там, и там в решающем матче соперничали сборные двух этих стран, но в Испании победу праздновали россияне, а в России, увы, испанцы. Которые никогда ранее и никогда после так высоко по волейбольной иерархической лестнице не забирались. Да и вряд ли в обозримом будущем им это удастся сделать…

Обиднейшее поражение стало хорошим уроком для Алекно. И спустя год уже к Олимпийским играм в Пекине россияне подготовились как никогда прежде. Но, как всегда, на пути к главным событиям – речь о плей-офф – надлежало преодолеть непростое соперничество в групповом турнире. Понятно, что тренер подводил команду прежде всего к трём заключительным матчам. А на пути к ним более двух часов ломали «несговорчивую» сборную Германии, необычайно умело расправились с вечными обидчиками все последние годы из Бразилии, но вот совершенно неоправданно уступили полякам в

последнем матче в группе, и вместо того, чтобы двигаться вперёд по одной стороне сетки, через легко преодолимый Китай, в четвертьфинале вынуждены были соперничать с хорошо знакомыми, но требующими полной концентрации болгарами. Если бы не «оплеуха» от поляков, прошли бы до решающего матча без серьёзных проблем – перешагнув через китайцев и перепрыгнув через итальянцев.

А так в полуфинале получили американцев, которые просто прописались в нашей стране, играя сразу в нескольких клубах, и во многом благодаря этому блестяще смотрелись в Пекине, а перед этим ещё в финальном турнире Мировой лиги, где им не было равных. Но, как мне представляется, решающими в этом принципиальном матче были всё-таки не совсем оправданные замены, которые делал Алекно по ходу матча, причём что обидно, в концовках партий, когда, собственно, всё и решалось. Удивительно, но каждый раз выбор тренера был однозначным: и вместо Тетюхина, и вместо Максима Михайлова на площадку выходил Бережко. И каждый раз проваливался, заставляя Алекно следом делать рокировку… Позже выяснилось, что игрок перед важнейшим матчем не спал ночь – зубная боль замучила. Но кому от этого легче, когда вполне реальное золото было переплавлено в бронзу.

Другие бы радовались олимпийским медалям, но в команде не было ни одного волейболиста, кто выразил удовлетворение от происшедшего: игроки как никто другой чувствуют, как они готовы и на что способны. На сей раз они могли стать первыми. Впрочем, не исключаю, что пекинские уроки помогли Алекно через четыре года добыть-таки олимпийское золото Лондона-2012. Обидно только, что в чемпионском составе уже не было Хамутцких, Косарева, блестяще проведшего весь пекинский турнир, Кулешова, Полтавского…

Возвращаясь из китайской столицы, все знали, что грядёт очередная смена тренеров и в очередной раз к руководству придёт иностранный специалист – теперь итальянец Даниэле Баньоли, послужной список клубных побед которого зашкаливал. Вот только со сборными Баньоли до сей поры не работал, и никто не ведал, как у него получится. Первая проверка состоялась во время Мировой лиги-2009, и результаты в группе ничем не порадовали – поражения от болгар (дома), кубинцев (дома и в гостях) и от японцев (?) на своей площадке. И хотя в «Финал шести» сборная попала и в итоге оказалась третьей, полного удовлетворения даже не от результата – от игры не было.

Своеобразной лакмусовой бумажкой, как и в случае с Галичем, считался чемпионат Европы, который проходил в

Турции. Два групповых этапа были пройдены без единого поражения. Причём соперничать пришлось с первыми номерами европейского рейтинга – сборными Италии, Сербии, Голландии, Болгарии…

Камнем преткновения в очередной раз стали такие неприятные для россиян по манере игры французы. Уступив в двух первых сетах, игроки проявили незаурядный характер, вырвав на зубах третий – 27:25, а затем легко взяв четвёртый. Все свелось к решающему противостоянию в пятой партии. И тут – страшно вспоминать! – когда до заветного финала оставалось каких-то два точных удара (13:9), наши умудрились проиграть. На пресс-конференции Баньоли словом не обмолвился по поводу своих промахов – не произведённых вовремя замен, не взятых, когда ситуация требовала, перерывов. Правда, и на игроков вину не сваливал. И хотя после европейского серебра в 2005 и 2007 годах сборная опустилась на четвёртую позицию, Баньоли оставили у руля команды. Но чемпионат мира-2010 показал, что это было ошибкой.

Организаторы турнира итальянцы придумали такой замысловатый регламент, чтобы их команда могла избежать на пути в Рим, где проходила решающая стадия ЧМ, встреч с главными фаворитами соревнований. По большому счёту и у россиян осложнения могли возникнуть разве что на третьем групповом этапе, после которого только победитель выходил в полуфинал. И вместо того чтобы заниматься серьёзной подготовкой к каждому матчу, Баньоли, судя по всему, принялся судорожно просчитывать варианты, как надо сыграть в последнем для нас матче второго этапа с испанцами, чтобы на следующей стадии не встретиться с бразильцами.

По раскладам тренера выходило, что, в случае победы над командой Веласко (выдающийся аргентинский специалист теперь работал с испанцами), нас ждал, как написал один из читателей, «ад», то бишь сборные Бразилии и Кубы, а проиграв, наша сборная скорее всего попадала, по меткому выражению любителя волейбола, в «сказку» – в группу с Сербией и Аргентиной. И мой виртуальный собеседник делал вывод: «В случае честной игры и выноса испанцев слишком велик риск досрочно покинуть чемпионат. Тот случай, когда фэйр-плей должен уступить место здравому смыслу». При этом, увы, ни Баньоли, ни его сторонники, в том числе и автор приведённой выше фразы, не учитывали одну деталь: у бразильцев оставалась игра в запасе – с болгарами, а южноамериканцы всегда отличались умелыми расчётами-просчётами.

Баньоли сделал так, чтобы сборная России уступила

испанцам. Причём всё получилось красиво, не подкопаешься. Но надо было видеть недоумевающих российских игроков основного состава, которые наблюдали за происходящим на площадке в отведённом для запасных квадрате.

Ну и бразильцы оказались не лыком шиты – опять-таки выпустили против болгар второй состав (как на Олимпиаде в Афинах или в «Финале шести» Мировой лиги-2014 во встрече с Ираном, которая для них уже ничего не решала, но могла выбить из розыгрыша россиян, что и произошло).

«Сказочная» группа и в самом деле оказалась таковой, только, в отличие от реальных народных сказок с пиром на весь мир, в финале с печальным для нашей сборной исходом: сербы устроили нашим второй Сидней-2000. Только теперь в отсутствие Грбича-старшего, к этому времени завершившего выступления, солировал Грбич-младший – Никола, творивший на площадке чудеса – он и пасовал, и блокировал, и атаковал, и в защите поднимал немыслимые мячи. Это был подлинный волейбольный фейерверк, исполненный большим мастером при знаковой поддержке Ивана «Грозного» Мильковича и других партнёров.

– Мне кажется, исход этого матча был предрешён заранее, – откровенничал Вячеслав Зайцев, выдающийся мастер, один из лучших связующих мира, капитан непобедимой советской команды в 70–80-х годах прошлого века. – Весь турнир наша сборная не демонстрировала ничего выдающегося. Просто на фоне не самых сильных соперников огрехи в её игре не слишком влияли на результат. Команда держалась, по сути, на двух игроках – Михайлове и Дмитрии Мусэрском. Что делали на площадке остальные четверо? Впрочем, нападающие – народ зависимый. От связующих, которые в очередной раз турнир провалили. Нельзя все матчи играть по одному и тому же шаблону. Нужна изюминка, надо индивидуальность проявлять. Иначе результат тоже получится шаблонным. Таким, какой мы имеем уже много-много лет. Сейчас пойдут разговоры, что с сербами нам не повезло, что в концовках первого и четвёртого сетов от нашей сборной отвернулась удача. Но это всё чепуха, бред сивой кобылы. Класс команды и проявляется именно тогда, когда счёт идет на «больше-меньше»: сербы в эти моменты что-то придумывали, мы же делали, что обычно. И проигрывали…

Четвёрка лучших команд отправилась в Рим, а российская сборная вернулась в Модену, где и начинала этот чемпионат. Победив болгар -3:1 и американцев – 3:0, наши волейболисты в итоге финишировали пятыми. А золото в очередной (третий подряд) раз отправилось в Южную Америку: в полуфинале бразильцы были сильнее хозяев – 3:1, а золотой матч закончился

быстро – в трёх партиях обессиленные после двухчасовой встречи против сербов накануне кубинцы были не в состоянии оказать соперникам достойное сопротивление. А вот их соперникам вполне хватило сил, чтобы выиграть бронзу в споре с итальянцами.

Баньоли так и не признал, что в очередной неудаче сборной его вины больше, чем кого-нибудь. Чемпионат продемонстрировал, что очередной эксперимент с зарубежным тренером в главной российской команде (в клубах, кстати говоря, все то же самое) не удался. Да и вряд ли вообще возможен вариант, при котором сборная России стала выигрывать крупные соревнования с иностранцем во главе. Вспоминаю в этой связи ответ Дата Била, известного американского специалиста, на мой заданный в конце 2007 года вопрос: когда же победы наконец придут к российской команде, которую на всех крупных соревнованиях причисляют к фаворитам, а она ничего серьёзного выиграть не может? Не смогу по памяти воспроизвести слова Била дословно, но смысл сводился к следующему: вы будете всё выигрывать тогда, когда во главе сборной встанет свой, доморощенный, прошедший большой путь к этой победе методом проб и ошибок специалист.

И все события, последовавшие после чемпионата мира 2010 года, подтвердили пророчество Била – в 2011-м россияне победили в Мировой лиге и на Кубке мира, в 2012-м вновь с Алекно выиграли олимпийское золото, в 2013-м взяли Мировую лигу и стали чемпионами Европы с Андреем Воронковым.

То взлёт, то посадка

Самым ярким и счастливым в моей журналистско-волейбольной жизни стало четырёхлетие между чемпионатами мира в Италии в 2010-м и в Польше в 2014-м. И это при том, что на самом мировом первенстве золота ни советские, ни российские сборные не выигрывали аж с 1982 года. И всё-таки надеюсь, что доживу до того счастливого дня и своими глазами увижу победу нового, уж и не знаю какого по счёту, поколения отечественных волейбольных мастеров на оставшейся непокорённой с советских времён мировой вершине. Как стал свидетелем феноменального финала и успеха россиян на Олимпийских играх в Лондоне спустя 32 года, прошедших с Олимпиады в Москве, и наконец-то добытого заветного приоритета в Европе после 22 лет неудачных попыток доказать свою силу среди конкурентов в Старом Свете.

О том, что Баньоли следует уйти, было очевидно всем, кроме самого итальянца. Тот так и не признал, что причиной всех неуспехов руководимой им сборной России был прежде всего он сам. Причём, самое удивительное, что понимал это даже помощник Баньоли и, на мой взгляд, специалист ничуть не слабее, если не круче своего соотечественника – Роберто Пьяцца.

У руля главной команды в конце 2010 года во второй раз встал Алекно. На сей раз и серьёзных споров не было о совмещении работы в клубе и сборной: таково было условие уже набравшегося турнирного опыта специалиста. Тем более, что казанский «Зенит» (а перед этим «Динамо-Таттрансгаз») из года в год прибавлял в игре и титулах и вышел на ведущие роли в отечественном, да и европейском волейболе.

И в розыгрыше престижной Мировой лиги новый старый главный тренер смог добиться своей первой серьёзной победы с национальной сборной: произошло это 10 июля 2011-го в ходе финала в Гданьске, когда второй раз за турнир удалось переиграть сборную Бразилии -3:2. Волейбольные специалисты высоко оценили действия россиян и в этом матче, и в полуфинальной встрече с поляками, поддерживаемыми более чем десятью тысячами своих соотечественников. И в один голос говорили, что на чемпионате Европы равных россиянам быть не может. Следует сказать, что Сергей Тетюхин по обоюдному согласию с тренером эти два турнира пропускал. Но и без ведущего игрока команда смотрелась достойно.

И в соседней Чехии на предварительном этапе континентального турнира команда Алекно действовала играючи, легко и раскованно, расправившись в группе с эстонцами, португальцами и хозяевами. А в четвертьфинале, уступив болгарам в первом сете, без труда взяла три последующих.

Принципиальным оказался полуфинал с сербами. Понятно, что Иван «Грозный» Милькович на сей раз взял на себя роль лидера в отсутствии братьев Грбичей. К тому же, объявив, что завершает выступления за сборную, сербский диагональный со товарищи стремился доказать, что и за год до этого победа его команды над сборной России вовсе не была случайной. Сербы, по их собственному признанию, провели свой лучший матч за последние два года, имея в виду также и победу над сборной России за год до этого в четвертьфинале мирового чемпионата во Флоренции. А вот наша команда, судя по увиденному, да и по статистическим показателям, сыграла хуже некуда. Плюс череда случайностей не позволила продемонстрировать свою истинную силу. Не стану забираться в глубинные причины происшедшего – время прошло много, да и ошибки позже были исправлены. Одно

отмечу: встреча эта должна была завершиться победой россиян, скорее всего, в трёх, в крайнем случае в четырёх партиях. Но по причинам вовсе не спортивного характера (в чём я глубоко убеждён, да и не я один) матч был проигран в пяти партиях. И неудача так повлияла на команду в целом и отдельных игроков, в частности, что за бронзу, как и за два года до того в подобном же турнире в турецком Измире, россияне просто не боролись. Откуда это пошло – всё или ничего? Ума не приложу. Ведь речь же шла о медалях, пусть и иного достоинства…

К тому же выход в финал позволял россиянам сыграть на Кубке мира в Японии – первом отборочном турнире к Олимпийским играм в Лондоне, куда традиционно попадали только две команды от каждого континента. Пришлось руководству Всероссийской федерации волейбола приложить немало усилий, чтобы заполучить для мужской сборной заветную wild card. И команда оправдала все понесённые затраты, выиграв заветный трофей, но главное – олимпийскую путёвку. Кстати, в Японии в составе команды вновь появился Сергей Тетюхин.

Не случайно заостряю внимание на этом: Сергей Юрьевич Тетюхин – явление в мировом волейболе, безусловно лучший волейболист России за те четверть века, которые отмерила независимая страна. И он вновь подтвердил это утверждение, внеся самый весомый вклад в победу наших волейболистов на Играх в Лондоне.

Россияне неудачно провели Мировую лигу-2012, оказавшись за чертой участников «Финала шести» в болгарской столице. Но очень может быть, что сей ход сослужил нашей сборной хорошую службу. Неудачно выступили в Софии и бразильцы, лидеры мирового рейтинга всех последних предолимпийских лет. А в итоге в 15-тысячном лондонском культурно-выставочном центре «Эрлс Корт» 12 августа в решающем матче встретились именно сборные Бразилии и России.

Не стану подробно описывать ни олимпийский турнир, ни финальную встречу и феноменальное превращение «Золушки в принцессу» – этому будет посвящена отдельная глава. Скажу лишь, что в этот день произошло маленькое чудо, у которого, кстати говоря, были свои соавторы, о многих из которых вы также узнаете из сего повествования.

Долго, достаточно долго не было ясно, останется у руля новоиспечённых олимпийских чемпионов Алекно. В итоге перед самым новым 2013 годом Владимир Романович, сославшись на проблемы со здоровьем, что и в самом деле соответствовало действительности, решил сделать перерыв в работе с национальной командой. А то, что тренер уходит не на совсем,

сомневающихся было мало. Во всяком случае, никто среди коллег-журналистов не верил, что у Андрея Воронкова, сменившего Алекно на посту главного, что-то путное получится. При этом никто не мог упрекнуть главного тренера новосибирского «Локомотива» в старании и стремлении добиться цели.

В любом случае, согласитесь, не побояться возглавить команду после столь блистательного олимпийского успеха предшественника, дорогого стоит: смелость Воронкова заслуживала уважение. Но ещё больше вистов заработал новый тренер, когда выиграл с заметно обновлённой командой Мировую лигу, а затем и чемпионат Европы.

У меня есть этому своё объяснение. Влившиеся в команду амбициозные ребята Алексей Вербов, Алексей Спиридонов и Евгений Сивожелез, но прежде всего диагональный Николай Павлов, стремились доказать, что они ничуть не хуже тех, кто «намыл» на Британских островах олимпийское золото, и способны сыграть на таком же уровне. И выигрыш вначале Мировой лиги, а затем и чемпионата Европы-2013 в Польше и Дании подтверждал серьёзность намерений нового состава российской сборной.

Не стоит забывать к тому же, что 2013-й был годом Всемирной Универсиады в Казани, и часть ведущих игроков, в том числе Дмитрий Ильиных и Артём Вольвич, были откомандированы для усиления студенческой сборной. Тем не менее, успешно выступив в групповом турнире, команда Воронкова дошла до решающего матча в финальном турнире Мировой лиги в аргентинском Мар-дель-Плата, в котором более чем уверенно взяла верх над сборной Бразилии – 3:0 (25:23, 25:19, 25:19). Блестяще провёл турнир Павлов, получивший приз самого ценного игрока, в символическую сборную вошёл также Мусэрский.

Сенсационно начался для россиян европейский чемпионат: в первом же матче в польской Гдыне безусловный фаворит соревнований необъяснимо «сдал» игру команде Германии. Эта неудача оказалась хорошенькой встряской для немного возомнивших о себе после успеха в Мировой лиге игроках российской сборной. И более команда не позволяла себе подобных расслаблений. А самыми интересными оказались четвертьфинальная встреча с французами в Гданьске и финальный матч с итальянцами в Копенгагене, обе завершились, кстати, с одинаковым счётом 3:1.

Благодаря успеху в чемпионате континента, сборная России впервые в истории смогла сыграть на так называемом Кубке чемпионов в Японии, который проводится раз в четыре года.

Вновь был проигран первый же матч против итальянцев. И хотя затем сборная Воронкова играла без осечек и даже победила бразильцев, в итоге заняла только второе место следом за южноамериканцами.

Дебют международного сезона сборных 2014-го начался не столь успешно, как предыдущий: первые матчи Мировой лиги россияне проводили резервным составом – ведущие игроки не выступали в большей степени из-за травм. Но в «Финал шести» в итальянской Флоренции команда России всё-таки попала, однако в борьбе за награды участия не принимала: бразильцы, как это с этой командой случалось не раз, решили сей вопрос вместо россиян, специально уступив команде Ирана, чтобы не пропустить в полуфинал нашу сборную. Так что на чемпионат мира в Польшу команда Воронкова отправлялась совсем не в таком настроении, как в предыдущем сезоне на европейское первенство.

Наверное, читатели уже обратили внимание, что в последние пару десятилетий именно Польша организовывала много важнейших волейбольных соревнований. Этому было своё объяснение: когда-то волейбол был очень популярным в соседней стране. Особенно после того, как в 1974-м поляки выиграли чемпионат мира, а в 1976-м Олимпийские игры в Монреале. Но потом долгие годы пребывал в забытьи, потому что больших побед бяло-червоная сборная не одерживала. И хотя успешно выступали молодёжные польские команды, выигрывали чемпионаты Европы и мира, на уровне главных команд серьёзных успехов добиться не получалось. Менялись поколения игроков, доморощенным тренерам предпочли иностранных. Наконец, в 2006-м, обыграв в стыковой встрече россиян (как это произошло я рассказал выше), поляки прошествовали победным маршем до пьедестала, где в решающем матче почти не сопротивлялись бразильцам. Но и серебро после долгих безмедальных десятилетий казалось этаким божественным даром за многолетнее стремление вновь сделать волейбол популярным среди поляков. И фанатов словно прорвало: многотысячные залы на волейбольные встречи даже национального чемпионата, не говоря уже о международных, стали заполняться под завязку. Поляки большущими группами в несколько тысяч человек стали разъезжать по европейским странам, чтобы поддержать свои клубные и сборные команды на любых турнирах.

Поинтересовался у польских коллег, откуда вдруг вновь пошла мода на волейбол. И услышал не совсем правдоподобную историю. Будто бы в какой-то момент одним из спонсоров местной национальной федерации стала фирма по

производству… водки. И во время матчей польской «Плюс лиги» спонсоры угощали болельщиков популярным горячительным напитком в короткие промежутки между партиями… бесплатно. И поляки повалили на волейбол – халява привлекала и пьянила в прямом и переносном смысле. А заодно заинтересовались не только закулисьем, но и тем, что происходило непосредственно на аренах.

Когда же поляки выиграли в 2009-м чемпионат Европы в Турции, а в 2012-м за несколько недель до начала олимпийского турнира Мировую лигу, в Польше начался настоящий волейбольный бум, который продолжается до сих пор. Тем более, что мужская сборная Польши выиграла домашний чемпионат мира-2014.

Турнир стартовал на Национальном стадионе в Варшаве в присутствии 61500 зрителей матчем между сборными Польши и Сербии, в котором хозяева уверенно выиграли – 3:0. С того момента эта цифра – рекорд посещаемости официальных матчей, проводимых под эгидой Международной федерации волейбола. Любопытно, что предыдущее достижение принадлежало московскому стадиону «Динамо», на трибунах которого на финальной встрече опять-таки мужского чемпионата мира 1952 года СССР – Чехословакия собралось 50 тысяч болельщиков.

На первом групповом этапе россияне выиграли все пять своих встреч. Самой сложной, как и ожидалось, оказалась игра с болгарами. В который раз сказались разные характеры волейболистов двух команд. Неоднократно замечал, что в самые сложные моменты болгары «капают», а россияне, напротив, заводятся. Именно так и произошло в очередной раз. И не столько важными были завоеванные в конце концов россиянами два очка, хотя и они, вспомните меня потом, пригодятся. Сколько сама волевая победа, когда, проигрывая 0:2 по партиям, сборная России добилась пятого подряд успеха.

Кстати, накануне Воронков сказал, что готовность его команды к мировому первенству проверят болгары. А его визави Пламен Константинов еще раньше утверждал, что для его сборной важнее и принципиальнее встречи с Россией быть не может. И вот что получилось – 15:11 в укороченной партии, в которой отличились все российские игроки, 3:2 в итоге, и сборная России с 8 очками в активе перебралась во Вроцлав на первые матчи второго этапа.

Победив финнов и кубинцев, россияне переехали в Катовице, где в местном «Сподеке» должны были состоятся решающие игры мирового чемпионата. Но пока шёл только второй этап и нашим предстояли две принципиальных встречи с немцами и

бразильцами. С первыми проблем не возникло, хотя из-за опухшего колена пришлось отправить в запас Павлова, которого заменил Павел Мороз.

Вот только недолго музыка играла: уже в следующем матче, да ни в каком-нибудь проходном, а с бразильцами диагональный из Новосибирска сломал ногу. Так сборная России осталась без двух заявленных на чемпионат основных приносящих очки игроков. Команде Бернардиньо наши проиграли. Но не потеря Мороза тому причина, а 36 очков, подаренных сопернику из-за собственных промахов, главным образом, на подаче: за полмесяца, прошедшие с начала турнира, россияне сменили три зала, а их соперник все матчи проводил в «Сподеке».

На третьем этапе оказались в Лодзи вместе с бразильцами и поляками, которые первыми играли между собой. И утверждаю, как очевидец произошедшего: подопечные Бернардиньо не выдержали жесточайшего прессинга трибун и непрекращающегося на протяжении всего матча ни на секунду ора 12100 зрительских глоток.

Это была какая-то коллективная эйфория, своего рода наркотическое опьянение, которое безо всякого сомнения помогло в целом неплохой, но уж точно не выдающейся польской сборной подняться так высоко по турнирной лестнице. Зрители буквально гнали своих любимцев на амбразуры, грамотно выстроенные теми же бразильцами. И не переиграть бы хозяевам трехкратных чемпионов мира, если бы зал не заставлял их даже в безнадежных ситуациях пытаться совершить невозможное. И ведь добился своего.

Можете поверить: гул в зале стоял такой, что не спасали даже предусмотрительно прихваченные с собой беруши. В итоге не выдержал, ушёл из «Сподека» раньше финального свистка, и концовку досматривал уже по телевизору в отеле. Но был поражён, что рядом с ареной народу было ничуть не меньше, чем в зале: матч транслировался на огромном экране, и реакция фанатов была идентична той, что и внутри спортивного дворца.

Ну а россияне в игре с бразильцами в Лодзи не были похожи на себя: борьбы почти не было, что казалось более чем странным. Да, Павлов вышел в составе и играл на уколах. И как играл! Но почему-то Сергей Гранкин большую часть передач адресовал не диагональному, а Ильиных, которого крыли почём зря. А казалось бы «железный» Николай Апаликов, способный сериями выдавать суперподачи, на сей раз дрейфил и ударял по мячу дрожащей рукой. Да и тренер, похоже растерялся, не зная, как поступить: мог, кстати, выпустить Сергея Савина вместо неудачно действовавшего Ильиных.

После этого стало очевидно, что перебороть поляков при сумасшедшей поддержке зала и с такой игрой, какую показали россияне против чемпионов мира, занятие бесполезное. Но ведь в отдельных матчах команда демонстрировала иной волейбол, достойный олимпийских чемпионов… В итоге пришлось играть за 5-е место с командой Ирана, которая была обыграна более чем убедительно.

А чемпионами мира под невероятным прессингом своих зрителей стали, как я уже отметил, поляки, взявшие верх над бразильцами в четырёх партиях. Кстати, южноамериканцы могли вообще не добраться до решающей встречи: в полуфинале они испытали упорнейшее сопротивление французов, которым, как мне показалось, просто не хватило сил. И бронзу они отдали на следующий день немцам, уступив в концовках всех трёх сыгранных партий.

Более чем странным выглядело всё это: сборная Германии, которую мы обыграли безо всяких проблем, с медалями, а россияне в очередной раз ни с чем. Третий чемпионат мира подряд.

При первой же нашей встрече с Алекно после этого турнира решил испросить компетентное мнение о завершившемся мировом первенстве. Впервые за многие годы тренеру удалось нормально отдохнуть в перерыве между клубными сезонами.

– Пожалуй, впервые за многие годы целых 25 дней был в отрыве от мяча, – откровенничал со мной Романыч. – До этого рекорд у меня был целых 7 дней, и я считал тогда, что замечательно отдохнул.

– В недавнем разговоре с выдающимся аргентинцем Хулио Веласко, он признался, что в идеале тренер во главе национальной команды должен работать один олимпийский цикл, но уж точно не больше двух.

– Я читал это интервью.

– Вам же во главе сборной ни разу не пришлось даже отработать один четырехлетний период.

– Именно так. В начале мне пришлось взять сборную перед Пекином после Зорана Гайича, потом перед Лондоном после Даниэле Баньоли. И оба раза все происходило в пожарном порядке, и я не имел права на ошибку. Каждый раз надо было занимать высокое место на чемпионате Европы, чтобы попасть на Кубок мира, где и проходил главный олимпийский отбор. Тут вот ведь какая вещь. Что в сборной, что в клубе, где я работаю, требования высочайшие, и там, и там второе место расценивается, как провал. И по мне даже проведенные два года со сборной, это постоянный стресс. А вот бразилец Бернардиньо,

хотя ведь он не освобожденный тренер, в клубе тоже работает, – просто-напросто марафонец… Так что однозначно ответить на ваш вопрос, наверное, не смогу. Мне все-таки кажется, что это зависит от человека, от его возможностей и способностей – одному дано руководить сборной какой-то конкретный срок, а другой готов заниматься с такой командой безо всяких временных ограничений. Все индивидуально. Тут вот еще что важно. Чтобы сам тренер чувствовал, готовы ли за ним идти игроки. Если да, то не важно год он отработал или пять, а если ты, как бы лучше выразиться, тренер-назначенец, который не чувствует контакта с волейболистами, то, может, вообще не надо браться за такую ответственную работу.

– Есть ли объяснение тому, что на чемпионате Европы-2013 на первых ролях оказались сборные России, Италии и Сербии, а на мировом первенстве 2014-го команды Польши, Германии и Франции?

– Под высокие места французов или иранцев в последнее время я еще могу найти объяснение. Даже победа поляков в определенной степени имеет под собой основание. Или провал Италии – он был предсказуем, особенно после травмы Ивана Зайцева. Ведь каким бы великим тренером ты не был, результат-то делают игроки. А вот если их нет или нет с ними контакта, тогда и о высоком месте говорить бесполезно. Все тренерские придумки, тактические схемы (у меня куча папок с ними лежит) – это 5, может быть, 7 процентов успеха, не больше. Поэтому в ближайшие два года Франция и Иран будут опаснее всех прочих. А то что в спорте никакой логики нет и быть не может, ясно всем, кроме, может быть, отдельных ваших коллег. Поэтому немцы и завоевали бронзу на мировом чемпионате: прежде всего благодаря жеребьевке, случайности, но уж точно не логике.

– А в чем залог сегодняшнего успеха сборной Польши: в зрительской поддержке, в правильной и системной подготовительной работе, в нестандартных тренерских решениях?

– Тут два решающих момента сработали. Прежде всего это публика, зал. Стефану Антига совершенно не требовалось настраивать своих подопечных – зрители заряжали игроков адреналином так, как это невозможно сделать тренеру. И второе – это роль тренерского штаба. Не конкретно главного, а всего штаба. Было видно, что многие из тех, кто при прежних итальянских тренерах находились в отказе, теперь получили возможность доказать ошибочность прежних руководителей. Не верю в такую уж гениальность Антига, вчерашнего игрока враз ставшего большим тренером, и не для него играли волейболисты, которых раньше к сборной не подпускали, но с французом, много

лет проигравшем в Польше, эти волейболисты чувствовали себя комфортно. Было заметно, что, порой, в перерыве Стефан не знал, что им сказать. Но подбор исполнителей, порой, корявых по-волейбольному, возьмите того же пасующего Джизгу, или отсутствие в составе того же Курека, считавшегося незаменимым при прежних руководителях, – величайшая заслуга всего тренерского штаба. Так что с поляками в ближайшие годы тоже надо считаться.

– Может быть, наблюдая за матчами чемпионата мира, вы заметили какие-то новые тенденции в современном волейболе? Вас ничего не удивило?

– Абсолютно ничего. Скажу больше, даже огорчился, наблюдая за уровнем показанной командами игры: полагаю даже, что идет какое-то отступление или, как минимум, стояние на месте. Та же Бразилия в сегодняшнем составе и показанной этой командой игрой не должна была дойти до финала. Пока ее место в четверке, но не в решающем матче.

– Вы просто стали отвечать на мною заготовленный следующий вопрос про Бразилию. Понял уже, что вы согласны – если бы эта бразильская команда победила, сей факт оказался бы плачевным для современного волейбола.

– Все дело в том, что в последние годы мы просто зациклились на этой Бразилии. Но игра этой сборной уже далека от реального уровня современного волейбола. И вышеперечисленные мной команды – Иран, Франция, Польша в ближайшей перспективе более опасны, чем Бразилия.

В момент нашей беседы Алекно даже предположить не мог, что через год его вновь в пожарном порядке призовут в сборную после кошмарного провала россиян в групповом этапе Мировой лиги. И он в очередной раз выступит этакой палочкой-выручалочкой и завоюет право сыграть на Олимпийских играх в Рио-де-Жанейро.

Лондонский апогей

«Следующая остановка – Лондон»

Ту газетную страничку из американской «USA Today» от 2 марта 2010 года, которую привез из олимпийского Ванкувера, храню до сих пор. Уж очень симпатичным показалось мне представление очередной олимпийской тусовки под названием Next stop, London. Вам это ничего не напоминает? А сегодняшние объявления в метро на английском? Итак, «Следующая остановка – Лондон».

Порадовался за американских коллег, которые на небольшой газетной площади графически изобразили не только историю Великобритании от затёртого 43 года нашей эры, когда завоевавшие Британские острова римляне основали на Темзе поселение под названием Лондиниум, до 2005-го, когда на сессии МОК в Сингапуре столица Великобритании получила право провести Олимпийские игры, но еще и представили основные объекты Олимпиады-2012, не забыв и про главные лондонские достопримечательности, такие, как Букингемский дворец с Вестминстерским аббатством, Тауэрский мост с Биг Беном и Гайд-парк с Колесом обозрения.

Понятно, что наяву всё это выглядело гораздо презентабельнее и величественнее. Отдал дань уважения организаторам, которые возвели замечательный Олимпийский парк в лондонском Ист-Энде, районе, прежде известном как рассадник нищеты и преступности. А сейчас на этом месте стоит великолепный стадион, который во время Игр-2012 был рассчитан на 80 тысяч зрителей, ставших свидетелями официальных церемоний и соревнований легкоатлетов. А в ближайшее время после демонтажа верхнего яруса арена превратится в доступный 25-тысячник для футбольного клуба «Вест Хэм». Особо впечатлял «Акватик-центр» с трибунами на 17 500 любителей водных видов, да и другие современные арены были хороши, не говоря уже про находившуюся по соседству Олимпийскую деревню и офисные здания для нашего брата – журналистов.

Одно было обидно: арена, где соревновались волейболисты, находилась, увы, совсем на другом конце огромного мегаполиса. И добираться туда из Олимпийского парка приходилось в городских пробках по часу и более. Но поскольку именно там проводил времени больше, чем на других объектах, а жил в отеле

в самом центре города, то помотаться по лондонским метро и электричкам пришлось знатно. При этом ни о чём не жалею, потому что всё так замечательно закончилось.

Предсмертный юбилей

Если сегодня вы окажетесь в британской столице и захотите посмотреть спортивную арену, на которой российские волейболисты выиграли в 2012-м своё первое олимпийское золото, то хочу вас разочаровать: «Эрлс корта» более не существует. Его начали сносить в 2014-м, а к 2020 году на месте некогда очень популярного спортивно-выставочного комплекса появится большой массив из жилых домов и офисных зданий. Так что олимпийский турнир волейболистов оказался последним ивентом, который проходил на этой, самой старой олимпийской площадке: во время Игр XXX Олимпиады «Эрлс корт» отмечал своё 75-летие.

Снаружи сооружение не казалось таким уж большим. Чтобы понять его размеры, следовало войти внутрь или посмотреть на построенный аж в 1937 году концертно-выставочный центр с высоты птичьего полета. Только так можно было ощутить просто фантастические параметры колоссального по объемам площадей комплекса, на котором, судя по всему, могло бы разместиться не одно футбольное поле. И вовсе не случайно, как только заговорили о том, что «Эрлс корт» устарел, что его надо снести, бизнесмен Роман Абрамович ухватился за идею построить на этом месте новый стадион для клуба «Челси» на 65 тысяч мест.

И когда Лондон готовился принять олимпийцев, агенты, работающие на российского миллиардера, подали возражение против альтернативных планов по возведению на этом месте площадью в 77 акров жилых домов. К этому моменту, когда представители владельца «Челси» занялись продвижением своего проекта, муниципальный совет лондонского округа Хаммерсмит и Фулхэм готов был утвердить планы жилищного строительства на месте устаревшего центра, которые продвигал его владелец компания Capital and Counties. Представители клуба подготовили детальное обоснование того, что решение стоит пересмотреть, чтобы на новом месте создать анклав бренда Челси, который должен был стать местом сбора «посетителей и средств массовой информации со всего мира». В обращении говорилось также, что если Абрамовичу будет позволено инвестировать свои денежные средства в новый стадион и модернизацию транспорта в округе, это может сделать общий план развития района более

жизнеспособным. При этом называлась сумма в 450 миллионов фунтов стерлингов, которые россиянин готов был инвестировать в новый проект.

Однако планам олигарха не суждено было сбыться: руководство района предоставило владельцам сооружения разрешение на снос расположенной рядом с «Эрлс корт» автостоянки. Что повлекло за собой дальнейшие шаги, а именно снос самого здания выставочного центра.

Вечерняя лондонская газета «Ивнинг стандард» утверждала, что решающим в споре оказался аргумент компании Capital and Counties, которая пообещала предоставить муниципальному совету 2000 из запланированных 8000 квартир в качестве социального жилья.

Кстати, концертно-выставочный комплекс «Эрлс корт» был единственной из задействованных на Играх-2012 арен, на которых соревновались еще олимпийцы в 1948 году. Правда, тогда в этом сооружении были разыграны медали по боксу, тяжелой атлетике, борьбе и спортивной гимнастике…

В далеком 1935 году группа британских промышленников задумала построить на месте пустырей здание общей площадью в 42 тысячи квадратных метров, которое могло быть использовано в большей степени как выставочное помещение, а также как концертная площадка на 23 тысячи зрительских мест. В центре арены планировалось соорудить бассейн. Однако не всем планам суждено было сбыться – как всегда, не хватило средств.

И все-таки 1 сентября 1937 года новое сооружение в стиле арт-деко, представляющем собой синтез модерна и неоклассицизма с элементами конструктивизма, раскрыла свои двери для посетителей выставки шоколадных и кондитерских изделий. Затем последовали автосалон и выставка так называемых коммерческих авто. С этого все началось.

Во время грянувшей вскоре Второй мировой войны «Эрлс корт» использовался для изготовления и ремонта дирижаблей, которые служили для противовоздушной обороны в качестве заграждения лондонского неба от налетов немецких бомбардировщиков.

В последние десятилетия минувшего века и в наши дни комплекс использовался чаще всего как концертная площадка для популярных групп Led Zeppelin, Pink Floyd, Rolling Stones, Oasis, певиц Селин Дион и Мадонны, здесь организовывали конкурсы красоты «Мисс Мира». К тому же на площадке проходили многочисленные выставки и ярмарки, а также самый популярный среди англичан ежегодный национальный фестиваль пива. В дни фестиваля любители пенного напитка со всего мира съезжались в

это местечко на западе Лондона. И все-таки, несмотря на популярность, эксплуатация комплекса с годами становилась все менее рентабельной из-за конкуренции с более крупными выставочными центрами и более современными концертными площадками.

Так что олимпийский волейбольный турнир в 2012 году оказался финальным аккордом для арены, служившей людям три четверти века.

Ярмарка тренерских идей

Несмотря на тяжелейшую группу, доставшуюся сборной России на предварительном этапе олимпийского турнира, команда Алекно намерена была бороться за высшие награды турнира.

Собственно, другой задачи тренеры и игроки команды себе и не ставили: золото, и только золото. Они и на тренировках отрабатывали так, чтобы у Алекно даже сомнений не возникло в каких-либо иных намерениях любого из отобранной дюжины. Да и сам тренер, с которым мы вместе наблюдали за разминкой игроков перед последним контрольным спаррингом с австралийской сборной, не мог нарадоваться. «Посмотрите на Хтея, – размышлял вслух тренер. – Он не то, что бегать, ходил-то с трудом, когда только появился в Анапе после всех своих операций и реабилитаций. А сегодня совсем другое дело». Капитан команды в это время, не подозревая о нашем диалоге, совершал ускорения, выполнял прыжковые упражнения, растяжки…

«У него не так давно и лишний вес был?», – попытался вставить ваш покорный слуга. «Сейчас все в норме, – последовал тренерский ответ. – И Серега Гранкин, и Николай Апаликов килограмма по три скинули». А по ходу самого матча больше других подбадривал Дмитрия Ильиных: видимо, парню тренерская поддержка требовалась более, чем кому-либо.

Я же порадовался за Сашу Волкова – даже представить нельзя было, что совсем недавно его участие в Олимпийских играх вообще было под большим вопросом. И хотя один из ведущих игроков российской сборной хорохорился, утверждал, что готов сыграть даже на уколах, лишь бы дали ему такую возможность, все равно пришлось ждать вердикта немецкого хирурга, делавшего одному из лучших блокирующих мира операцию на колене прошедшей зимой. Благо, заграничный эскулап не возражал против выступления Волкова за сборную. И в том самом

матче против австралийцев ведущий игрок российской команды показал, что в самом деле набирает форму. Как, впрочем, и все остальные члены сборной.

Понимаю, что спарринги, сыгранные без зрителей, не давали полного представления о готовности команды. Те же поляки, ставшие подлинным открытием олимпийского сезона, провели в Зеленой Гуре традиционный Мемориал Хуберта Вагнера, главного тренера той великой команды, которая выиграла чемпионат мира 1974-го и Олимпийские игры в Монреале в 1976-м. А итальянцы сыграли в разных городах несколько выставочных матчей с сербами и сборной Германии. При зрителях опять же!

Но всех должна была рассудить площадка в лондонском культурно-выставочном центре «Эрлс Корт». Сомневался, что 15-тысячные трибуны будут переполнены: для британцев классический волейбол такая же tabula rasa, как для нашего зрителя их крикет. Хотя, наверное, с желто-синим мячом на Островах знакомы больше – все-таки на уроках физкультуры в лицеях им играют через сетку. А вот обернутый красной кожей пробковый кругляш гораздо меньшего размера, чем волейбольный, если и видел кто-то из россиян, то их наверняка единицы.

Впрочем, бог с ним, с этим крикетом. Нас больше волновали предстоящие матчи в «Эрлс корт». (Забегая вперёд, отмечу, что зал все дни был заполнен под завязку). Мне представлялось, что поскольку уровень многих команд, прежде всего в группе В, в которой соревновались россияне, достаточно ровный, то решающее слово было за тренерами. Соревнование должно было стать своеобразной ярмаркой тренерских идей и находок. Потому что в таком консервативном виде спорта, как волейбол, где все уже давно изобретено и придумано, решающим могло стать умение просчитать ходы соперника и противопоставить им свои решения, которые способны были загнать соперника в тупик. Впрочем, тренерские новации могли быть воплощены в жизнь только их подопечными. Так что окончательный итог турнира должен был стать проверкой эффективности придуманных ходов и способностью исполнить воплотить задуманное. А то, что каждая команда готовила некий сюрприз, даже не сомневался.

Блогером мужского турнира Международная федерация выбрала замечательного сербского игрока Николу Грбича. Тот в первой же фразе стартовой публикации назвал свою тройку призеров: Россия, Бразилия, Польша. Правда, тут же добавил, что любые сюрпризы возможны, потому что на таких соревнованиях всякое может произойти. И тут же перечислил еще несколько сборных, способных повлиять на итоговый результат. Открывала

этот перечень команда Германии, с которой сборной России предстояло сыграть в первом же матче. Причем, все наши игроки прекрасно понимали, какое огромное значение имела именно стартовая встреча. И при этом вспоминали конец ноября 2011 года и первого соперника по Кубку мира – сборную Италии. Россияне тогда очень собрано сыграли против грозных соперников, и это придало им уверенности в дальнейшем. Причем, настолько, что даже неудача во встрече с бразильцами оказалась этаким проходным эпизодом, нисколько не повлиявшим на в целом высококачественную игру сборной России.

Грбич отметил в своей заметке новоявленного лидера немецкой сборной Георга Грозера, которого отличала мощнейшая и, что важнее, стабильная подача. Благодаря ей немецкий диагональный решил исход многих матчей в пользу своей команды.

Разумеется, недавний капитан сербской сборной не обошел молчанием и своих соотечественников, которые, по его мнению, также были способны в Лондоне сыграть неожиданно хорошо. Из игроков, готовых проявить себя с лучшей стороны, кроме уже названного немецкого нападающего, Грбич выделил хорошо знакомых ему, да и многим знатокам волейбола, россиян Волкова и Максима Михайлова, а также поляка Михала Винярски.

В отличие от женской сборной России, для которой проход в четвертьфинальную стадию представлялся достаточно простым, мужчинам предстояло трудиться на полную буквально в каждом матче. И не стоило думать, что с той же сборной Туниса в третий игровой день можно будет передохнуть. Хотел в этой связи напомнить ситуацию, сложившуюся в первом групповом турнире чемпионата мира 2002 года в Аргентине. Чтобы продолжить соревнование после двух поражений, россиянам требовалось победить африканскую команду с конкретным счетом. Тогда один мяч мог решить судьбу сборной, которая в итоге добралась до финального матча и совсем чуть-чуть уступила бразильцам в решающем противостоянии. С большим трудом, помнится, удалось выиграть с единственно необходимым счетом: тогда отличился Андрей Егорчев, два блока которого в самый критический момент решили исход матча в пользу россиян. Так что ни дня передышки на сей раз у наших волейболистов не предвиделось. А важно было во что бы то ни стало занимать в группе «крайние» места – либо первое, либо четвёртое, лучше конечно первое: в этом случае твой соперник из параллельной шестерки становился известен сразу. Командам же, оказавшимся на второй и третьей позициях, предстояла жеребьёвка.

Времени не хватало как всегда

Мы разговаривали с Владимиром Алекно за две недели до стартового матча олимпийского турнира со сборной Германии. Важно было узнать последние новости из стана сборной – через два дня команда отправлялась в британскую столицу. Романыч, как всегда, был со мной откровенен.

– В процессе подготовки к Играм пришлось корректировать предолимпийские планы в связи с тем, что сборная по объективным причинам не пробилась в финальный раунд Мировой лиги. Вы удовлетворены проделанной работой?

– Полного удовлетворения не ощущаю. Но и отрицательный ответ был бы неправильным. Могу сказать так: нам не хватает времени на подготовку.

– А его когда-нибудь хватало прежде?

– Конечно нет. Но сегодня это ощущается как никогда раньше. Потому что за сборной стелется шлейф многочисленных травм. Мне бы еще недельки две-три – и я с уверенностью мог бы сказать, что травмированные игроки полностью восстановились и могут сыграть на все сто процентов. Они и сегодня готовы действовать в свою силу, ничего не могу сказать, но слишком много времени ушло на вначале восстановление после сезона, потом втягивание, следом лечение травм и прочие привходящие факторы. Сейчас мы больше внимания уделяем тактической подготовке: что нужно делать в конкретный момент. Мы попытались за этот короткий период исправить недочеты, которые присутствовали в игре команды. Что же до технических навыков, то они нарабатываются долгие годы, вначале в спортивных школах, потом в клубах. И я не должен объяснять призванному в сборную игроку, как надо подбросить мяч, чтобы не совершить ошибку при вводе его в игру, или как нужно принимать планирующую подачу. Согласитесь, это не функции тренера сборной страны. К сожалению, на подобную корректировку уходит очень много тренировочного времени.

– Удалось ли посмотреть матчи «Финала шести» Мировой лиги в Софии?

– Мы даже устраивали коллективные просмотры на большом экране. Причем, следили за телетрансляциями, а не за технической видеосъемкой. Вывод один – все команды примерно равны. И, наблюдая за действиями сборных, с которыми нам предстоит играть уже в групповом турнире, пришел к выводу, что расслабляться нельзя ни в одном матче – ни с Германией или США, не говоря уже о Бразилии с Сербией.

– А что вы можете сказать о новых победителях – поляках?

– Андреа Анастази удалось создать внутри сборной хорошую атмосферу, и именно сей факт, как мне кажется, сыграл определяющую роль. Игроки в команде те же, что и в прошлом году, и играют они также. Но психологически они прилично прибавили. Раньше на них было серьезное давление со стороны публики, руководства федерации. Сегодня они совершенно абстрагировались от любого влияния извне, что и дало результат. Мне представляется, что и итальянцы будут представлять в Лондоне серьезную силу. Это хорошо сбалансированная команда, которая провела продуманную подготовку к Играм.

– А бразильцы не удивили столь слабым выступлением?

– Нисколько. Проблема этой команды во взаимоотношениях двух сильных пасующих. Конечно, в Лондоне бразильцы будут другими, даже сомневаться не приходится.

– Как-то неожиданно слабо сыграли прежде всего в атаке угловые игроки – Мурило, Данте… Не находите?

– Нисколько не удивляюсь столь слабому представлению Данте, видел, как он тренировался последние годы в московском клубе. Тот же Виссотто сыграл не на присущем уровне. Все это дало повод другим командам перестать бояться бразильцев и играть с ними без оглядки на титулы и обыгрывать.

– А тот факт, что бразильцы строили игру в основном через игроков первого темпа говорит о том, что доигровщики и Виссотто были не готовы?

– Не только. Бразильцев ведь во все времена отличала отменная игра на приеме, и вполне закономерно, что они задействовали своих центральных больше игроков других амплуа. Команды, которые играют против южноамериканцев, не используя мощную подачу, обречены на поражение.

– Как известно, многое зависит от того, как ты проведешь первый матч олимпийского турнира. Тем более, что на адаптацию к залу дают всего один час. Первый матч мы проводим с немцами, ставшими открытием текущего сезона. Видел несколько матчей команды Германии. Мне показалось, что она «сдулась» по сравнению с предолимпийским турниром и матчами интерконтинентального раунда Мировой лиги.

– Команда изменила игру с приходом нового тренера. Свежую кровь внесла новая пара связующего и диагонального – Кампы и Грозера. К ним меньше были готовы поначалу, но потом разобрались и нашли способ, как против них играть. Тот же Грозер в матче с американцами особо ничего не показал, кроме как демонстрировал свою фирменную подачу навылет. Год назад я рекомендовал не выстраивать блок на атаках Калиберды, который большую часть времени находился на скамейке. А

сегодня он выходит в основе и является самым результативным и стабильным игроком этой сборной. Но мы в подготовке учтем все нюансы.

– Специально проанализировал число совершаемых нашей командой потерь при вводе мяча в игру. Оказалось, что ровно в половине из 12 матчей, сыгранных на групповом этапе Мировой лиги, российская команда теряла от 20 и более очков. А в двух встречах отдала целую партию соперникам, не подав 25 раз. Много ошибок совершали и в прошлом году на том же чемпионате Европы. Показатели у других команд заметно отличались в лучшую сторону. Как исправить положение?

– Подача сегодня является самым психологически сложным элементом волейбола, как это не покажется странным. И ведь работаем мы над ним постоянно. Но вот что интересно. На утренних тренировках в дни матчей, в которых мы ошибались по 25 раз, принимающие аж плакали от силы летевших в них подач. И наоборот, когда по утрам, случалось, сетку не могли перебить, вечером подача летела почти идеально. Больше всего это касается Мусэрского. Он выходит вводить мяч в игру с мыслью, как бы не ошибиться, никак не может от этой мысли избавиться. И, как правило, действительно промахивается. Волейболисты вообще народ очень ответственный: за каждую ошибку игроки едят себя поедом. Мы работаем в этом направлении. Ну и что тут делать, спрашиваю я сам себя? И не нахожу ответа. Поверьте, это все очень непросто. Не может хорошо технически подготовленный игрок сегодня подавать отлично, а завтра провалить этот элемент. В одном из недавних матчей с Кубой после счета 21:21, соперник ни разу не смог сняться – все наши мячи с подачи летели в аут. В итоге поражение в партии 24:26. Нонсенс!

Первое свидание

Первый матч как первое свидание. Ждёшь его всегда с нетерпением и веришь при этом, что окажешься под впечатлением. Но уж точно не разочарованным. Знаю, как россияне тщательно готовились именно к матчу со сборной Германии, понимая, что от него будет зависеть даже не столько турнирное положение, которое ещё можно будет как-то исправить по ходу группового турнира, сколько настрой на дальнейшие события.

И тут, как это часто бывает, несчастный случай вмешался в тщательную подготовку к главному турниру четырёхлетия: травма главного героя всех последних серьёзных соревнований, в

которых сборная России побеждала. Ведь именно Михайлов был признан год назад в Польше, где игрался финал Мировой лиги, и на Кубке мира в Японии MVP соревнований. И вот – незадача: столь часто встречающаяся в волейболе травма ступни в момент атаки или блокирования. Обидно, но ничего не поделаешь.

Накануне матча дозвонился до генерального менеджера сборной Романа Станиславова. Он сказал, что ситуация непростая, но вопрос об участии основного диагонального остаётся открытым. Перед самой игрой президент Всероссийской федерации волейбола Станислав Шевченко поведал последние новости из стана команды: скорее всего по диагонали сыграет Мусэрский. Потому что на этой позиции он смотрится сильнее, чем номинальный дублёр Михайлова Ильиных.

Однако в стартовом составе мы увидели… Михайлова. Тот же Шевченко позже признается, что наши просто-напросто «затемнились», не выдавая, что Михайлов всё-таки сыграет. Правда, прыгал он не так высоко и эффектно, как обычно, зато в атаке играл весьма эффективно и стал самым результативным среди всех участников встречи…

Видно было, что игра немцев была разобрана нашими специалистами до мелочей. И если в самом начале первой партии главный забойщик соперника Георг Грозер ещё пытался изобразить что-то похожее из своего репертуара, чем он отличался на недавней Мировой лиге и на отборочном предолимпийском турнире у себя в Берлине, то уже к первому техническому тайм-ауту наши блокирующие его закрыли наглухо. И Витал Хейнен, главный тренер немцев, вынужден был выпустить вместо него хорошо знакомого россиянам по выступлениям за подмосковную «Искру» Йохана Шёпса.

Кстати, знаете, почему ещё наши опасались команду Германии? Просто в этом году с приходом нового тренера немцы заиграли совсем в другой волейбол. Сам бельгийский наставник, который подписал контракт с немецкой федерацией только в апреле 2012-го и сразу же приступил к работе, назвал случившиеся преобразования «инновационным подходом к тренировочному процессу и свежим взглядом на старую игру». Чего уж там новаторского привнёс бельгийский специалист, сказать не могу – не видел ни одной его тренировки. Но сам факт, что, например, Денис Калиберда, проходивший волейбольные «университеты» на Украине, при прежнем тренере пребывавший в глухом запасе, не просто стал игроком состава, но ещё и самым результативным в своей команде на Мировой лиге, говорит о действительно больших переменах.

Кстати, Хейнен за какие-то три месяца превратился в одну из

самых медийных фигур в немецком спорте. «Приглашая меня возглавить команду, федерация поставила задачу отобраться в Лондон, – признавался бельгийский тренер немецкой сборной. – Но мы её перевыполнили: смогли попасть в „Финал шести» Мировой лиги. Заметьте, впервые в истории немецкого волейбола. Так что ещё до своего окончания нынешний сезон стал самым успешным для сборной Германии за последний десяток лет». Перед приходом в сборную Германии Хейнен несколько лет работал с известным исключительно по Лиге чемпионов бельгийским клубом «Нолико».

Кстати, вышедший на замену Шёпс сыграл гораздо более продуктивно в сравнении со своим партнёром по амплуа. (Грозер сразу после Олимпиады стал игроком «Белогорья» и провёл в клубе три сезона, выиграв с белгородцами и чемпионат России, и Лигу чемпионов). Однако опять-таки в самый ответственный момент – на восьмом сетболе россиян – Йохан сплоховал, направив мяч в аут. Так завершилась первая партия.

Во второй, где Хейнен вновь выпустил на площадку Грозера, новоявленный белгородец действовал уже без прежней удали, зато чётче и результативнее. Но россияне с самого начала захватили инициативу. И лидировали по ходу встречи сета – 8:3 к первому техническому перерыву, 16:11 – ко второму. И в концовке никаких серьёзных проблем, как в первой партии, у россиян не возникло: они значительно превосходили соперников во всех игровых компонентах, но больше всего на блоке. Правда, и особо выделить в действиях российской команде нечего. Разве что чуть лучше, чем обычно, игроки действовали в защите. Но так всегда бывает на ответственных турнирах, когда каждый волейболист выкладывается по полной.

В третьем сете Хейнен пошёл на эксперимент, который, кстати говоря, не раз применял и Алекно: недовольный действиями своих доигровщиков и желая усилить атакующий потенциал команды, выпустил Шёпса, фактического диагонального, на позицию углового. Но если тот же Михайлов, иногда менявший свое игровое занятие, всё-таки начинал волейбольную карьеру как доигровщик, да и в молодёжной сборной России играл на этой позиции, то про Шёпса я что-то подобного не слышал. И не видел прежде точно. Может, в этом и заключаются инновации Хейнена? Сам Шёпс потом рассказал, что на недавних тренировках в Польше, где немцы участвовали в мемориале Хуберта Вагнера, Хейнен иногда ставил его на приём. И это было в диковинку даже для самого игрока.

Вот только после второго технического перерыва при счёте 11:16 бельгиец больше решил не экспериментировать, и Шёпс

уступил своё место на площадке настоящему доигровщику. Однако россиян уже было не остановить.

Что ж, дебют удался. Правда, и немцы оказались хоть и хорошо организованной командой, но не настолько грозной, какой она смотрелась со стороны за полтора месяца до этого, когда на отборочном турнире в Берлине обыграла кубинскую сборную и вместо неё поехала в Лондон.

Кстати, напомню, что за четыре года перед этим на Играх в Пекине матч с теми же немцами сложился для нашей команды гораздо тяжелее, россияне даже проигрывали 11:13 в пятой партии, но всё-таки выцарапали победу. С тех пор соперник не стал слабее, напротив, в команде появился грозный Грозер. А результат совершенно другой. Так, может быть, просто россияне сегодня сильнее? Мы увидели, так ли это в действительности через день, когда на площадке сошлись сборные России и Бразилии.

Побеждает тот, кто меньше ошибается

Несмотря на все ожидания, серьезного противостояния двух лидеров мирового рейтинга не получилось. Прежде всего, из-за чрезвычайно большого числа собственных ошибок, которые допустили россияне.

В превью ко второму дню соревнований мужских сборных, которое выпускала Международная федерация волейбола, матч Россия – Бразилия был назван ключевым в группе В. Впрочем, все и без чиновников ФИВБ прекрасно понимали, что встреча эта должна была стать во многом решающей для распределения мест на предварительном этапе. Ведь на площадке лицом к лицу сошлись сборные, занимающие две первые строчки мирового рейтинга. Вот только судить о том, в какой форме находились на тот момент обе команды, было весьма непросто. В первом матче россияне без особых проблем расправились с немецкой сборной, ну а аутсайдеры из Туниса, понятное дело, не могли составить серьезную конкуренцию Жибе, Данте и К° в их дебютной встрече.

Друг с другом в 2012 году двум командам сыграть не пришлось. В предыдущем они встречались трижды – две победы одержали россияне в финальной стадии Мировой лиги в Гданьске, а вот на Кубке мира проиграли без вариантов – 0:3.

В Мировой же лиге-2012 соперники опять-таки не блеснули – россияне вообще не попали в Софию на финальный турнир, а бразильцы выступили там хуже некуда. Однако у каждого тренера, что у Алекно, что у Бернардиньо, были на сей счет свои

оправдания или, скорее, объяснения. У нас – это травмы ведущих игроков, у южноамериканцев – отсутствие игровой практики у группы лидеров, которым был предоставлен долгосрочный отдых: в составе обеих сборных немало возрастных волейболистов, им требовалось более продолжительное восстановление после клубного сезона. Насчитал таковых, тех, кому уже стукнуло 30 и более лет, шестерых у Бразилии (Сержио, Жиба, Родригао, Мурило, Данте, Сидао) и трех – в нашей команде (Тетюхин, Хтей и Соколов). Любопытно, что прежде всего речь шла о доигровщиках и либеро, тех, от кого в большей степени зависел приём, важнейший элемент игры, с которого, собственно, и начинаются всегда главные контрдействия защищающейся команды.

Ну а в группе А справедливо считалось основным противостояние поляков с болгарами. Любопытно, что в рамках олимпийского турнира обе сборные встречались между собой в далеком теперь уже 1996 году в Атланте. Тогда болгары были сильнее -3:0. Однако последний результат в этом соперничестве был совершенно противоположным: в полуфинале решающего раунда Мировой лиги в Софии поляки легко расправились с хозяевами. Однако олимпийский турнир не шёл ни в какое сравнение со всеми прочими соревнованиями. И трудная, но в целом уверенная победа болгарских волейболистов со счетом 3:1 стала как бы лишним подтверждением этой аксиомы. У победителей отличился Цветан Соколов, принесший 28 очков. Ну а для польских подопечных итальянского тренера Андреа Анастази эта осечка стала хорошим уроком – судя по всему, после успеха в Мировой лиге и нескольких побед над бразильцами по ходу сезона, вокруг только и разговору было о несокрушимой команде, которую тут же записали в главные претенденты на олимпийскую победу. И у ряда ведущих игроков бело-красных крыша поехала. Оказалось, что поляки вполне уязвимы, хотя команда в ее нынешнем составе действительно сильная.

Ну да бог с ними, с поляками. Нашу сборную ждал соперник посерьезнее, как мне тогда представлялось. Но прямо перед началом игры пришла огорчительная новость, даже две. Первая: накануне вновь случился рецидив старой травмы у Волкова, и его участие в матче было под большим вопросом. Вторая: игру в качестве главного арбитра будет судить венгр Бела Хобор, который в полуфинале чемпионата Европы-2011 «не заметил» важного касания в решающий момент укороченной партии в проигранном нашими матче Россия – Сербия.

Алекно выпустил на площадку необычную шестерку – не было Волкова, разумеется, а место Тетюхина занял Ильиных.

Последняя замена оказалась настолько неожиданной, что закрыть нашего дебютанта поначалу бразильцам никак не удавалось. И до первого технического тайм-аута Ильиных записал на свой счет три очка. Правда, большие мастера быстро сориентировались. И Ильиных уже не мог спокойно «гулять» над сеткой.

К сожалению, было заметно также, что совсем не прыгает Михайлов, получивший травму голеностопа за день до начала Игр. И если в первом матче против сборной Германии это не было слишком заметно, то с гораздо более грозными бразильцами, когда от высоты прыжка зависела сила и точность атаки, сказывалось. Плюс уже ставшие притчей во языцех наши многочисленные ошибки при вводе мяча в игру.

Бразильцы, кстати, тоже много подач потеряли, но они исполняли этот прием мощно, постоянно рискуя. И сразу же обнажились наши пробелы и на приеме. Собственно, ни от кого, кроме разве что Алексея Обмочаева, который, забегая вперед, сыграл так, что к нему меньше всего претензий, ожидать четкого исполнения приёма было нельзя. И этот пробел во многом стал решающим при проигрыше первой партии. Уж если номинальный либеро Соколов, менявший Хтея на задней линии, не справлялся со своими прямыми обязанностями, то чего было ждать от того же Хтея или Ильиных?

И во втором сете, точнее, в его начале именно на приёме было потеряно столько мячей, что изменить что-либо на площадке редкими атаками центральных не представлялось возможным: 5:8 к первому техническому перерыву, 10:16 – ко второму. Ситуация более-менее стабилизировалась с выходом на площадку Тетюхина. Когда при счете 16:22 на подачу отправился Михайлов, он-то и выступил как бы в роли представителя ОТК: реально проверил, на что способны соперники. Оказалось, не на многое. В итоге ситуация на площадке почти выровнялась – 21:22. Не помогли два перерыва, взятые Бернардиньо.

Казалось, еще чуть-чуть, и можно будет настичь соперника. Увы. Вначале ошибся на подаче Михайлов, что простительно, потом не смог перебросить мяч через сетку Хтей, что непростительно, и в довершении всего запустил мяч в аут Мусэрский, до этого отменно сыгравший в атаке и на блоке.

И ведь нельзя сказать, что бразильцы были настолько сильнее. Да, они демонстрировали свою традиционную игру, правда, гораздо более разнообразную, чем в начале месяца на «Финале шести» Мировой лиги в Софии. Но это и всё. Их преимущество было достигнуто вовсе не за счет собственных действий, а исключительно за счет ошибок игроков российской команды. Знаете, каким в итоге оказалось соотношение в этом

элементе: 15 совершили бразильцы, а россияне почти в два раза больше – 28 (!)

В третьей партии все складывалось казалось бы неплохо, какое-то время наши волейболисты даже были впереди. Но ближе к концу сета бразильцам удалось сравнять счет, а потом выйти вперед опять-таки не без содействия россиян. В концовке же напортачили очень неважно проведший матч Александр Бутько и вышедший вместо Хтея Юрий Бережко. 0:3.

Как оказалось, ничего не изменилось с печальной памяти игры в Японии в конце ноября. Правда, то поражение россиян стало единственным на почти трехнедельном Кубке мира, который, напомню, наша команда выиграла. Может, и сейчас будет также? Благо, есть несколько дней, чтобы залечить раны травмированным, потому что следующий матч со сборной Туниса хоть и не станет проходным, но все-таки и ключевым его не назовешь – уж африканцев-то мы были обязаны побеждать, как сейчас любят говорить, по определению.

Проблема – замаскированная удача

У замечательного английского драматурга Оскара Уайльда, известного своими крылатыми выражениями, есть одно, которое, на мой взгляд, как нельзя лучше подходит к ситуации, сложившейся с нашей мужской сборной по ходу олимпийского турнира. Оцените: «Когда боги хотят наказать нас, они исполняют наши молитвы». Мы все время молились, чтобы наших волейболистов покинули, наконец, все их болячки, мешавшие весь трехмесячный предолимпийский период нормальной работе команды. А боги решили нас пародировать – и все пошло наперекосяк. Перед самым первым матчем, как я уже рассказывал, получил травму Михайлов. После игры с Германией случился рецидив с оперированным коленом у Волкова, после чего он не вышел на площадку с бразильцами, да в тот момент и не очень было понятно, сможет ли он вообще помочь команде в оставшихся матчах. Проблемы со здоровьем у Тетюхина не позволили нашему ветерану выйти на площадку против бразильцев в стартовом составе. Да чуть ли не вся команда держалась на уколах доктора Ярослава Смакотнина.

За что только боги так невзлюбили российскую сборную? Чем это наши волейболисты их прогневали? Вроде бы никаких сколь-либо значимых промахов команда не совершала. Не считать же предыдущие ее успехи, причем, вполне заслуженные, чем-то неправильным. Напротив, в 2011-м россияне объективно были

сильнее всех, что дважды и доказали, победив в Мировой лиге и на Кубке мира. Не в этом же в конце концов заключался их грех?

У нас все, повторяю, происходило вопреки ожиданиям, а вот у тех же американцев наоборот: от матча к матчу они прибавляли и смотрелись лучше прочих участников волейбольного турнира. Будто враз помолодели Клейтон Стэнли, кстати, пропустивший сезон, подлечившийся и действовавший выше всяких похвал, и мормон Рид Придди, своим лондонским выступлением подтвердивший непреложный факт, что американцы за свою сборную играют гораздо лучше, чем в составе клубов, с которыми их связывали контрактные отношения. Это относилось буквально к каждому волейболисту команды США.

Поразило больше всего, что эта команда за прошедший с «Финала шести» Мировой лиги в Софии месяц прибавила так, что казалось, будто в болгарской столице выступала одна сборная США, а в Лондон приехала другая. Не случайно же тот же Придди безо всяких задних мыслей заявил, что нынешняя американская команда сильнее, чем та, что за четыре года до Лондона выиграла золотые медали Пекина-2008. Любопытное откровение, не правда ли? Но в Пекине ведь был Ллой Болл, зато не было Мэттью Андерсона, одного из ключевых волейболистов игравшей в Лондоне сборной, который в британской столице добывал львиную долю очков, ничуть не меньше Стэнли.

Больше всего волновал вопрос, выйдет ли в стартовом составе Волков. Накануне профессор Сергей Архипов, руководитель российского медицинского центра в Олимпийской деревне, заверил меня, что наш блокирующий сыграет с американцами. И Волков действительно вышел в шестерке. Зато Алекно оставил на скамейке Мусэрского. Все понятно: было решено сократить до минимума собственные невынужденные ошибки – у нашего центрального их более чем, прежде всего на подаче.

До первого технического перерыва россияне успели и оторваться на три очка – 7:4, и затем четыре подряд проиграть. Получался блок, но вот атаки быстрым темпом проходили редко – слишком низко пасовал Бутько. Зато на блоке и на подаче наш пасующий смотрелся неплохо. После двух его эйсов счет стал 11:8, и Элан Найп, главный тренер американцев, вынужден был взять перерыв. С нашей командой подобное случалось, и не раз: после 0:4 следует отрезок в 4:0.

Ко второму обязательному тайм-ауту преимущество россиян чуть возросло – 16:11. Но с американцами всегда нужно было держать ухо востро – концовки партий они играть умели всегда. Несмотря на мощнейшие подачи Стэнли, Придди и Андерсона,

наши держали прием, четко отрабатывали в защите. Только на подаче опять ошибались даже Михайлов, Тетюхин и Волков, лучшие в команде в этом элементе.

Именно очковые потери эти привели к тому, что комфортное преимущество в пять очков – 19:14 сократилось до двух, а после двух ошибок Михайлова в атаке счет вообще сравнялся – 20:20. Тут же заработал очко с короткой передачи Дэвид Ли. Михайлов не задержался с ответом. И пошла рубка очко в очко. 23:23. 24:24, 26:26 и 27:27. Но две технические ошибки – и первый сет проигран.

Знаете, каково было соотношение ошибок у двух команд на подаче в первой партии? Не поверите: мы не смогли точно в площадку направить мяч 9 раз, а американцы только 2. Всего ошибок у нас набралось 15, а у американцев – 8. И это за партию! О чем тут говорить? И при этом мы еще соперничали на равных. Поразил процент результативности у победителей – всего-то 31 %. И при таком мизере они умудрились выиграть партию. Нет, не совсем верно: российская команда её проиграла.

Во втором отрезке все время впереди были американцы. Им удалось выиграть три очка подряд блоком – 5:8. И это преимущество они удерживали до счета 9:12. А потом история повторилась с точностью до наоборот – три блока подряд поставили россияне. И счет сравнялся 12:12. Но соперники вновь сумели оторваться – 12:16 к техническому перерыву. И догнать их, несмотря на все старания и замену Бутько на Сергея Гранкина, не удалось. Отметил бы потрясающие по точности и скорости подачи Придди, которые до предела затрудняли прием, – в Казани, где он провёл не один сезон, за ним подобного не замечал.

Все шло к тому, что россияне опять проиграют матч в трех партиях. Гранкин продолжал пасовать, а Хтея в третьей партии заменил Ильиных. И погоды не испортил, и в атаке действовал получше Хтея. Да и Гранкин оказался к месту – пасовал чётче Бутько. Но лучшими безусловно были Тетюхин и Волков, добрых слов заслуживал и Обмочаев. Третья партия показала, что у российской команды огромный потенциал. При этом повторюсь: если бы не дурацкие ошибки на подаче, матч складывался бы совсем иначе.

В перерыве обменялся мнением с известным специалистом Павлом Борщом, бывшим игроком и тренером, работавшим на Играх комментатором. Сошлись на том, что в этой ситуации было бы неплохо дотянуть до пятой укороченной партии. И даже если не удастся выиграть, ребята должны были почувствовать, что им сам бог не страшен. Тот самый, который от них в какой-то момент

отвернулся.

Четвертую партию россияне начали более чем уверенно. К моменту, когда на табло загорелись цифры 11:4, Найп использовал уже оба своих перерыва, а ещё заменил Придди, дважды не принявшего подачу Михайлова. Вышедший на площадку Шон Руни неплохо вошел в игру. И во многом его усилиями американцам удалось сократить разрыв – 16:12 ко второму техническому перерыву. Но остановить разыгравшихся россиян было невозможно, а Тетюхин с Михайловым в концовке партии сотворили маленькое чудо – 25:16. Разгром!

В пятом сете Придди на площадку не вернулся. Найп взял первый перерыв при 5:2 в пользу россиян. Не помогло: поймавшие кураж россияне продолжали набирать очки – 8:4 к смене сторон. И сразу после этого Стэнли не смог обыграть наш блок, Найп взял второй тайм-аут.

Но американцы продолжали ошибаться. Вновь появился на площадке Придди. Пятое очко Стэнли набрал, когда на счету российской команды было уже 11.

В концовке вновь солировали Михайлов с Тетюхиным. 15:8 – более чем убедительная победа. Знаменитый американский тренер, а ныне президент Федерации волейбола США Даг Бил признал, что россияне были сильнее и просто обязаны были выигрывать первую партию. Вторая же, по мнению американского специалиста, не была показательной.

Не помню уж, кто именно из мудрецов сказал, что «любая проблема – это замаскированная удача». Но фраза сия, как показали дальнейшие события, отлично характеризовала то, что произошло в матче Россия – США.

Между тем ситуация в двух группах сложилась настолько неопределенная, что предугадать расстановку команд по итогам предварительных соревнований было невозможно. Все должно было проясниться только в последний день группового турнира, когда итальянцы должны были встретиться с болгарами, сборная России с командой Сербии, а Бразилия с Германией. Понятно, что после сегодняшнего успеха, сухого поражения от бразильцев, но такой же убедительной победы над Германией (Тунис по понятным причинам во внимание не берем), а немцев в свою очередь над сербами, даже при условии всех дальнейших успешных матчей россиянам сложно было занять в группе первое место. Чтобы продолжить борьбу за медали в четвертьфинале, нельзя было опускаться ниже четвертого. Кстати говоря, в сложившейся ситуации четвертое было бы предпочтительнее. Потому что в этом случае была гарантия не сыграть в первом круге плей-офф с теми же бразильцами, а выйти на победителя

группы А, где пока лидировали болгары. Но сомневался, что так все и останется. Многое должно было определиться, как отметил выше, во встрече Италия – Болгария. Но эти команды играли в заключительный день групповых соревнований.

Ни о чем не говорящие цифры

Уж кого-кого, а сербов-то наши волейболисты должны были изучить досконально, ведь в текущем сезоне пришлось играть с ними в одной группе на Мировой лиге. И действующие чемпионы Европы произвели очень хорошее впечатление. Особенно представители нового поколения сербских игроков – диагональный Александер Атанасьевич, доигровщик Урош Ковачевич и пасующий Михайло Митич. Поэтому более чем странным выглядела турнирная таблица группы В, где сербская сборная занимала предпоследнее место с единственной победой над командой Туниса.

В первом лондонском матче очередной соперник российской команды проиграл американцам, потом были еще два поражения в пяти партиях – от сборных Германии и Бразилии. Ну, бразильцам уступить не зазорно. А вот побеждать пусть и прогрессирующую, и мотивированную немецкую команду гораздо более искушенные в волейболе сербы были просто обязаны.

Понятно, олимпийский турнир не похож ни на один прочий, понятно, что здесь все команды старались превзойти самих себя, прыгнуть выше головы. Но при всём этом даже представить себе было нельзя, что сербы могут не попасть в плей-офф, то есть, оказаться на пятом месте в шестерке. У наших сегодняшних конкурентов оставался единственный шанс продолжить борьбу – разгромить сборную России. Впрочем, не факт, что и это помогло бы, ведь в последнем матче дня встречались сборные Бразилии и Германии, в котором, как ни странно, могла решиться судьба сербов.

Россиянам же, которые к этому моменту лишились возможности занять первое место в группе (ну не выиграет же сборная Туниса у олимпийских чемпионов из США), но и четвертая итоговая позиция им тоже вряд ли светила, хотя теоретически оказаться на этой строчке было возможно, если бы бразильцы крупно проиграли сборной Германии. Скорее всего команда России могла оказаться третьей.

Пока размышлял над возможным раскладом после завершения групповых соревнований, поляки умудрились проиграть сборной Австралии -1:3. При этом представителям

Зеленого континента эта победа нужна была словно мертвому припарки – они все равно отправлялись восвояси, точнее, домой. В который уже раз поляки переоценили себя! И как позже выяснилось в 1/4 россиянам предстояло сыграть с командой Андреа Анастази. Потому что первое место в группе А почти наверняка должен был занять победитель матча Италия – Болгария. У болгар в активе было 9 очков, у их визави – 8. Да, неудача бело-красных спутала все карты…

Между тем статистические выкладки перед последним игровым днем говорили исключительно в пользу поляков. В атаке (43,60 % процент результативности) и на подаче (1,79 за матч) они опережали всех участников олимпийского турнира. Обратите внимание, на сколько игроки Анастази превосходили, скажем, россиян, которые шли следом – 34,44 %. Команда Сербии занимала 9-е место – 24,01.

На блоке Россия 4-я: 3 блока за сет, Сербия – 5-я: 2,94, Польша 8-я: 2,36. На подаче сербы стояли чуть выше россиян – 1,24 и 1,21 за матч, соответственно 8-е и 9-е. В защите поляки на 2-м месте – 8,79 сэйвов за сет, россияне пятые – 8,43, сербы десятые – 6,94. Единственный из волейбольных компонентов, в котором команда России значилась первой – это, как ни могло показаться странным, пас: 13,71 качественных передач за партию, поляки шли следом – 12,57, сербы четвертые – 12,0. Ну и самое больное место сборной России – приём: мы – замыкали дюжину сборных с 56,54 %, поляки 5-е – 65,79 %, сербы 10-е – 60,24 %.

После первого сета россияне значительно опережали сербов в атаке -16:9, очко выиграли на блоке, в то время как соперник ни одного, плюс эйс Михайлова, еще на 7 очков наошибались сербы. Но все равно даже при столь ощутимом выигрыше партии – 25:15, наши игроки умудрились шесть раз сорвать подачу, остальные очки сербы заработали в нападении.

Сборная России вышла на ничего не решавший матч без Волкова, которому дали отдохнуть перед четвертьфиналом. В этот день пасовал Гранкин, а Николай Апаликов играл вместо Волкова. Со второй партии Тетюхина заменил Бережко. Но рисунок игры и ситуация в матче от этого не изменились.

И вдруг при счете 18:9 россияне остановились. Посчитали, что дело сделано? После трех проигранных подряд очков Алекно взял тайм-аут. А потом произвел двойную замену, дав передохнуть игравшему все матчи без замен Михайлову. Помогло – 25:20. На сей раз более результативно в атаке действовали сербы -9:13, зато на блоке россияне их заметно превзошли – 8:3. И ошибок совершили меньше – всего 3 против 6 у соперника.

Казалось, что матч быстро закончится – к первому

техническому перерыву в третьей партии после нескольких мощнейших подач Апаликова, а потом Михайлова счет стал 8:2. И опять наступило непонятное спокойствие в российском стане – сразу 8:6. Вновь тренерское вмешательство помогло восстановить статус-кво, а при 14:7 уже вынужден был брать тайм-аут Игор Колакович, сербский главный. Это у Мусэрского вдруг полетела подача, о чем до этого приходилось только мечтать. Неужели заработало?

Сербы еще немного посопротивлялись, но это был не их день и, судя по всему, не их Олимпиада: чемпионы Европы покидали Лондон. А россиянам оставалось ждать окончания оставшихся матчей и вечерней жеребьевки.

Итальянцы, судя по всему, схитрили: для вида они затянули первый сет с болгарами, уступив 30:32, а в двух других отбывали номер. Расчёт был простой: аргентинцы никак не могли проиграть британцам, даже если бы очень захотели. А команда США – сборной Туниса. Таким образом, итальянцы оказывались четвёртыми в своей группе и выходили на победителя другой шестёрки, а именно американцев, избегая на этой стадии встречи с очень неудобными для себя сборными России или Бразилии. Понятно, нашим хотелось, конечно, заполучить в соперники команду Аргентины, но жребий вывел наших на поляков.

Польский синдром

Всего сутки минули после обиднейшего поражения женской команды в четвертьфинальном матче со сборной Бразилии, а я все никак не мог успокоиться. Ну не заслужили эти девчонки такой участи. Они должны были играть за медали. Скорее всего, даже за золотые, если бы на пути к финалу не попали на американок.

Между прочим, также бесславно завершили турнир и итальянки, проигравшие сборной Кореи и вместе с нашими отправившиеся домой. Уж как хотел их тренер Массимо Барболини не сыграть с Бразилией и сделал так, чтобы его подопечные проиграли команде России. Все получилось прямо-таки по громкой российской поговорке «Бог шельму метит».

А есть еще и достаточно известная итальянская сентенция: «Кто не умеет притворяться, тот не умеет жить». Ее можно в полной мере отнести как к Барболини, так и к другому итальянскому специалисту Анастази. Еще два года назад он готовил мужскую «Скуадру адзурру», а в Лондоне руководил сборной Польши. Вот только в отличие от Барболини, который

действительно слукавил в матче с россиянками, говоря о его соотечественнике, рассмотрел бы использованный при переводе глагол с морфологическим уклоном. И при этом обратил внимание на его основу, которая вполне соотносится с такими однокоренными словами, как «творить», «творец» и «творчество». Это как раз то, что характеризовало итальянского тренера польской команды. Но еще в большей степени его постоянного российского визави – Алекно.

Противостояние двух специалистов и руководимых ими сборных длилось к тому моменту без малого пять лет с небольшими перерывами. Началось все с финального матча чемпионата Европы 2007 года в Москве между сборными России и Испании. Как нетрудно догадаться, испанцами в то время руководил Анастази. И тогда итальянец впервые переиграл россиянина, точнее, конечно, его команда добилась победы в том матче, хотя, объективно говоря, российский состав был посильнее. К этому моменту Алекно делал только первые шаги во главе национальной команды, тогда как Анастази успел потренировать итальянскую сборную и выиграть с ней чемпионат Европы и дважды Мировую лигу. Тот московский финал продолжался более двух часов. А спустя каких-то два с небольшим месяца уже на Кубке мира россияне разобрались с недавними обидчиками безо всяких проблем и очень быстро.

Чуть дольше продолжался матч сборных России и Италии, которыми руководили опять-таки названные выше специалисты, за бронзовые медали на Олимпийских играх в Пекине за четыре года до Лондона – и вновь убедительная победа команды Алекно над сборной Анастази.

Жизнь вновь свела тех же действующих лиц после трехлетнего перерыва. Только за прошедшие годы российский наставник набрался опыта, преуспел в работе с казанским «Зенитом». Анастази же вновь поменял сборную.

Очередная встреча произошла в июле 2011-го в Гданьске в полуфинале Мировой лиги. И российская команда в тяжелой борьбе при сумасшедшей поддержке болельщиков соперника смогла добиться убедительной победы – 3:1. А на следующий день обыграла еще и бразильцев в финале. Анастази очень высоко оценил и саму победу россиян, но главное, заметно изменившуюся игру российской команды, которая, де, стала «полноправным лидером не только европейского, но и мирового волейбола». Но через каких-то пару месяцев в Вене в матче за европейскую бронзу подопечные итальянца смогли одолеть игроков Алекно, раздосадованных провальным накануне полуфиналом с сербами.

И кто бы мог подумать тогда, что обе команды, попавшие на Кубок мира по приглашению, в очном соперничестве решат судьбу почетного трофея. Причем, случилось это в последнем матче кругового турнира, который стал финальным по стечению обстоятельств. И Алекно вновь переиграл Анастази. В день своего 45-летия!

И вот новое противостояние спустя восемь месяцев в олимпийском четвертьфинале Лондона. Наверное, самое принципиальное среди всех предыдущих. Потому что в нём решалось главное: какая из команд продолжит борьбу за медали, а какая завершит олимпийскую эпопею.

Объективно говоря, преимущество было на стороне россиян. Не говоря уже про счёт тренерского спора 4:2 в пользу Алекно, в команде России гораздо сильнее смотрелись игроки первого темпа и диагональный, примерно равными в классе были пасующие. Разве что лидер польской сборной Бартош Курек превосходил наших доигровщиков прежде всего своей молодостью и физическими кондициями. Я же очень верил в Тетюхина: не сомневался, что он проведет матч с поляками также, как с американцами, и тогда никакой Курек нашим не был бы страшен.

Все эти аргументы привел в короткой беседе с американским специалистом Билом, после необъяснимого поражения его мужской команды от итальянцев – 0:3. Причем, не я его спрашивал, он – меня. Великий тренер согласился с моими выкладками, но все равно сказал, что выиграть у поляков будет очень непросто. Это я знал и без Била. На мой вопрос, что произошло с его командой во встрече с итальянцами, услышал в ответ нечто странное: «Это не моя команда. Я ее не тренирую». А вмешательства Тетюхина не понадобилось: в тот момент ещё не знал, что силы и умение понадобятся нашему лидеру в решающей финальной схватке.

Пока же на другой стороне площадки расположились поляки. Первый сет россияне провели на одном дыхании. Начали лихо – 4:0, и даже ошибка Михайлова, до этого исполнившего эйс, на подаче особо не повлияла на ритм игры. Дебютного запаса в очках в итоге хватило для победы в партии. Гранкин достаточно четко дирижировал партнерами, меняя направление атаки. Остальные действовали в свою силу. Поляки несколько раз «ловили» Михайлова на блоке, да Збигнев Бартман не раз пробивал наш блок. Но это были единичные и ничего не решавшие эпизоды.

В итоге 25:17: и в атаке превзошли соперника – 12:7, и на блоке – 4:1, и на подаче – 2:1, и на… собственных ошибках – 8:7.

Как можно было предположить, второй сет сложился гораздо сложнее для россиян. Амбициозные оппоненты, выигравшие, повторяю, всего за месяц до Лондона-2012 Мировую лигу, не могли смириться с провалом первого сета. Они и лидировали почти до самого технического перерыва. Правда, к этому моменту, а именно ко второму обязательному тайм-ауту, на очко больше было уже на счету нашей команды. И в дальнейшем полякам удавалось четыре раза сравнивать счет, но выйти вперед россияне им не позволяли.

Характерной оказалась самая концовка сета. Курек подал мощную подачу в Ильиных, который заменил Хтея, но наш запасной доигровщик справился, а атаку четко завершил Михайлов. 25:23. И вновь мы лучше были в атаке – 14:11, исполнили два эйса (не поверите – Мусэрский!), а поляки ни одного, у обеих команд было по два результативных блока, но и ошибок, особенно в первой половине партии, наши волейболисты совершили побольше – 10:7. Но по партиям-то россияне вели уже 2:0! Это главное.

Критический момент в третьей партии наступил, когда после счета 22:17 были проиграны два очка подряд. В перерыве Алекно предупредил, чтобы не забывали про страховку. Но поляки сами ошиблись дважды, вводя мяч в игру. И при 24:20 уже никакие подачи Курека страшны не были.

Это была пятая победа Алекно в споре с Анастази. Но, наверное, наиважнейшая.

Полагал – и не без оснований, – что с болгарами на следующей стадии турнира будет играть полегче: балканские ребята наших побаивались.

Болгарский прессинг

Если бы кто-нибудь сказал накануне Олимпийских игр, что в лондонском полуфинале сойдутся сборные России и Болгарии, такого пророка просто-напросто подняли на смех. То, что россияне могли дойти до полуфинала, сомнений ни возникало даже у отпетых скептиков. А вот предположить, что «братушки» пробьются в эту стадию олимпийского турнира, не мог никто, в том числе и они сами. И дело тут даже не в том, что балканская команда плохо играла. Вовсе нет. В ее составе во все времена бывали классные исполнители, да и места команда занимала достаточно высокие – выигрывать ничего не выигрывала, но в призерах бывала и на Олимпийских играх, и на чемпионатах мира, и на континентальных первенствах. И пусть никого не

смущало, что серебряные олимпийские награды болгарская команда завоевала в Москве в 1980-м – мол, тогда не все сильнейшие сборные участвовали в турнире. Но болгары входили в те времена в мировую волейбольную элиту, за восемь лет до этого играли в полуфинале Олимпийских игр в Мюнхене, а за десять лет до московского олимпийского финала оспаривали в решающем матче мировое золото на вселенском чемпионате.

Да и позже сборную этой страны всегда рассматривали как одного из реальных претендентов на медали.

Лично был свидетелем полуфинального матча СССР – Болгария на чемпионате мира 1986 года в Париже. Почему же все-таки в канун Лондона болгары не котировались? Напомню. Кто следил за происходящим в волейбольном мире, знали, что буквально за два месяца до Игр, проиграв европейский отбор в новеньком софийском зале «Армеец», между главным тренером Радостином Стойчевым и президентом национальной федерации начались разногласия. Стойчев был отстранен от руководства сборной, но буквально на следующий день под давлением общественности и самого высокого болгарского руководства восстановлен на работе. Потому что Болгария, заплатив немалые деньги, взяла себе еще и межконтинентальную олимпийскую квалификацию вместо Италии, одну из трёх, до которой оставалось дней десять, и рискованно было производить замену тренера. Когда же путёвка в британскую столицу была завоевана, «герой страны» тренер потребовал отставки президента федерации. В противном случае отказывался везти команду в Лондон. В итоге упрямый Стойчев был отстранен от работы, в знак солидарности с ним сборную покинули лучший игрок команды Матей Казийски и основной пасующий Андрей Жеков.

Во главе команды встал Найден Найденов. Он и руководил сборной в «Финале шести» Мировой лиги все в том же «Армейце».

Видел все матчи болгарской сборной, правда по ТВ. Играла она, прямо скажу, не очень внятно. Конечно, потеря Жекова – это благо для команды: слишком однообразно он пасовал, его передачи легко прочитывались, что облегчало жизнь соперникам. Заменивший его один из братьев-близнецов Георги Братоев успел набраться опыта в самый канун Игр, и вовсе не случайно занимал в Лондоне первую строчку среди связующих олимпийского турнира, а позже и в самом деле был признан лучшей связкой на Играх.

Вообще случилась этакая болгарская экспансия в волейбольную статистику. И вот уже либеро Теодор Салпаров опережал всех при оценке защитных действий и занимал третье место среди отличившихся на приеме. Тодор Алексиев с большим

отрывом лидировал среди лучших нападающих. Виктор Иосифов замыкал тройку сильнейших блокирующих. Также третьим шёл Цветан Соколов среди подающих, он же, уступая нашему Михайлову совсем немного, пристроился вторым в перечне самых результативных волейболистов – 102 очка у болгарина и 106 у россиянина.

Но дело даже не в цифровых выкладках – игра команды изменилась, перестроилась. И выигрыши у сборных Польши (3:1) и Италии (3:0), уверенная победа в четвертьфинале над немцами (3:0), которым та же Болгария уступила на первом континентальном олимпийском отборе, доказывали справедливость попадания болгар на столь высокую стадию турнира. Смущала разве что неудача в матче с Аргентиной (1:3), но, как говорится, с кем не бывает.

Ну и что толку, что сборные СССР, а потом России, встречаясь на олимпийских соревнованиях разных лет выиграли у болгар 8 матчей из 8. Все это оказалось в подзабытом прошлом. Сейчас же речь шла о настоящем. И новое поколение болгарских игроков, как мне представлялось перед полуфиналом, было более устойчиво психологически. Сопернику важно было напрочь забыть про приведённую статистику: в официальных соревнованиях Международной федерации за все годы болгары побеждали нашу отечественную команду только 10 раз, проиграв при этом 46 матчей. Только в этом случае они могли попытаться добиться своей 11-й победы.

Короче, с лондонскими болгарами, к которым перед Играми наша команда относилась весьма скептически (Стойчев несколько лет работал помощником у Алекно в динамовском клубе, потому обе сборные знали друг друга хорошо) и которых обыграла за день до старта олимпийского турнира в спарринге уже в британской столице -3:1, нужно было держать ухо востро. С шапкозакидательскими настроениями в олимпийском полуфинале делать нечего. Алекно важно было убедить в этом подопечных, тогда серьезных проблем можно было избежать.

Но они возникли с самого начала, потому что все без исключения игроки болгарской команды были отмобилизованы как никогда. И хотя они действовали небезошибочно, прежде всего на подаче, как, впрочем, и российская команда, запас в несколько очков, добытый в самом начале партии, держался до первого технического перерыва. А потом два подряд очка Тетюхина с линии, этакой российской палочки-выручалочки, изменили картину партии. Потом тот же Тетюхин добыл очко в атаке – и болгары начали ошибаться в элементарных ситуациях. 21:19 уже вела сборная России. Теперь сопернику удавалось

только приближаться, но даже сравнивать счет не получалось. Атака Тетюхина, эйс Апаликова, заменившего Мусэрского, и атака первым темпом Волкова довершили начатое ветераном команды.

А во втором сете решающий отрыв случился как раз на подаче Волкова. Он начал вводить мяч в игру при счете 3:2, а закончил, когда на табло горели совсем другие цифры – 11:2. При этом у Волкова не было ни одного эйса, но наш центральный подавал настолько целенаправленно и четко, что болгарские тренеры поменяли едва ли не весь состав, в том числе и Соколова с Алексиевым.

Почему вдруг заговорил о болгарских тренерах, а не о Найденове. Да потому что на наших мониторах в ложе прессы было чётко видно, что главный в перерывах большей частью молчал, а руководил игрой его номинальный помощник итальянец Камилло Плачи. Помните такого? А ведь он сидел на скамейке нашей команды за четыре года до этого в Пекине. Помогал ли тогда итальянец Алекно? Надо спрашивать у нашего тренера. Одно не мог понять: итальянец давал указания на своём родном языке без переводчика. Неужели все болгары так хорошо освоили итальянский? А, может, специально выучили? Шутка!

Во второй партии им ничего помочь уже не могло. Зато в третьей, когда на площадке вновь появился состав, соперникам удалось оторваться на три очка – 11:8. Причем, разыгрался Алексиев. Именно в этом отрезке матча он добыл больше половины из своих 15 итоговых очков. Иногда ему помогал другой доигровщик Тодор Скримов, у которого особенно удавались подачи и атаки из четвертой зоны.

Завершалась партия в нервной обстановке. Трижды в концовке болгары меняли своих игроков на подаче, пока не угадали с Владимиром Николовым. И тут им помог китайский судья Ван Нин, посчитав, что удар Михайлова пришелся за пределы площадки при том, что линейный, а позже и повтор эпизода на мониторе четко зафиксировали линию. Увы, исправить ошибку арбитра в то время было нельзя. И партия была проиграна.

Стало тревожно, потому что болгары в самом деле были настроены как никогда.

И опять первую треть партии пришлось отыгрываться. Тогда-то Алекно и решился на важную замену – вместо Гранкина вышел Бутько, а чуть раньше Хтея заменил Ильиных.

Болгары цеплялись за каждый мяч. Лишь два чётких блока на Соколова позволили россиянам выйти вперед – 22:21. Тут же Волков исполнил эйс, болгары отыграли очко, но Михайлов поставил жирную точку в матче: Россия в финале!

Джокер Мусэрский в колоде Алекно

Наверное, я один из немногих, кому довелось стать свидетелем трех олимпийских финалов с участием наших волейболистов. На московском решающем матче в 1980-м СССР – Болгария не был. Сейчас уже не помню точно какое, но выполнял тогда совсем другое редакционное задание. А вот сеульский 1988 года матч СССР – США и тем более сиднейский Россия – Югославия в 2000-м помню прекрасно.

Нет смысла пересказывать эти игры, да и послематчевые эмоции передать сложно. Помню лишь, что в Сеуле, откуда материалы в единственное тогда общесоюзное спортивное издание «Советский спорт» мы большей частью передавали по факсу из офиса ТАСС в главном пресс-центре, был настолько убит поражением советской сборной, что с огромным трудом заставил себя написать полторы странички машинописного текста. Не мог тогда найти слова оправдания в целом вполне логичной, как понял с годами, неудачи. Американцы были в том матче объективно сильнее нас в общей игре, хотя ярких личностей в нашем составе было ничуть не меньше, чем в сборной США – Александр Сороколет, Вячеслав Зайцев, Юрий Панченко, Владимир Шкурихин, Андрей Кузнецов, Юрий Сапега…

В Сиднее все было иначе. Полагаю, наша сборная, если сравнивать по исполнителям, была сильнее югославов. Но те под влиянием братьев Грбичей, прежде всего старшего из них Владимира, кстати, включенного в 2011-м в Зал Славы в американском Холиоке (штат Массачусетс), где волейбол увидел свет в конце XIX века, были настолько отмобилизованы, что выдали наверняка лучший матч в своей жизни. А иначе и быть не могло. Россияне же, умиротворенные, что обыграли этих же югославов на предварительном этапе, наверняка понимали, что против них выйдет в той же форме, но другая команда. Но подспудно каждый видел себя уже на верхней ступеньке пьедестала. Это-то и помешало туда подняться.

Как говаривал некогда великий Альберт Эйнштейн: «Логика приведет вас от А к В. Воображение доставит вас куда угодно». Тогда, в 2000-м, поддавшись воображению, россияне забыли про логику. И поплатились за это.

Из той сборной сиднейского созыва в нынешней команде остался лишь Тетюхин, который смотрелся в Лондоне едва ли не лучше всех своих партнёров по сборной. И если бы уважаемому ветерану удалось провести внутри команды такую же мобилизационную работу, какую проделал в Австралии Грбич-старший, тогда можно было надеяться на лучшее. Вот только у

Тетюхина несколько иной характер: он заводит своих партнёров не словами, а действием. Что и доказал 12 августа 2012 года в Лондоне.

И соперник в британской столице выпал нам серьёзнее, нежели в Сиднее, насобиравший в последние десятилетия кучу чемпионских званий, различных медалей, большей частью золотых, и призов мыслимых и немыслимых. К тому же в олимпийских финалах большинство из бразильских игроков уже участвовали, а у нас только он один. Но его фамилия Тетюхин. Да и в групповом турнире бразильцы от нас камня на камне не оставили. Но в том матче из-за рецидива травмы не участвовал Волков, не в полную силу по той же причине играл Михайлов.

Плюс ко всему бразильскому тренеру Бернардиньо не раз приходилось бывать в подобных олимпийских переделках. Для Владимира же Алекно подобный матч тоже был первым, как и для всех, кроме одного, из его подопечных. Бывал он со своими командами, что с клубными, что со сборной, в различных финалах. Но все они – ни чета олимпийскому. Романычу, как за глаза величали Алекно игроки, важно было самому совладать с нервами. Тогда столь необходимое спокойствие передалось бы и волейболистам. Тогда от них можно было ждать классного волейбола, в который наши играть умели. Причем, очень даже хорошо умели, что не раз и демонстрировали.

Существовала только одна дилемма, перед которой оказался российский тренер: кого из пасующих выпустить в стартовом составе – Гранкина или Бутько. И тот, и другой неважно играли именно против бразильцев. С Бутько в составе были проиграны вчистую два последних матча – в конце предолимпийского года на Кубке мира и во второй игровой день уже в Лондоне. Значит, Гранкин? Тоже не факт. Хотя, наверное, был смысл начать с Гранкиным, как это было в финальном матче Мировой лиги-2011 в польском Гданьске, и, если бы у него не пошло дело, то выпустить Бутько, который в Польше внёс едва ли не решающий вклад в победу.

На сей раз Бутько появился на площадке в первом же сете при счете 1:5 – у Гранкина игра не пошла с самого начала. А еще не полетела подача у Мусэрского (к чему привыкли), Тетюхина и Михайлова (этого никто не ожидал). Но хуже всего, что у Михайлова не проходили его кинжальные атаки. Если не ошибаюсь, всего раз ему удалось в первом сете добить до пола. А без атак диагонального из второй зоны побеждать невозможно. Вот и получилось, что при прочих равных (собственных ошибках, игре на блоке и очковых подачах) россияне в атаке заработали 9 очков, а бразильцы– 15!

Михайлов был на себя не похож. Без стабильной игры диагонального, который к тому же в нашей команде один-одинёшенек, с бразильцами искать было нечего.

Второй сет опять начали с Гранкиным, и после этого пасующий уходил с площадки только раз, когда Алекно решился на двойную замену, дав Михайлову передохнуть. Увы, в атаке вновь не заладилось, также, как и у соперника, зато проиграли блок.

0:2 по партиям. И полная безнадега на площадке. Надо было что-то делать. И Алекно пошел на эксперимент: дабы усилить атаку Михайлов вышел на позицию второго доигровщика, а вместо него по диагонали встал Дима Мусэрский. Такой вариант предусматривался. Правда, в том случае, когда замена потребовалась бы именно Михайлову. На сей раз пришлось ставить его в доигровку, потому что все игроки этого амплуа, кроме Тетюхина, играли безобразно. И домашняя заготовка не просто сработала, а принесла победу в третьей партии и сохранила надежду, что все еще можно исправить.

Почувствовав, что «запахло жаренным», собрались все остальные, и на площадке вновь оказалась команда!

Впрочем, всё это произошло не сразу, а уже под занавес партии, да чего там партии – всего матча, ведь счёт-то был 22:19 в пользу бразильцев, и их отделяло от вожделенного золота каких-то три точных попадания мяча в оранжевый квадрат, а любой промах наших игроков мог привести к катастрофе.

Так в какой момент третьей партии произошёл перелом в игре? С самого начала сета, когда Алекно решился на неординарный ход и поставил по диагонали Мусэрского, а Михайлова перевёл в доигровщики? О таком варианте тренер говорил мне в нашей беседе перед отъездом в Лондон. Правда, просил не оглашать раньше времени, что собирается повезти на Игры одного диагонального. А на мой вопрос, что при необходимости Михайлова мог заменить Ильиных, тренер даже возразил: «Почему только Ильиных, есть ещё и Мусэрский, которого Геннадий Шипулин несколько раз использовал в клубе на этой позиции». Тогда, в Новогорске, где и происходил наш разговор, на одной из тренировок Алекно попробовал этот вариант. Во второй раз пришлось ставить самого высокорослого игрока команды по диагонали в ходе спарринг-матча с болгарами в Лондоне, когда Михайлов травмировал голеностоп. Ну а третий выход Мусэрского на несвойственную позицию оказался козырным.

Так всё-таки с появлением Малыша на месте диагонального, то есть, с самого начала третьего сета стало ясно, что россияне

заработали «первым номером»? Возможно. Он принёс первое очко в третьей партии, внеся сумятицу в ряды соперника, который никак не ожидал увидеть Мусэрского не на своём привычном месте. Или когда, проигрывая 1:3, Гранкин трижды отдавал мячи нашему гиганту и тот вбил в квадрат соперника три гвоздя, поймав невероятный кураж?

А может, сыграл свою роль одиночный блок Гранкина, закрывшего атаку Мурило, и счёт стал 15:15 после того, как до этого наши уступали 10:13 и 11:14?

Или успокоили ребят слова тренера во время тайм-аута, взятого Алекно после трёх кряду проигранных очков при 15:18?

И хотя бразильцы ещё уверенно лидировали, Бернардиньо, уже почувствовав неладное, метался между скамейкой и площадкой. А ведь было ещё и 16:19, и 17:20, и 18:21, наконец, 19:22, после того как Мусэрский в очередной раз ошибся на подаче. Это был его последний промах в партии.

Окончание третьего сета приведу по сокращённой стенограмме.

Тетюхин приносит очко, со второй попытки ударив не сильно, но хитро. 20:22.

Он же подаёт отлично, бразильцы перебрасывают мяч через сетку без атаки, а Мусэрский забивает. 21:22. Бернардиньо сигналит на первый перерыв в партии.

Опять блестящая подача нашего ветерана, мяч отскакивает от Мурило на трибуны. 22:22. Бразильский тренер тут же берёт второй тайм-аут.

Вновь отличный ввод мяча в игру Тетюхиным, но бразильцы на сей раз справляются, быстрый пас на Уолласа, и тот точно атакует практически на чистой сетке. 22:23.

На подачу выходит Жиба вместо Данте. Его «планер» берётся без труда, но первая атака не проходит, зато со второй Мусэрский точен. 23:23.

Бразильцам удаётся неплохо обработать мяч после сложной подачи Волкова, и Лукас атакой первым темпом добывает первый матчбол для своей команды. 23:24.

Он же и подаёт. Мяч после атаки Мусэрского натыкается на блок, но наши неплохо страхуют, а Михайлов пробивает точно. 24:24.

Подачу Гранкина обрабатывают без труда. В атаке вновь отличается Уоллас. 24:25. Второй матчбол.

«Планер» Бруно принимает Обмочаев, пас Гранкина Михайлову в привычную вторую зону, и тот попадает в площадку, задев блок. 25:25.

Мурило справляется с мощной подачей Михайлова, но мяч от рук кого-то из наших летит далеко за пределы площадки. Буквально чудом Михайлову удаётся вернуть «снаряд» в игру, а Мусэрский, теперь уже из четвёртой зоны, приносит нашей команде первый сетбол. 26:25.

Сержио опять-таки с трудом оставляет мяч в игре после подачи Михайлова, а Сидао точен после атаки в центре. 26:26.

Наш либеро справляется с подачей Мурило, Гранкин пасует Мусэрскому – и мяч от блока отлетает на трибуны. Второй сетбол. 27:26.

И в этот ключевой момент ошибается при вводе мяча в игру Апаликов. Досадно. 27:27.

Сидао рискует, принимает Обмочаев, а Мусэрскому удаётся добыть очко только с… четвёртой попытки! До этого все наши игроки творят чудеса в защите. 28:27. Третий сетбол.

Хтей меняет Мусэрского на подаче и не рискует. Очевиднее всего, что бразильцы будут атаковать первым темпом. Так и происходит. Но Волков «чехлит» Лукаса без вариантов. Партия за нами – 29:27!

Решающим в четвертом сете оказался рывок между первым и вторым техническими перерывами, когда перед тем, как команды ушли на официальную паузу, табло показывало 16:12 уже в пользу россиян. Когда же счет ещё возрос до 21:14, показалось, что дело сделано. Однако радость ещё была преждевременной. Да, начиная с середины четвёртого сета россияне контролировали ситуацию на площадке. Но когда счёт в четвёртой партии после 22:15 принял критическое сочетание цифр – 23:21, стало немного не по себе. Но мужики выстояли. Теперь уже мало кто сомневался, что всё завершится так, как надо для нас. И хотя Бернардиньо ещё пытался как-то приободрить своих подопечных, решился даже скопировать вариант Алекно – выставил по диагонали своего центрального Родригао, но этот ход отчаяния был только на руку россиянам.

Ну а в укороченном пятом сете превосходство россиян, как психологическое, так и игровое, было очевидно. Последнее очко, что логично, добыл Мусэрский, ставший этаким джокером в колоде Алекно.

Так состоялась эта удивительная по сюжету победа – настоящий триллер.

После награждения поджидал в микстзоне одного из героев матча, наверное, всё-таки самого главного из дюжины игроков – Серёжу Тетюхина, любимого Тютика.

– Мог ли ты предположить, что тренер поступит так

неординарно?

– Понимал, что Алекно должен что-то придумать. Но что решится на такие кардинальные перестановки, даже предположить не мог. Видать, вариант с Мусэрским сидел у Романыча в голове. Это храбрость тренерская. Может быть, интуиция. Он не побоялся, что его сотрут в порошок, если вариант не пройдёт.

– Похоже, больше других поначалу нервничал Макс Михайлов – бразильцы разобрали его действия досконально.

– Зато когда Макс встал в доигровку, он воспрянул.

– И вы воспрянули! А бразильцы растерялись?

– Да, мы тоже воспрянули. Бразильцы же не столько растерялись, сколько остановились, силы их оставили. Они увидели, что мы начали показывать свою игру. А до этого две партии ждали, когда они начнут нам отдавать. Но Бразилия не та команда, которая просто так отдаёт очки – их надо вырывать зубами.

– С пятого захода тебе удалось добиться желанной цели. А на других Играх наши сборные могли добыть золото?

– Не просто могли – должны были. Наверное, любая из них, кроме разве что той, что выступала в Атланте в 1996-м. Потому что в том году голландцы с итальянцами были на голову выше остальных, и их переплюнуть никто не мог.

…Пройдёт время, может быть даже много лет, но подвиг, другого слова и подбирать не надо, 12 братьев-богатырей, которые «все как на подбор» и «с ними дядька Черномор», то бишь, Владимир Алекно, останется в памяти. И про финальный матч ещё будут писать, и не раз. И про всех причастных к нему – и тех, кто выходил на площадку, и тех, кто был рядом, но без кого эта победа была бы невозможна. Да и я наверняка ещё вернусь к описанию уже не раз пережитого финала.

Когда печатал последние строчки репортажа о золотом лондонском финале, почувствовал примерно то же самое, что в Сеуле в 1988-м. Только тогда не мог собраться с мыслями, потому что нужно было объяснить неудачу. А в Лондоне руки тряслись от возбуждения, радости от только что одержанной победы. Я, как и вы, как и вся страна ждал её 32 года. То, что в 1988-м не получилось у подопечных Геннадия Паршина, а в 2000-м у сборной Геннадия Шипулина, сделали Владимир Алекно и его команда…

Тяжёлый песок Копакабаны, или как богиня Йеманжа не помогла

Качество без количества

Мы ехали в Бразилию за медалями, хотя все предшествующие Олимпийским играм 2016 года сезоны совсем не говорили, что они могут быть добыты в любой разновидности волейбола. А получилось так, что ближе всего к олимпийским наградам россияне оказались в пляжном волейболе. Во что, по правде сказать, верилось меньше всего, но и сам куратор направления – Андрей Горбенко, генеральный директор ВФВ, возглавляющий Совет по пляжному волейболу, и главный тренер мужской сборной Вячеслав Нирка, убеждали в обратном.

По весне и совсем незадолго до отъезда в Южную Америку наблюдал за выступлениями отечественных пляжников. Прогресс был очевиден. Но не все ведущие представители бич-волея выступали в Сочи и Москве на двух турнирах Мирового тура в начале и в конце мая, итоги которых могли существенно повлиять на распределение 15 олимпийских лицензий у мужчин и столько же у женщин из 24 пар (по две от страны), которые с 6 по 18 августа разыграли награды Игр XXXI Олимпиады на знаменитой Копакабане – всемирно известном пляже в Рио-де-Жанейро.

В первые дни мая 2016-го на песчаные корты сочинского отеля «Sport Inn» вышли 103 мужские и женские команды из 35 стран, Россия была представлена семью мужскими и восемью женскими дуэтами.

Впрочем, количество в данном случае вопреки общепризнанным понятиям никакого значения не имело, потому что ни в какое качество не переходило. Тут всё просто: на начало мая в заветное число 15 от нашей страны входил лишь мужской дуэт Вячеслав Красильников и Константин Семёнов. Да и то ребята занимали 13-ю, весьма зыбкую позицию с 4460 очками, набранными в 12 лучших выступлениях в турнирах Мирового тура, начиная с апреля 2015 года, когда, собственно, и начался олимпийский подсчёт баллов.

Всего на 30 очков россияне опережали мексиканский дуэт Ломбардо Онтиверос/Хуан Вирген. И на 60 немецкую пару Маркус Бёккерманн/Ларс Флюгген. Впрочем, обе эти команды соревнования в Сочи по разным причинам пропускали. Специалисты подсчитали, что Семёнову с Красильниковым, чтобы

обезопасить себя от преследователей и гарантировать место в числе 15 олимпийских дуэтов безотносительно оставшихся до завершения отбора турниров, нужно занять в Сочи место не ниже 5-го, то есть, выйти в четвертьфинал турнира.

Однако на сей счёт у 26-летнего Кости Семёнова было своё мнение: «Мы как никогда мотивированы. Два соревнования в России – в начале мая в Сочи и в последнюю неделю этого же месяца в Москве должны зажечь перед нами зелёный свет, чтобы получить заветную олимпийскую лицензию». Напомню, что у одного из лидеров отечественного волейбола уже есть опыт выступления на Олимпийских играх в Лондоне, куда Костя с Сергеем Прокопьевым пробились, между прочим, не через сито Мирового тура, а благодаря удачному выступлению на Континентальном кубке, когда им удалось выиграть шесть матчей из семи.

«Сегодня совсем другая ситуация, – продолжал размышлять Семёнов, который принимает участие в соревнованиях Мирового тура с 2010 года. – Четыре года назад я был моложе, и мой опыт участия в соревнованиях на песке был совсем незначительным. Не говоря уже про лондонские Игры. За прошедшие годы я набрался опыта, стал более уверен в себе. Поэтому моя мечта не только завоевать право сыграть в Рио, но и постараться завоевать медаль».

Кстати, Семёнов с 25-летним Красильниковым в сентябре 2015 года на аналогичном соревновании в Сочи оказались четвёртыми, проиграв свои два последних матча – в полуфинале американцам Филу Дальхауссеру, олимпийскому чемпиону Сиднея-2000, и Николасу Луцене, а в бронзовом противостоянии уступили итальянцам Даниэле Лупо/ Паоло Николаи. Если лучшей российской команде удалось бы выступить спустя год не хуже, они почти наверняка обеспечивали себе путёвку в Рио уже сейчас.

Что касается других российских претендентов на поездку в Бразилию, то у победителей юношеских Олимпийских игр в Нанкине два года назад Олега Стояновского и Артёма Ярзуткина перед сочинским этапом в активе значились 2320 олимпийских баллов, набранных в 11 турнирах, и неплохие шансы даже ворваться в число 15 счастливчиков. Правда, для этого нужно было постараться выступить как можно лучше в оставшихся соревнованиях Мирового тура – кроме Сочи это турецкая Анталья, американский Цинциннати, Москва и немецкий Гамбург. Дата объявления 15 счастливых обладателей олимпийских путёвок, была определена заранее – 13 июня 2016-го.

Были и другие варианты пробиться на Игры: через

Континентальный (норвежский Ставангер в конце июня) и Мировой кубки. Кстати, последнее соревнование, на котором были разыграны оставшиеся лицензии, состоялось опять-таки в Сочи в первой декаде июля.

Еще у одного российского дуэта – Дмитрий Барсук и Никита Лямин, который почти весь предыдущий сезон не мог выступать в таком сочетании из-за серьёзной травмы последнего, олимпийских очков в активе было поменьше – 1330 в семи турнирах. Им бы сыграть во всех пяти оставшихся соревнованиях, но на сей раз очень некстати травмировался Барсук. И Лямин был заявлен на матчи в Сочи с другим партнёром – 19-летнем Ильёй Лешуковым. Таким образом, вопрос с выступлением в Рио Лямина с Барсуком оставался открытым до самых последних отборов. И в этой связи всё внимание было в тот момент сосредоточено на российских олимпийских чемпионах, пусть пока и среди юношей.

Заметно сложнее складывалась ситуация у женских российских дуэтов. Лучшая отечественная пара Евгения Уколова и Екатерина Бирлова в олимпийском рейтинге находились на 16-й позиции (3830 очков), уступая 15-й – Ане Галлай/Хеоргине Клюг из Аргентины (3930 баллов), 14-й – китаянкам Фань Ван/Юань Ю (4090), 13-й – швейцаркам Йоане Хайндрих/Надин Цумкер (4120). Все три команды ближайших соперниц приехали в Сочи, и было очевидно, что именно между ними развернётся главное предолимпийское соперничество на причерноморском песке. Понятно, что как можно более высокое место – скажем, попадание в четвертьфинал, – позволяло сохранить каждому дуэту надежду на получение олимпийской лицензии по итогам Мирового тура без Континентального кубка и Кубка мира. Напомню, что четыре года назад именно выигрыш Европейского кубка в Москве позволил лучшей российской паре отправиться в Лондон, где наши девушки смотрелись очень неплохо, заняв в итоге вполне достойное для дебютанток 9-е место.

«Наша задача на два ближайших соревнования в России – быть не ниже 5-го места в Сочи и не ниже 9-го в Москве, – признавалась Женя Уколова. – Кроме того, постараемся как можно лучше выступить в Анталье и в Гамбурге. Тогда получим олимпийскую путёвку по итогам соревнований Мирового тура». Если нашему лучшему дуэту удастся попасть на Игры через Мировой тур, право сыграть в Рио через кубковые соревнования сможет оспаривать ещё одна российская женская пара. Ну вот какая? На этот вопрос скорее всего также должен был ответить сочинский турнир.

Кстати, напомню, что из Ставангера в Рио отправлялся

только обладатель Континентального кубка. А команды, занявшие второе и третье места в Норвегии, оспаривали две оставшихся вакансии в Сочи с 6 по 10 июля вместе с представителями Азии, Африки, Северной и Южной Америки.

Четверо за двоих. А кто за страну?

Заняв в Сочи второе место, Красильников с Семёновым так и остались на 13-й позиции в предварительном олимпийском рейтинге. Но при этом значительно оторвались от преследователей из Мексики и Германии: если раньше их отделяли какие-то 30 и 60 очков, то теперь, соответственно, 240 и 270.

– Если бы выиграли у итальянцев в финале, превзошли бы опережавших нас канадцев и сравнялись с польской парой, – сокрушался главный тренер мужской сборной по пляжному волейболу Вячеслав Нирка. – Жду не дождусь, когда будет принято решение, и тренер сможет вмешиваться в игру и давать указания своим подопечным.

– Неужели тренерское участие способно было что-то изменить? Ребята не были похожи сами на себя даже в сравнении с предыдущими играми в Сочи. То ли вечернее время сказалось, то ли резкое похолодание?

– Не сомневаюсь, что я был способен изменить рисунок игры. В первой партии у соперников полетела подача, и это смешало все планы, разработанные на решающий матч. При этом общеизвестно и доказано на практике, что две партии, а уж три и подавно игрок подавать безупречно не может. И об этом я всегда говорю ученикам. Так и получилось во втором сете. Но ребята этот шанс не использовали. При этом сами вводили мяч в игру посредственно, совсем не так, как в шести предыдущих сыгранных здесь же, в Сочи, матчах, да и в защите действовали откровенно слабее. И это при том, что со всеми соперниками Красильников/ Семёнов именно первую партию проводили очень сильно и побеждали в ней в 80 процентах встреч. На сей раз всё пошло не так. И реально наши включились в игру при счёте 14:18 во второй партии, когда уже поздно было что-либо изменить. Будь я рядом, смог бы повлиять на ход встречи гораздо раньше. А так вслед за тактическими пошли и технические ошибки – блок Семёнова был очень пассивный, а Слава начал бегать по корту и демонстрировать тот волейбол, в который играли лет 30 назад.

– Несмотря на неудачу в финале, выступление наших лидеров заслуживает положительной оценки, не так ли?

– Однозначно ребята заслужили добрые слова. Мы завоевали медаль, мы добавили рейтинговые очки, причём, в борьбе с непосредственными соперниками за олимпийскую путёвку – той же канадской парой. А ещё смогли победить много топовых команд. Но самое главное, у наших появилась игра, стал виден рисунок.

– Чем вообще отличается текущий олимпийский сезон от предыдущих?

– Увеличение числа соревнований спутало все наши планы, мы вынуждены были в некоторых случаях форсировать подготовку, разрабатывать новую стратегию на весь сезон – в каких турнирах участвовать, а какие пропускать. Приходится гораздо пристальнее, чем прежде, следить за выступлениями соперников. Из-за всех этих перемен планомерного вхождения в форму не получилось. Плюс перед продолжительным бразильским турне, с которого начинался Мировой тур нынешнего года, Семёнов сломал палец на ноге. И если в зале иногда подобную травму всерьёз не воспринимают, то на песке перелом среднего пальца чреват последствиями. И первый турнир наш спортсмен должен был играть в лангетке, чтобы к соревнованиям в Рио, которые были тестовыми перед Олимпиадой, у Кости была хоть какая-то игровая практика. Нисколько не сомневаюсь: если бы не этот трёхнедельный пропуск в тренировках, уже весной в Рио ребята выступили бы гораздо лучше.

После Бразилии мы сыграли в Китае, пропустив «оупен» в Катаре и проведя недельный сбор в Испании. По игре на китайском песке пара смотрелась достойно. Потом были Сочи, затем – Москва, наконец, Гамбург.

– Тем не менее, если не произойдёт никаких непредвиденных ситуаций, уже сегодня можно считать задачу для одной нашей пары выполненной – она пробилась на Олимпиаду по набранным очкам.

– Перед олимпийским Лондоном средним проходным баллом на Игры считались 4100 баллов. И к старту этого сезона у нас было 4070. Но в связи с увеличением соревнований самые сильные команды перестали ездить на все объявленные турниры, и планка поднялся до 4350. Мы достигли его уже весной после Рио. Сегодня у Красильникова с Семёновым 4670 очков. Этого должно хватить. Да и по игре ребята вполне готовы представлять Россию на Олимпиаде.

– Но, как известно, на Олимпийских играх от каждой страны могут выступить по два дуэта.

– Мы рассматриваем сейчас в качестве второй вероятной

пары Дмитрия Барсука и Никиту Лямина. Они показывали хороший волейбол. До стабильности не хватает нескольких технических нюансов. Должен сказать, что работать с таким парнем, как Никита, для любого тренера большое удовольствие. К тому же прогресс в игре Лямина по сравнению с тем, когда он только начинал, заметен даже не для специалистов. И нет сомнений, что он будет ещё прибавлять. В одном могу вас заверить: на Континентальном кубке в Ставангере Лямин выступит в сильнейшем сочетании. Из-за микротравмы Барсука ребята не смогли вдвоём сыграть в Сочи. И Лямин выступал, можно сказать, с листа, после трёх тренировок с молодым Лешуковым. До европейского отбора в Норвегии у нас достаточно времени, чтобы, если понадобится, подобрать вчерашнему классику достойного партнёра и обыграть пару на некоторых турнирах.

– Но на Континентальном кубке страну, как и на Олимпиаде, будут представлять две пары. Причём, уже отобравшиеся на Игры дуэты в этих соревнованиях участвовать не смогут.

– У нас есть третья – молодёжная – команда Стояновский и Ярзуткин, которая готовилась к сезону со своим тренером – известным эстонским пляжником Риво Весиком. Они и будут той второй парой, которая сыграет на Континентальном кубке в Ставангере. Напомню, что в Норвегии будет разыграна одна олимпийская лицензия от Европы, а в родном Сочи – две. А выступят на нашем курорте опять-таки по две пары от каждого континента, занявшие на своих Континентальных кубках вторые и третьи места. Иными словами, попасть в финал в Сочи с учётом отсутствия сильнейших участников и ограниченного представительства от каждого континента будет гораздо проще. На это мы и рассчитываем. Мы надеемся выполнить задачу: в Рио должны сыграть две российские мужские пары.

– Приходилось слышать, в том числе и от вас, что Красильников хуже играет при искусственном освещении. А на Олимпиаде большинство матчей состоятся в вечернее время…

– Всё верно. Играть в Рио предстоит по вечерам. Только ни в коем случае не стоит оправдывать поражение в сочинском финале поздним началом матча. Тем не менее, мы тщательно разберём все причины этой неудачи, в том числе и искусственный свет. И примем все меры, чтобы в дальнейшем никакие ссылки на подобные помехи не были оправданием плохой игры.

– Забегая вперёд, предположим, что два российских дуэта отправятся в Южную Америку. Как будет строится завершающий этап подготовки непосредственно перед Играми?

– Если действительно всё сложится именно так, то на

тренировки непосредственно перед Рио у Красильникова с Семёновым будет 35–40 дней. Часть этого периода будет отдана функциональной подготовке. А что касается столь важных в этот период спаррингов, как это принято в пляжном волейболе, то у нас есть одно уже подтверждённое предложение от одной из сильнейших пар мира – американцев Дальхауссера/ Люцены и второе от двух сильнейших итальянских дуэтов, выступавших на сочинском песке. Выходит, есть из чего выбирать. В идеале, когда в подобных совместных сборах участвуют четыре разноплановые команды и по стилю игры, и по подбору игроков большую часть они тренируются, меняя друг друга, а в конце недели организуется мини-турнир по кругу. Причём, чаще всего не обращают внимания на жеребьёвку олимпийского турнира, хотя желательно, чтобы партнёры по подготовке не оказались с тобой в одной четвёрке на групповом этапе. Так что окончательное решение будет принято после официальной жеребьёвки олимпийского турнира, которая состоится 9 июля.

Выбор в пользу опыта

Сомнений не возникало, что за четыре заключительные олимпийские лицензии – по две у мужчин и женщин – соперничество на сочинском песке будет нешуточным. И пусть соревнования эти носили командный характер – Кубок мира всё-таки – личностного в них было больше.

Тут дело вот в чём. Отдельные страны из числа участников июльских стартов в Сочи уже делегировали на Игры по одному дуэту – Канада, Мексика, та же Россия. И теперь они боролись за максимальное представительство: среди 24 участников каждая страна могла быть представлена только двумя парами. Однако в состав команд в Сочи входили по два дуэта, на игры же мог отправиться только один.

Те же канадцы не стали долго раздумывать, и назначили матч между своими претендентами как раз накануне отъезда на Игры. Как поступили другие, сказать затрудняюсь. Да и какое это имело значение. Важно было, по мнению того же Барсука, самого опытного из всей российской честной компании, продемонстрировать свою лучшую игру. А кто в итоге поедет в Бразилию, если всё завершиться благополучно, решат тренеры.

С канадцами, самыми крутыми на турнире, чей общий – не олимпийский – рейтинг превышал даже показатели Семенова с Красильниковым, не говоря уже о других россиянах, доигрались до «золотого» сета. Тренеры решили отправить в бой молодёжных

олимпиоников – во-первых, они свою встречу в основном матче проиграли и теперь должны были исправлять положение. А во-вторых, для возрастного Барсука было бы сложно выдержать дополнительную нагрузку: в случае неудачи нашим предстояла ещё и четвертьфинальная встреча с мексиканцами.

Молодёжь испытание не выдержала – соперники доказали, что в сложной ситуации на солнцепёке опыт важнее азарта и игроцкой наглости.

И у женщин ситуацию в группе пришлось опять-таки разруливать в «золотом» сете. В пятёрке, в которой соперничали россиянки, оказались три примерно равные команды – Китая, Чехии и России. Наши девушки выиграли у чешек, но уступили китаянкам. А представительницы Азии в споре с командой Чехии победителя не выявили. В «золотой» партии соревновались сильнейшие дуэты двух стран, и девушки из Поднебесной во главе с бронзовым призёром Игр в Пекине Чэнь Сюйэ выиграли. Таким образом, новая встреча с китаянками нашим девчонкам не грозила: в случае победы над командой Украины, им предстояло выйти на песок против команды Австрии.

Параллельно с сочинским отбором в Гштааде проходила жеребьёвка олимпийского турнира. И Семёнову с Красильниковым выпало сыграть на Копакабане с вице-чемпионами мира голландцами Райндером Нуммердором и Кристианом Варенхорстом, поляками Гжегошем Фиялеком и Мариушем Пруделем, а также братьями Эстебаном и Марко Гримальт из Чили.

Первый женский квартет на Копакабане, возглавляемый лидерами олимпийского рейтинга Талитой и Лариссой из Бразилии составили польские девушки Кинга Колосинска и Моника Бжостек, американки Лорен Фендрик и Брук Сюит, а также победитель матча Россия – Австрия.

Ещё один российский мужской дуэт оказался в компании с экс-чемпионами мира из Голландии Александером Браувером и Робертом Меувзеном, поляками Пётром Лосяком и Бартошем Кантором и немцами Бёккерманом и Флюгтеном.

Не ясно было лишь одно, какой из дуэтов дополнит четвёрку – бельгийский или российский?

Когда женские команды России и Австрии не выявили победителя, было решено, что в решающей партии сыграют многолетние партнёрши – Екатерина Бирлова и Евгения Уколова, которые перед этим выступали порознь. При этом девчонкам было объявлено: выиграете – едете в Рио. И Бирлова с Уколовой не просто победители соперниц, а разделали их под орех с редким для пляжного волейбола счётом – 15:3.

А вот Лямину с Барсуком пришлось попотеть в прохладный черноморский вечер – бельгийцы оказались неуступчивыми. Но при счёте 12:12 в третьем сете вначале отличился Барсук, потом Лямин исполнил эйс, наконец, соперники ошиблись сами.

Главный итог Кубка мира – три российские пары получили право выступить на Играх в Рио – две мужские и женская. В Лондоне было наоборот.

О Рио, Рио! Беглый взгляд на олимпийский город

Эта фраза из замечательного романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев»: «Рио-де-Жанейро – хрустальная мечта моего детства: не касайтесь её своими лапами» – произнесённая Остапом Бендером в разговоре с Шурой Балагановым, запомнилась мне со школьных времён. И с той же поры этот бразильский город ассоциировался у меня всегда с белыми штанами.

«Полтора миллиона человек, и все поголовно в белых штанах». Это тоже остаповское. То бишь, ильфо-петровское. И это про Рио в воображениях славного героя классической советской дилогии любимых миллионами авторов.

Ни четверть века назад, когда впервые оказался в этом поражающем своей несуразицей городе, ни сегодня никаких белого цвета брюк или джинсов ни на жителях города, ни на приезжих, которых с каждым днём приближения главного события спортивного четырёхлетия становилось всё больше, если и видел, то крайне редко. И были это либо русские, либо русскоговорящие, знакомые с гениальной классикой.

А вообще-то дело вовсе не в одежде. Мало что напоминало, что буквально через какую-то неделю здесь должен начаться всесветский праздник олимпийского спорта.

Понимал, что самим главным действующим лицам этого форума сегодня не до прогулок вдоль океана или там ознакомительных экскурсий по самым интересным, в том числе и злачным местам большого города, растянувшегося на десятки километров вдоль Атлантического океана. А организаторы в спешном порядке заделывали прорехи, коих набралось великое множество.

Но казалось бы сам-то город должен смотреться как и подобает столице Игр в канун их открытия. Увы, в центре, неподалёку от одного из четырёх кластеров, где проходили основные события, названного точно также, как и знаменитый пляж – Копакабана, о приближении грандиозного события мало

что говорило: редкие билборды с олимпийской эмблемой. Да и то размер их совсем не соответствовал значимости мероприятия.

Ближе к основному месту действия – району под названием Барра, бывшей окраине Рио, где построена Олимпийская деревня и в полутора километрах от неё Олимпийский парк с рядом спортивных объектов и обиталищем для работы многочисленных коллег по цеху, ощущалась новизна, обычно сопутствующая новостройкам. Но опять-таки не было той яркости, которая отличала всегда традиционные бразильские карнавалы.

Наверное, тут много всего сыграло свою роль. Прежде всего, разумеется, неожиданность, с которой бразильцы получили Игры. И хотя победа южноамериканского города над испанской столицей Мадридом оказалась весьма значительной – Рио опередил в третьем раунде 66 голосами против 32, изначально фаворитом выборной гонки, которая завершалась 2 октября 2009 года на 121-й сессии МОК в Копенгагене, называли американский Чикаго. И приводили следующие аргументы.

Прежде всего, у американцев была очень симпатичная заявка. Она понравилась мне более остальных ещё на презентации в ходе одного из ежегодных конгрессов АИПС – Международной ассоциации спортивной прессы, кажется, в том же 2009-м.

Во вторых, на сессии ожидалось прибытие самого президента США, как раз уроженца Чикаго Барака Обамы. И вспоминали при этом приезд британского премьера Тони Блэра в Сингапур, после чего члены МОК отдали свои голоса Лондону, и российского президента Владимира Путина в Гватемалу, когда Сочи выиграл у своих конкурентов из Зеефельда и Пхёнчхана.

Я не был тогда в датской столице, как перед этим в Сингапуре и Гватемала-сити. Но очевидцы рассказывали, что на сей раз именно приезд первого американского лица и сыграл с его родным городом злую шутку: несколько сот бравых громил, охранявших президента США, не пропускали в зал для голосования даже членов МОК, которые, скорее всего в знак протеста, в первом же туре вычеркнули американский мегаполис из квартета, где четвёртым претендентом фигурировал Токио.

И вскоре после получения бразильским городом права провести Игры XXXI Олимпиады, как это часто случается в странах с нестабильной экономикой и политикой, начались проблемы: строительство основных объектов безбожно отставало от графика, несмотря на недремлющее око возвышающегося над городом памятника Христу Искупителю. А тут ещё произошла смена власти – Игры получал президент страны Луис Инасиу Лула да Силва, а вся подготовка, кроме завершающего этапа, проходила при Дилме Русеф, которая, в свою очередь, за

несколько месяцев до открытия Игр была временно отстранена от власти.

И чуть больше двух лет назад в МОК начались предварительные консультации о возможном переносе Олимпиады в другой город. В числе кандидатов называли Лондон, Глазго и даже Москву. Впрочем, дальше консультаций дело не двинулось. К тому же Оргкомитет Игр заработал с удвоенной энергией после завершения другого не менее грандиозного события, опять-таки проходившего в Бразилии, – чемпионата мира по футболу.

Я нисколько не сомневался в организаторских способностях Карлоса Нузмана, руководителя местного Оргкомитета, с которым знаком с конца девяностых годов прошлого века, когда он возглавлял Федерацию волейбола Бразилии и был избран вице-президентом ФИВБ. Сам работал в качестве куратора пресс-службы под его началом во время проходившего здесь чемпионата мира 1990 года по волейболу среди мужских команд. Бывший волейболист, игрок национальной сборной, выступавший на Играх 1964 года, добрался до самых больших высот в бразильском спорте, став главой вначале местного НОКа, а после выборов в Копенгагене ещё и Оргкомитета. И мой старый знакомый со своими помощниками сделали всё, чтобы не сорвать такое важное событие, как Олимпиада.

Накладок, правда, хватало. Так, шаттлы для прессы вроде бы отправлялись от ГПЦ по расписанию, но не выдерживали графика из-за пробок. Разменять иностранные купюры в пресс-центре на местные реалы тоже оказалось проблемой: сотрудники работающего в пресс-центре отделения банка с неподдельным интересом рассматривали, к примеру, такую ходовую во всём мире валюту, как швейцарский франк, ничего не слышали и о британских фунтах. Удивительно, не правда ли?

Благо, никто из наших спортсменов, обосновавшихся в Олимпийской деревне, поначалу не жаловался: им пока там всё нравилось…

По душе волейболистам пришёлся и арендованный для тренировок зал в «Американской школе Рио-де-Жанейро», что находился в том же районе Барра, что и Олимпийская деревня. Два места разделяли минут 15–20 езды на автобусе. До «Мараканазиньо», в котором и предстояло играть, приходилось добираться больше часа.

В общем, в преддверии официальных церемоний у команд, да и у нас, шла рутинная работа. Я, к примеру, в ожидании начала стартов проводил «рекогносцировку на местности». Пока, как вы уже поняли, ничего не впечатлило. Разве что когда, как принято,

нацепил на шею аккредитацию, знающий местные порядки доброхот посоветовал до поры запрятать её под тенниску: ему-то местные нравы известны. Да и мне тоже. Ещё с тех пор, как работал здесь 26 лет назад. Вот только с того времени, как показали дальнейшие события, ничего не изменилось. В лучшую сторону. Так что всех коллег, кому сие в диковинку, предупредил не бравировать своей аккредитацией. А заодно поснимать все украшения – кольца, перстни, цепочки. Если местные «специалисты» берутся за дело, не поможет никто, что и подтвердили дальнейшие события с ограблениями и избиениями спортсменов, журналистов, да кого угодно из приезжего люда, без разбора. Ждать помощи не приходилось даже от солдат с автоматами на изготовку, кои на каждом перекрёстке, во всяком случае в районе, где я проживал, – а это Копакабана, – бесцельно кучковались группами по трое-четверо.

Это мы ещё не ходили по улицам поздно вечером. Так что легко можно было предположить, что могло произойти во время Игр, когда начало отдельных матчей было запланировано на 23.59 местного времени (финалы в пляжном волейболе, например). Спасали разве что многочисленные, но совсем не дешёвые такси.

А поначалу, повторяю, в одном из олимпийских районов почти ничего не напоминало о стартующей через несколько дней Олимпиаде. Кроме огромного магазина олимпийских сувениров и сборно-разборного сооружения в виде «Колизея» на 15 тысяч зрителей с шикарным видом на Атлантический океан – пристанище волейболистов-пляжников, на котором затем приходилось часто бывать – россияне выступали так здорово, как никогда.

Вдоль Копакабаны под аккомпанемент Паоло Коэльо

«Воды Атлантики плещут на пляж/Дивная сказка – песочный мираж». Так писал поэт Юрий Непольский в своём незабываемом «Рио, Бразилия, Копакабана».

С уникальным фоторепортёром Машей Плотниковой, для которой Южная Америка, которую она исколесила вдоль и поперёк, всё равно, что дом родной, накануне открытия продефилировали по четырёхкилометровому «подиуму» вдоль пляжа Копакабана, о чём и хотелось бы рассказать.

Но прежде о замечательной хрупкой женщине, которую знал прежде по её работам, но познакомился только в Рио. И за короткие часы общения проникся невероятным уважением.

Нет, это, наверное, мягко сказано. Был просто-напросто потрясён её мужеством и самообладанием. Не говоря уже о фотографическом мастерстве, оцененном не только мной, но и не раз членами жюри на различных фотоконкурсах.

Это уникальный, влюблённый в свою профессию человечек, переживший такое, чего и врагу не пожелаешь. И пройдя через сумасшедшие испытания, оказывавшаяся не раз на грани жизни и смерти, прочувствовавшая невероятный холод пистолетного ствола у своего виска, Маша была готова к новым приключениям – теперь на олимпийском поприще.

Это про таких, как Маша, замечательный бразильский писатель Паоло Коэльо согласился с великим Аристотелем: «Чтобы жить полной жизнью, надо находиться в постоянном движении, и только тогда один день будет не похож на другой».

Русский дом в рыбацком клубе

У каждого города в мире есть своя примечательная черта, достопримечательность, если точнее. Эйфелева башня и Собор Парижской богоматери в Париже. Тауэрский мост и Биг Бэн в Лондоне. Статуя Свободы и Бродвей в Нью-Йорке. Московский Кремль и здание МГУ на Воробьёвых горах в родной российской столице. Зимний дворец и Петропавловская крепость в Питере. Статуя Христа Искупителя и Копакабана в Рио-де-Жанейро.

Вот мы и решили познакомить вас с визитной карточкой сегодняшней олимпийской столицы.

Вообще-то Копакабана – небольшая, всего-навсего четырёхкилометровая полоска песка вдоль Атлантического океана с одной стороны и набережная под названием Авенида Атлантика, с другой. Название этого района большого Рио-де-Жанейро пошло от наименования небольшой рыбацкой деревушки, находившейся на этом самом месте три века назад.

Цивилизация внедрилась в эти места в начале минувшего столетия, когда началось строительство набережной. А настоящая слава Копа-кабаны пошла с середины XX века, когда это место облюбовали представители богемы – писатели, артисты, художники, музыканты, причём, большей частью европейского происхождения. Но пройдёт ещё полвека, и это уникальное золотое пятнышко в мировом масштабе, словно магнитом, станет притягивать сюда сильных мира сего – политиков, бизнесменов, олигархов.

Что оставалось простым смертным? Любоваться окружающей красотой, вдыхать уникальный океанский воздух и радоваться

жизни под музыку замечательных рок-исполнителей – Элтона Джона, Мика Джаггера, Рода Сюарта, концерт которого, рассказывают, собрал здесь на песчаной арене-площадке два десятка лет назад аж 4 миллиона человек.

Иными словами, сегодняшняя Копакабана – вечный праздник. И в наши дни он как бы переживает второе рождение. Так что, оказавшись в солнечной атмосфере океанского прибоя, как-то, хоть на время, забываешь, чего стоило всем нам, но главным образом российским спортсменам-олимпийцам, оказаться здесь и стать реальными участниками вселенского торжества.

Именно с этой целью – почувствовать себя в своей привычной, домашней атмосфере, и был придуман, кстати, не впервые, но на сей раз оказавшийся нужнее, чем это было в Сочи, в Баку и в Казани, Дом болельщиков российской команды.

– Мы давно искали площадку в этом уникальном городе, но облюбовали именно это место в самом начале Копакабаны, – поделилась со мной Анастасия Григорьева, наш гид по, как оказалось позже, ставшему самым популярным заведению на побережье. – На трёх этажах этого симпатичного здания, которое на время Игр нам предоставил постоянно находящийся здесь элитный клуб рыбаков со своими эллингами, и на прилегающей к дому лужайке будут организованы десятки мероприятий для наших болельщиков, залетевших в столь далёкие края, гостей, представителей отечественных и зарубежных СМИ. Да просто для всех желающих. Здесь пройдут встречи с легендарными чемпионами прошлых лет, чествование победителей и призёров сегодняшних Игр.

– Помнится, в Сочи была представлена очень интересная экспозиция спортивных артефактов.

– Нечто подобное будет и сейчас. Так, двукратная олимпийская чемпионка по художественной гимнастике Евгения Канаева предоставила нам свои предметы, с которыми она добилась олимпийских побед – ленты, булавы, мячи. Но самый ценный экспонат – волейбольный мяч с финала лондонской Олимпиады с автографами наших ребят – олимпийских чемпионов.

Находясь на Копакабане, мы не сможем обойтись без концертной программы. Это было бы неправильно. Место здесь специфичное, настраивающее на музыкальный лад. Мы хотим создать клубную атмосферу, которая бы способствовала лучшему проведению досуга. Ну а те, кому не посчастливилось стать обладателями билетов на соревнования, смогут увидеть их на большом экране. А всё происходящее будут комментировать профессионалы в каждом виде спорта.

– Главное, – добавляет Анастасия, – что в Доме болельщиков все его посетители будут находиться в полной безопасности.

И опять вспомнились слова Паоло Коэльо: «Риск одного приключения дороже тысячи дней благополучия и комфорта». Смысл высказывания понятен – несмотря на то, что именно Копакабана и считалось одним из самых опасных мест, где в основном малолетние «генералы песчаных карьеров» (по местным законам до 14 лет юных преступников не привлекают к уголовной ответственности даже за убийство) творили свои чёрные делишки, не стоило ничего бояться.

Небезопасный променад

Мы с Машей прошли все эти четыре километра с определённой опаской – скорее даже, с оглядкой. И чурались любого контакта с незнакомцами. А таковых хватало. Больше всего хлопот доставляли приставучие трансвеститы, наряженные и накрашенные самым безобразным образом.

Останавливались временами, чтобы полюбоваться на симпатичных прохожих женского пола, правда, не в бикини – мы же шли не по песку, а по променаду. Между прочим, этот вариант купальника, по преданиям, был рождён опять-таки на Копакабане в 1948 году, когда три безымянные туристки неизвестно из какой страны прошлись здесь в раздельных купальниках.

Притормаживали у привлекающих песчаных скульптурных ваяний с олимпийской символикой, любуясь мастерством уникальных «зодчих». Кстати, бесплатно сфотографироваться у творений песчаных скульпторов не принято. Правда, и цена не сумасшедшая – всего 2 реала, чуть больше 40 рублей по-нашему.

Задержались у длиннющей очереди желающих запечатлеть себя на фоне пяти переплетённых олимпийских колец.

А ещё порадовались разнообразию олимпийских сувениров в специализированном магазине Рио-2016. Причём, цены, скажу я вам, оказались высокими, но заметно ниже, чем два года назад в таком же шоппинг-центре в Сочи: лично мной излюбленный памятный предмет, который привозил с каждой Олимпиады в последние годы, причём, полезный в домашнем хозяйстве – полотенце с эмблемой Игр, – стоило в пересчёте на рубли на Копакабане в два раза дешевле: дома я так и остался без вожделённого сочинского аксессуара – жалко было почти ста долларов за хоть и нужную, но совсем не обязательную вещь. Из Рио же полотенце привез. И ещё кое-что.

Кстати, зная, что наш незримый герой променада –

знаменитый бразильский писатель обитает здесь же, на Авенида Атлантика, в одном из красивейших (а не красивых здесь нет вообще) домов с видом на океан, поначалу пытался угадать, какой из них именно его. Но потом бросил эту глупую затею: в конце концов какая разница, из какого окна созерцает местная знаменитость потрясающий вид: «Кораблю в гавани не грозит опасность, но не затем он создан, чтобы стоять на якоре».

И на самом деле какой-то военный фрегат появился на короткое время неподалёку, но вскоре исчез из вида. А вообще-то военные корабли фланировали регулярно на рейде Рио во время всех Игр. Безопасность превыше всего…

Несостоявшаяся встреча

Когда добрались до главной олимпийской достопримечательности Копакабаны – стадиона для пляжного волейбола, обрадовался, увидев в расписании тренировок знакомые фамилии – Барсука и Лямина. Понадеялся, что хоть накоротке – для занятий на официальной арене нашим ребятам было отведено всего полчаса, – но смогу посмотреть тренировку, а заодно и пообщаться с игроками и их тренером Ниркой. Но в объявленное время корт, предназначенный для российской пары, пустовал. Скорее всего, наши решили пропустить слишком короткое занятие, намеченное не на основном песке. Между тем на центральной арене опробование «снарядов» продолжалось.

Кстати, чуть не забыл. По пути от Дома российских болельщиков до стадиона для бич-волея стали свидетелями установки трибун для прессы и телекомментаторов в районе финиша прочих олимпийских дисциплин, медали в которых будут разыгрываться на Копакабане, – триатлона, велошоссе и плавательного марафона.

Тем не менее, должен признаться, что вид с трибун «пляжки» на океан завораживал – глаз отрывать не хотелось. Прекрасно понимаю Коэльо, да и Юрия Непольского, вирши которого привёл в начале этого репортажа.

Ими же – строчками из того же стихотворения – хочу его и закончить.

«Моря богине приносят дары,
Море уносит их в тартарары.
Тонет бумажный кораблик в волне,
Значит Йеманжа поможет судьбе».

Ну а Йеманжа – для пущей ясности – африканская богиня моря, покровительница вод, в честь которой собравшиеся в новогоднюю ночь на Копакабане совершают соответствующий ритуал. Ох, как нужна была бы нашим ребятам в предстоящие две с лишним тяжелейших недели помощь богини Йеманжи.

Волейболисты с национальными флагами

Как сразу по приезду удивлялся, что в Рио-де-Жанейро мало что напоминает о приближении олимпийского праздника, так и спустя несколько дней вновь с тем уже успехом могу констатировать, что ничего существенно не изменилось. Разве что поприбавилось временных трибун вдоль набережной у пляжа Копакабана, где будут соревноваться триатлонисты, велосипедисты-шоссейники и мастера длинных заплывов, да появились кое-где (опять-таки не везде, где должны быть) зелёные фанерные объявления, напоминающие, что здесь должна быть остановка олимпийского транспорта с расписанием движения, которое никогда не соблюдалось.

На всякий случай подождал с пяток минут в надежде увидеть хотя бы один заявленный автобус – бесполезно. Наверное, надо было постоять ещё. Но вот сколько? Трафик в будний день днём здесь очень напоминал московский в центральной части города.

И хотя с 31 июля начала действовать выделенная олимпийская полоса, всё было более чем условно. Потому что нарисовать синюю линию на проезжей части – это одно, а соблюдать объявленные правила – совсем другое. Пока что-то не заметил, чтобы на достаточно узких улицах с односторонним движением и десятками маршрутных автобусов и многочисленных такси, не говоря уже о личном транспорте, специальная олимпийская дорожка пустовала: внимание на начертанную линию в сплошном потоке машин никто не обращал – едут себе, как ехали и позавчера, и неделю, и месяц назад.

На самой загруженной, но достаточно широкой трассе под названием Американский проспект, которая соединяет Олимпийский парк и олимпийскую деревню с другими кластерами, олимпийская полоса и в самом деле выручала – иначе бы спортсмены просто не могли добраться вовремя к местам тренировок, а через несколько дней к олимпийским объектам. Но и выделенная полоса не спасала: команды на самом деле не раз опаздывали ко времени стартов. Из-за чего начало тех же волейбольных матчей, а с ними и телетрансляций, не раз откладывалось.

Да, ещё на одно обстоятельство обратил внимание. Выше упоминал про группы вооружённых военных в касках и автоматах на улицах, Но в какой-то момент они исчезли. Казалось бы, с приближением соревнований должно быть наоборот. Ан нет. Вместо солдат на самых оживлённых перекрёстках появились полицейские с дубинками. Кое-где встречал одиночных вооружённых военных, но уже без касок – жара, похоже, давала о себе знать.

Попытался пообедать в пресс-центре, хотя коллеги предупреждали, что этого делать не следовало: во-первых, выбор небольшой, а во-вторых, цены зашкаливали. Уже не удивился, что во многих бразильских заведениях – не только в Рио – еду продают на вес. Точно, как четверть века назад. Набираешь себе на шведском столе в тарелку всё подряд, кассир ставит её на весы и объявляет цену. Так вот, за пару небольших рыбёшек с тушёными овощами и три малюсеньких кусочка арбуза (всё в одной тарелке, заметьте) отдал в переводе на рубли без малого две тысячи. Накануне, обедая по аналогичной системе в одном из подобных заведений в центре города, заплатил гораздо меньше.

Между тем, бразильцы решили выбрать своего знаменосца на церемонии открытия Олимпийских игр путём всенародного интернет-голосования на сайте Бразильского олимпийского комитета. Претендентов после опять-таки общественного обсуждения оказалось трое – это хорошо знакомый нам волейболист, причём, либеро национальной команды 40-летний Сержиньо, олимпийский чемпион Афин и серебряный призёр Игр в Пекине и Лондоне. Кроме него за право пронести национальный флаг спорили представитель парусного спорта, призёр Лондона-2012 Роберт Шайдт и победительница Панамериканских игр по современному пятиборью Яне Маркес.

Бразильцы предпочли Маркес. Хотя некоторые местные СМИ объявили, что флаг доверят самому титулованному спортсмену из объявленной тройки. Ко всем уже названным выше регалиям добавлю, что ветеран бразильского волейбола – двукратный чемпион мира, восьмикратный победитель Мировой лиги. А ещё, забегая вперёд, скажу, что Сержиньо был признан самым ценным игроком олимпийского турнира.

К тому же волейбол в Бразилии – второй по значимости из игровых видов спорта. Правда, Ари Граса, президент Международной федерации волейбола и к тому же бразилец, называет волейбол спортом номер один в своей стране. А на недоумённый и вполне естественный вопрос журналистов по сему поводу: «А как же футбол?» – отвечает следующее: «Футбол – это религия!»

Кстати, ещё после Олимпиады в Лондоне Сержиньо объявил, что завершает карьеру игрока сборной. Но год назад всё-таки вернулся в команду.

Вам это ничего не напомнило? А историю с выдающимся и уж точно не менее титулованным, чем Сержиньо Сергеем Тетюхиным? Который, если помните, тоже заявлял, что в сборную после победы в Лондоне не вернётся. А сегодня он – знаменосец российской команды.

Кстати, поговаривали, что во главе сборной США на церемонии открытия со звёздно-полосатым полотнищем пройдет ещё одна представительница волейбола. Только не классического, а пляжного – трёхкратная олимпийская чемпионка Керри Уолш.

Но в итоге из волейболистов с российским триколором прошёл во главе колонны россиян Тетюхин.

Ристалища на песке «Колизея»

Я уже рассказывал, что пляжный стадион на песке Копакабаны был сооружён в форме амфитеатра. И называли его «Колизей» на Копакабане. Не знаю уж только официальное оно или придуманное народом. Скорее всё-таки прозванное самими бразильцами, потому что в официальных данных этот 15-тысячный стадион фигурировал как «Арена Копакабана» Стадион не пустовал все дни соревнований – матчи проходили с утра и до глубокой ночи.

Разумеется, «Колизей» – сооружение временное, сварганенное из сборных конструкций. И на следующий день после завершения турнира, его сразу же начали разбирать.

Непростое испытание ожидало 48 пар на тяжёлом – глубоком, рыхлом песке. И если в первом туре сенсационных результатов не оказалось – соперники привыкали к песку и антуражу, то уже со второго посыпались неожиданности.

Ну кто бы мог подумать, что абсолютные лидеры мирового рейтинга да ещё и действующие чемпионы мира бразильцы Алисон и Бруно Шмидт проиграют заштатному австрийскому дуэту Клемесу Допплеру и Александеру Хорсту. Причём, с разгромным счётом– 11:21, 17:21. Да и второй местный дуэт Педро Сольберг и Эвандро уступил вначале канадцам Чейму Шальку и Бену Сакстону, а в следующем туре неожиданно возникшим в компании сильнейших кубинцам Никальдо Диасу и Серхилу Гонсалесу. А наши старые знакомые – победители сочинского «оупена» в мае итальянцы Николаи с Лупо (не случайно вновь их упоминаю, позже поймете почему)

опростоволосились в соперничестве с мексиканцами Виргеном/Онтиверосом. И подобных примером случилось предостаточно – олимпийский турнир соревнование особое.

Зато оба наших мужских дуэта мало того, что смотрелись здорово на фоне остальных, они и играли на загляденье, если не считать дебюта Лямина, который чересчур переволновался перед олимпийским стартом и не продемонстрировал всего своего умения, встречаясь с голландцами Браувером и Меувзеном.

Кстати, соперники у наших ребят были тёртые, экс-чемпионы мира, вторые в олимпийском рейтинге, стабильно выступающие в турнирах Мировой серии и занимающие там достойные места. Но и «оранжевые», как ни странно, заметно нервничали.

Обратил на это внимание не только я, но и главный тренер нашей мужской команды Нирка.

«Если бы Лямин сыграл так, как месяц назад на Кубке мира в Сочи, наша пара вполне могла выиграть», – заметил я. Нирка возразил: «Да если бы он показал сегодня хотя бы половину той игры, победили бы голландцев».

Разумеется, психологическая составляющая плюс невероятная ответственность олимпийских стартов играли существенную роль. Ничуть не меньшую, если не большую, чем техническая и тактическая сторона. Важно, что все следующие встречи наш второй дуэт провёл на достойном уровне и вышел в плей-офф. Первый же – Семёнов с Красильниковым вообще обыграл всех в группе.

Когда я беседовал с Ниркой, еще не было известно, с кем встретятся наши дуэты. Но сам факт, что сильнейшая российская пара выиграла, причём, более чем уверенно все три свои матча в группе, в том числе и последний – у вице-чемпионов мира голландцев Нуммердора и Варенхорста, говорил о том, что ребята находятся в неплохой форме.

– Как прошёл завершающий этап подготовки к Играм? – с этого вопроса началась наша беседа с Ниркой.

– Из-за того, что одна путёвка на Игры Семёновым и Красильниковым была завоёвана по олимпийскому рейтингу, то планы подготовки у двух команд разнились. Первой из них после турнира, проходившего в первую декаду июня в Гамбурге, был предоставлен двухнедельный перерыв в тренировках – не чистый отдых, а этакий реабилитационно-восстановительный период. Затем был сбор в Анапе, где мы больше занимались общефизической подготовкой, потом игры чемпионата страны в Сочи, недельный сбор в Испании, турнир в Клагенфурте и перелёт в Рио. Перед приездом в Бразилию нам просто необходимо было принять участие в серьёзном соревновании,

потому что из-за подготовительного периода мы вынуждены были пропустить три больших турнира в Европе в июне и начале июля.

– В Испанию мы отправились тремя нашими парами: кроме двух команд, которым предстояло выступать на Олимпиаде с нами ездил и молодой дуэт Стояновский и Ярзуткин, – продолжил рассказ Нирка. – Условия были идеальными для подготовки. В Испанию нас пригласили для совместных тренировок известные игроки Пабло Эррера и Адриан Гавира. В Лорке, что неподалёку от Аликанте, а это ещё и среднегорье, причём закрытая база, вокруг пустыня, то есть никаких развлечений – только работа, не было шикарной гостиницы, да она и не нужна. А в остальном всё было идеально – и питание, и тренажёрный зал, и жара, как по заказу, и глубокий вязкий песок, похожий на тот, что здесь, на Копа-кабане. К тому же немаловажно ещё, что мы тренировались в вечернее время при электрическом освещении. И здесь мы угадали, потому что в Рио нашим командам пришлось играть поздними вечерами по местному времени. Лямин с Барсуком провели в Лорке чуть меньше времени, потому что отобрались на Игры позднее, и им тоже надо было побыть пару дней дома. Но нечто похожее мы уже проходили перед Лондоном, куда наша команда пробилась в последний момент. Кстати, и перед той Олимпиадой мы опять-таки выступали в Клагенфурте.

– То есть, лондонский опыт пошёл вам на пользу?

– Однозначно. Не случайно говорят, что по-настоящему понимаешь, что происходит во время Олимпиады и как к этому адаптироваться, только со второго раза. Особенно соревновательный момент в большей степени, а даже не атмосфера вокруг.

– Итак, перед Рио вы вновь играли в австрийском Клагенфурте.

– Да, и нам не важен был как таковой результат, скорее игровая практика официального соревнования. Но мы заранее предполагали, что доигрывать до конца в Австрии не будем, потому что в Рио важно было прибыть не позже, чем за семь дней до старта. Это было проверено годами, ведь мы здесь бывали много раз.

– Тот факт, что вся пляжная команда живёт не в Олимпийской деревне, а в гостинице недалеко от стадиона, на котором проходят игры, – это хорошо или плохо?

– Это огромный плюс. И мы благодарны Всероссийской федерации волейбола, которая заранее позаботилась о нас и забронировала отель рядом с местом соревнований. К тому же мы здесь все вместе, даже разместили нас на одном этаже – тренеры,

игроки, врачи, массажисты, статистики. Такого в моей практике ещё не было.

– Чем нынешний олимпийский турнир отличается от того же лондонского?

– Отличие колоссальное. Прежде всего никогда прежде не было такой высочайшей конкуренции, как сейчас. Если перед предыдущими Играми, в том числе и в канун Лондона можно было без боязни ошибиться назвать будущую четвёрку, а уж восьмёрку сильнейших – процентов на 90, то сегодня это сделать невозможно. Потому что в мире в последние четыре года появилось много ровных команд высочайшего класса. Таковых порядка пятнадцати, и каждая готова выиграть турнир, а не просто обыграть топ-команду. Сегодня редко одна и та же пара за сезон выигрывает два соревнования «Большого шлема» – победители постоянно меняются. Самый яркий пример из последних. В Клагенфурте, про который я вам рассказывал, победили латыши Александр Самойлов с Янисом Смединынем. А здесь они заняли в группе последнее место и уехали домой… Подобная же история произошла с одной из сильнейших пар мира американцами Джакобом Гиббом и Кейси Паттерсоном, которые также покидают Рио.

– А бразильские пары занимают в группах вторые места. И это серебряные призёры предыдущей Олимпиады, чемпионы мира.

– Думаете это волнение, переживание? Да какое волнение может быть у такого супермастера, как бразилец Алисон, который вырос на этом песке! Всё дело в невероятной конкуренции.

– И теперь получается, что бразильцы могут попасть с нашими ребятами в первом же круге плей-офф?

– Любая из пяти команд, финишировавших вторыми в группе, – голландцев Нуммердора и Варехорста не берём: две бразильских пары, дуэты из Катара, Мексики и России. А тот факт, что сегодня наши ребята выиграли у Нуммердора и Варенхорста, игроков уникальных, один – из сильнейших защитников мира, другому на блоке равных нет. Варенхорст ростом с Семёнова, но превосходит его по мощи, и играть с ними очень непросто. Что вытворял Нуммердор во втором сете – уму непостижимо. Но сегодня мы смогли превзойти этих феноменов командной игрой, именно командной. Верю, что с такой игрой наши ребята готовы на равных соперничать с кем угодно.

Что нам ветер, что нам зной, что нам дождик проливной

Ближе к завершению олимпийских соревнований волейболистов на песке погода категорически испортилась, причём, менялась по несколько раз на день: то нещадно палило бразильское солнце, то задувал шквалистый ветер, а то начинался проливной дождь.

Впрочем, организаторов это волновало мало: к этому моменту единственная оставшаяся в сетке бразильская пара – чемпионы мира Алисон/ Бруно Шмидт уже успела завоевать место в полуфинале, обыграв грозных американцев Дальхауссера/ Луцену. А как при такой непогоде играть между собой двум голландским дуэтам – экс-чемпионам мира Брауверу и Меувзену с вице-чемпионами мира Нуммердором и Варенхорстом, которых турнирная сетка свела на этой стадии турнира, уже никого не волновало.

Между тем, до следующих четвертьфинальных матчей с участием двух российских пар, первый из которых был назначен на 23.00, а второй на 23.59, оставалось ещё два часа. Благо голландцы успели завершить свои «домашние» разборки ещё до ливня и Браувер/Меувзен испытали трудности только в первом сете, и за 45 минут закончили спор в свою пользу.

Итак, одна пара полуфиналистов определилась. Теперь должны были выйти на мокрый корт россияне.

Наверное, появление двух отечественных дуэтов на столь высокой стадии турнира может кому-то показаться случайностью. На самом деле, это результат продолжительной и кропотливой работы Совета по пляжному волейболу Всероссийской федерации волейбола, игроков, тренеров и всех тех, кто продвигает в жизнь очень зрелищный, но, к сожалению, пока не столь популярный в северной стране вид волейбола.

Не стану вдаваться в подробности происходившего в ночь с понедельника 15-го на вторник 16-е августа на «Арене Копакабана». Замечу только, что итальянцы Николаи и Лупо хорошо известны и в мире бич-волея, и в России. И я писал неоднократно про этих ребят, которые выступают вместе с 2011 года и являются, между прочим, двукратными чемпионами Европы.

Лямин с Барсуком встречались с итальянцами до Рио всего раз – по весне 2016-го на турнире в Фучжоу и выиграли в двух партиях – 25:23 и 21:12 за 49 минут.

На сей раз встреча продолжалась дольше – 53 минуты и состояла она уже из трёх партий. Итальянцы взяли реванш за весеннюю осечку -21:18, 20:22, 15:11.

В первой партии после счёта 6:6 соперники смогли выдать неплохую серию, заработать несколько брейковых очков и

оторваться от наших волейболистов. Пришлось приложить немало усилий, чтобы ближе к концу сета всё-таки догнать лидеров – 17:17, но дальше россияне продвинуться не смогли.

Во второй всё произошло с точностью до наоборот: в роли догоняющих выступал итальянский дуэт. И в отличие от россиян соперники не раз выравнивали ситуацию, но концовка осталась за Ляминым с Барсуком.

В третьем отрезке соперники солировали по очереди – в дебюте партии забивал Лупо, а в конце Николаи.

Обидно за наших ребят – они смотрелись ничуть не хуже первой итальянской пары. Но опыт в конце концов сказался: Николаи выступает с Лупо уже пять лет, а Барсук с Ляминым, если учитывать пропущенный из-за травмы блокирующего минувший сезон, чуть больше года. И сам факт, что ребята за столь короткое время совместных игр и тренировок добрались до олимпийского четвертьфинала, – огромное достижение.

Другое дело Семёнов с Красильниковым, которые считаются – и по делу – нашей лучшей парой. Разумеется, от них мы вправе были ожидать достойного выступления на Играх. И пока этот дуэт смотрелся и впрямь очень, я бы сказал, «по-взрослому». И сегодня не сплоховал, хотя соперник им достался на удивление сильный.

Кубинский дуэт – абсолютные «тёмные лошадки» в самом прямом смысле этого словосочетания. Диас и Гонсалес попали на Олимпиаду, выиграв Континентальный кубок Североамериканской конфедерации волейбола в июне этого года в Мексике. Эти молодые высокие ребята – Диасу 22 года, его партнёру чуть больше – 26. Они выступают вместе с 2014 года, но играют исключительно в своём континентальном туре, не имея финансовых возможностей отправиться в более дальние поездки на Мировой тур. Год назад, правда, они выступили на чемпионате мира в Голландии, одержали две победы в группе, но в 1/8 финала проиграли будущим бронзовым призёрам турнира бразильцам Педро Сольбергу и Эвандро.

Зато в Рио кубинские «выскочки» в первом же матче взяли у хозяев Олимпиады убедительный реванш, переиграв их в трёх сетах. А потом отправили домой известных латышей Самойлова со Смединынем.

В итоге россияне выиграли и пробились в полуфинал. Но какой ценой! У ребят даже не осталось сил отвечать на вопросы. Да встреча завершилась уже во втором часу ночи. А продолжалась она целый час с хвостиком, что в принципе редкость для современного бич-волея. Хотя казалось, что спор пусть и с цепкими, грамотными и блестяще ориентировавшимися в ситуации кубинцами завершится в два приёма: после блестяще

исполненного блока Семёнова в концовке второй партии на табло загорелись приятные для нас цифры – 19:16. И тут кубинцам удалось набрать четыре очка подряд. Позже Красильников объяснил случившееся тем, что его партнёр на какое-то время потерял ориентировку: луч прожектора ослепил Семёнова. Тем не менее, ребятам удалось заработать даже один матчбол, но партию всё равно выиграли кубинцы – 24:22.

Когда в третьей партии счёт стал 9:12, а потом 10:13, мне показалось, что вряд ли что уже возможно изменить. Но чего стоило нашим собраться и выдать такую же серию из четырёх очков. Соперники смогли отыграться с матчбола, причём трижды. 18:16 с таким счётом завершилась эта партия и 2:1 встреча в целом.

– Мы не знали этих кубинцев до сегодняшнего дня. Ребята оказались непростыми. Мы разобрали их игры здесь, в Рио, и на прошлогоднем чемпионате мира в Голландии, – поделился с журналистами Красильников. – Они очень здорово были готовы – физически и эмоционально. Вообще мы должны были побеждать в двух партиях. Но напарник «поймал свет» и на какое-то время выбыл из игры. Кстати, я тоже испытываю дискомфорт, когда играешь при искусственном освещении. С того момента, как впервые в Сан-Паулу пришлось по вечерам играть. Года три назад это было. Мы знали, что нечто похожее будет и в Рио, и проводили тренировки по вечерам с освещением. Так что сейчас привык.

– Силы ещё есть? – поинтересовался у Кости Семёнова.

– Физических много. А все эмоции остались на песке – выхолощен полностью.

– В полуфинале вам предстоит играть против итальянцев, победивших вторую российскую пару.

– Мы хорошо знаем друг друга, как правило, наши встречи продолжаются в три партии. Не думаю, что полуфинал станет тяжелее матча против кубинцев. Но ничего мы сдюжим.

Развяжите глаза Фемиде

Вот ведь как бывает. Прямо как в известном русском фразеологизме: из грязи – в князи. Нет, это я не про наших. Лучшая российская пара в пляжном волейболе чеканным шагом (если подобное возможно на песке) прошествовала сквозь весь олимпийский турнир и добралась до предпоследней его стадии – полуфинала без малейших остановок. Отменное достижение, которое можно только приветствовать и порадоваться за ребят.

Это я вспомнил про их соперников по полуфиналу. Они – действительно что «лузеры», то бишь, неудачники, и уж точно «лаки» – счастливчики.

Известные итальянцы Николаи и Лупо в своей группе оказались третьими, проиграв два матча мексиканскому дуэту Онтиверосу/Виргену, а ещё американцам Дальхауссеру/Луцене. И оказались в компании таких же везунчиков, которым дали возможность попытаться сохранить место в турнире, устроив дополнительный междусобойчик среди им подобных неудачников.

И тут этим итальянцам в очередной раз посчастливилось – за право продолжать борьбу за олимпийские медали Николаи с Лупо вначале разобрались с поляками Кантором и Лосяком. А потом была встреча с земляками Алексом Раньери и Адрианом Карамбулой, которые им знакомы лучше, чем кто бы то ни было. Победа вывела итальянцев в четвертьфинал на Лямина с Барсуком.

Представляете, как нам всем хотелось присутствовать на полуфинальном матче с участием двух российских команд? Но, как говаривал замечательный Бернард Шоу: «Не доверяй своим мечтам, они могут сбыться». И могли ведь наши парни обыграть итальянцев, тем более, что делали это и раньше. Но допуская, не побоюсь этого слова, просто-таки детские ошибки, они лишили в большей степени себя возможности побороться за награды и в меньшей степени нас радости увидеть их вновь на песке Копакабаны. Не сбылись мечты, увы, о чём можно только пожалеть.

Кстати, где сейчас победители этих итальянцев из Мексики и США? Правильно, в лучшем случае созерцают происходящее на арене с трибун, если уже не отправились по домам. Николаи и Лупо оказались дальновиднее что ли, выбрав окольные пути к вершине? Но я больше склонен считать, что это случайность. Бывает же такое.

То, что не смогли сделать Лямин с Барсуком, должны – нет, просто обязаны были исправить Семёнов с Красильниковым.

Хотя статистика говорила о полном равенстве соперников. В различных соревнованиях они играли между собой шесть раз и разошлись с миром. Однако их последняя встреча, напомню, проходила в Сочи в финале турнира «оупен». И итальянцы выиграли в двух партиях, хотя за три дня до этого на групповом этапе того же самого турнира на корте спорткомплекса Sport Inn переиграли соперников.

Важнее другое: Семёнов с Красильниковым обыгрывали своих сегодняшних конкурентов на турнирах более значимых, чем

«оупены». На том же прошлогоднем чемпионате мира, например, в раунде 24. Или в полуфинале московского «Большого шлема» в июне 2014-го.

С первых же матчей в Рио нашей главной пары обратил внимание, что Костя Семёнов смотрится как-то по другому. Не во внешнем виде дело – в самой игре, в отдаче, отношениях с партнёром. Поинтересовался у Нирки, так ли это, и услышал любопытное признание:

– Нет. Он не другой, он такой же. Костя очень эмоциональный и импульсивный парень. В пляжном волейбол чрезмерный выход эмоций иногда помогает, но гораздо чаще вредит. Он просто не всегда справляется с этими эмоциями, он ест себя поедом, и это выражается в жестах, поступках, в том числе в спорах с судьями, оказывает давление на партнёра. Но это следствие невероятного психологического напряжения, на которое разные люди реагируют по-разному. Но, что удивительно, на самых знаковых турнирах – чемпионатах мира и Олимпиадах подобное состояние Семёнова неожиданно исчезает. Не могу объяснить это неожиданное превращение. Потому что перед нами предстает совсем другой – подлинно командный игрок, каковым и должен быть спортсмен, если команда состоит всего из двух участников.

Именно таким он был накануне в сложнейшем матче против уникального и мало кому известного кубинского дуэта, именно такого Семёнова мне хотелось увидеть и в полуфинале с хорошо знакомыми итальянцами. Ведь в том же проигранном нашими ребятами матче в мае в Сочи, лидер российского дуэта выглядел другим. В Рио он был гораздо больше нацелен на результат, как, впрочем, и его партнёр Красильников, внешне менее эмоциональный, но переживающий всё в себе, как истинный интраверт. Они внутренне очень похожи, а посему составляют почти идеальную пару. И именно сей факт подтверждал идею, что им суждено было сыграть в главном олимпийском матче. Если бы…

Не люблю, вообще стараюсь избегать любого обвинения судей в необъективности, приведшей к случившейся неудаче. Но на сей раз судейские просчёты, причём, в решающей, укороченной третьей партии – намеренные, а не случайные, потому что дважды подтверждённые видеопросмотрами, но по только им известным причинам не утверждённые судейской бригадой: те принимали решения по своему усмотрению. Ну и к чему все эти «челленджы»? Сам собой напрашивается вопрос. Так что отобранные два по правилам выигранных очка у российского дуэта просто необъяснимы непосвящённым. Специалисты же легко разобрались в происходящем: судьи «работали» в одну

сторону. И вместо «+4», поскольку к этому моменту в укороченной партии наши уже вели два очка, случилось необъективное равенство, которое и привело к непредсказуемому для зрителей, но совершенно очевидному итогу. Не в нашу пользу.

Смутило другое: на принципиальный полуфинальный матч были назначены два бразильских арбитра. А первый финалист – бразильская же пара – стали известны несколькими часами ранее. Иными словами, у организаторов была возможность произвести переназначение. Как это делается при цивилизованной организации соревнований. Ничего подобного сделано не было: нисколько не сомневаюсь, что в данном случае именно игроки хозяев, выигравшие затем чемпионское звание, продиктовали свои пожелания: с какой из пар из другого полуфинала им предпочтительнее сыграть в золотом матче. Именно в этом следует искать причины совершенно необъяснимых судейских решений не в пользу российского дуэта: Алисон и Бруно Шмидт в последнее время проигрывали Семёнову с Красильниковым, а итальянцев чаще побеждали легко. Что и произошло в решающем золотом матче.

Ветер с Атлантики им в паруса

Не знаю как Костя Семёнов и Слава Красильников, а я долго не мог отойти от несправедливого по всеобщему мнению исхода полуфинального матча наших ребят с итальянской парой. Просто ещё и потому, что справедливость ставлю во главе всего, а любую необъективность, не говоря уже о чём-то более ужасном, например, предательстве, отметаю напрочь и немедленно прекращаю любые отношения с подобное совершившим. Причём, в этом плане абсолютно согласен с признанным гением моды Карлом Лагерфельдом, что «надо поступать так, как будто вчера не было, а есть только сегодня и завтра». Только вот предательская мыслишка о вчера случившемся нет-нет, да вновь напоминала о себе.

А вот спортсменам просто необходимо как можно быстрее забыть о плохом и готовиться к новым испытаниям. В нашем конкретном случае гораздо более сложным. Потому что голландская пара Браувер/Меувзен, чемпионы мира 2013 года, с которой предстояло нашим ребятам бороться за олимпийскую бронзу, не просто более титулованная, но и гораздо опытнее прочих, в том числе и Семёнова с Красильниковым.

Кстати, на первый день олимпийского турнира по пляжному

волейболу в рейтинге ФИВБ голландцы занимали 9-е место, опережая даже бразильский дуэт Алисон/Бруно Шмидт, который в итоге и выиграл олимпийское золото. А бразильцы занимали следующую строчку. Так вот Браувер с Меувзеном проиграли здесь, на песке Копакабаны за день до этого в полуфинале. Причем, совсем чуть-чуть – 14:16 в укороченной партии. Может, и там «чётко» сработали арбитры? Не исключаю. В противном случае, в «своём» виде спорта – пляжном волейболе – не оставалось бы ни одного местного дуэта: женские команды выбыли раньше, до решающей стадии турнира.

Кстати, наша лучшая пара в упомянутой выше классификации значилась 21-й, а итальянцы Николаи с Лупо находились ступенькой ниже.

Предвижу возражения: ну и что даёт этот самый рейтинг, что толку в этой расстановке мест по набранным на турнирах 2015/2016 годов очкам, если его лидеры, занимавшие перед Рио-2016 первую строчку – латыши Самойлов/Смединын, а также восьмые по счёту американцы Гибб/Паттерсон, то есть выше тех, кто сегодня боролся за медали, не прошли в Рио даже групповой турнир.

Но и ответ на сей счёт у меня был готов. Он прост: это Олимпиада, соревнование ни на какое другое не похожее, в ходе которого происходят любые неожиданности.

Семёнов и Красильников встречались с сегодняшними голландцами пять раз. В первый – давно это было – ещё в 2013 году в четвертьфинале турнира «Большого шлема» в Берлине наши выиграли за 50 минут в трёх партиях – 16:21, 21:19, 15:12. А в четырёх следующих матчах уступили, в том числе и в недавнем июне в полуфинале турнира в Гамбурге – 18:21, 16:21 всего за 34 минуты.

На нынешнем турнире Браувер и Меувзен «жеребились» вторыми, россияне получили 8-й номер посева. То есть, всё говорило не в пользу нашего дуэта. И встали голландцы в пару раньше – они вместе с 2011 года, Семёнов с Красильниковым составили дуэт после Олимпийских игр в Лондоне, в 2013-м.

И в активе волейболистов страны тюльпанов участие в 13 «Финалах четырёх» на турнирах Мирового тура при двух победах, пяти серебряных наградах и трёх бронзовых. У Красильникова этот показатель такой: из 9 попаданий в четвёрку на соревнованиях Мирового тура у него одна победа, три вторых места и два третьих. Семёнов, поскольку начал выступать в Мировом туре раньше, оказывался в четвёрке 10 раз и выиграл на одно золото больше партнёра.

Но, повторяю, это олимпийский турнир, и здесь всё иначе,

чем на обычных соревнованиях Мирового тура. Даже время начала решающих матчей странное – без минуты в полночь, не говоря уже о прочих церемониальных мероприятиях. Ничего подобного, ни на каких соревнованиях, в том числе и по бич-волею, прежде наблюдать не приходилось.

Перед самым матчем пошел небольшой дождичек, прибил песок, он стал твёрже, и это было на руку нашим соперникам – они и смотрелись этакими культуристами-силовиками, и по игре были заметно мощнее нашей пары.

Испортившаяся к вечеру погода (уже не в первый раз) испугала многих зрителей. И обычно переполненная на всех матчах арена на сей раз зияла пустотами. И ещё ряд наблюдений. В первой партии в какой-то момент соперники россиян почувствовали неладное и взяли собственный тайм-аут при 15:15. Признаться, даже не припомню, чтобы команда брала перерыв, проиграв всего-то очко. Обычно это происходит, когда сопернику удаётся исполнить серию и выиграть подряд несколько мячей.

И те самые -17:15, когда россияне впервые вышли вперёд, случились как раз после взятого голландцами перерыва. К тому же затем последовали две ошибки на подаче, и ситуация стала для конкурентов критической – 20:18. И в этой ситуации, когда одним ударом можно было решить исход сета, сказался опыт соперников. Вначале Меувзен просто скинул в сторону от рук Семёнова мяч, а потом накрыл атаку нашего нападающего блоком. И преимущества как не бывало. Следом Красильников и Браувер обменялись ошибками при вводе мяча в игру. Но голландцы выиграли вначале доигровку, а следом брейковый мяч принёс им победу в партии. 23:21.

На протяжении всего второго сета голландцы были впереди. Их преимущество временами достигало четырёх очков. Однако ближе к концу россияне усилили подачу и заработал на полную семёновский блок. Вот так бы с самого начала, глядишь, и не пришлось бы так много отыгрывать. А так 20:22 – и шанс заработать медаль был упущен.

Тренерская установка выполнена не была. Об этом мне сразу после финального свистка засвидетельствовал Нирка. От волейболистов требовалось прежде всего подавать сложную подачу, что, кстати, оба игрока умеют. И после нескольких подобных вводов мяча в игру Семёновым в первом сете, и исполнение Красильниковым этого же приёма, который заметно затруднил жизнь соперникам, в концовке второй партии, были лучшим тому подтверждением.

А потом делился своими мыслями с журналистами президент ВФВ Станислав Шевченко. С одной стороны, он остался

неудовлетворён тем, что наши пляжники не завоевали медалей. С другой, оценил, что такого яркого выступления от них никто не ожидал, и сам факт, что все наши пары дошли да стадии четвертьфинала, а Семёнов с Красильниковым боролись за награды, от которых их отделял, по меткому выражению руководителя отечественного волейбола «один съём», можно ребятам выставить четвёрку.

– Мы сыграли очень грязно во многих элементах, – признался после проигранного матча за бронзу Семёнов. – А соперники действовали чище и увереннее и больше заслужили эту медаль. Понятно, что после подобных неприятных концовок наступает настоящая спортивная злость, и тебе наверняка захочется доказать, что на самом деле ты сильнее. Сделаем выводы из последних неудач и будем продолжать работать над ошибками. Обидно, что проигрыш в полуфинале лишил нас возможности действовать в следующем матче раскованно, не задумываясь о награде – она финалистам в любом случае вручается.

Я до этого ни слова не сказал про Бирлову с Уколовой. А наши девчонки также выступили достойно. Что уж там случилось в четвертьфинальном матче, не скажу, не видел. Но до этого, кроме проигранной без серьёзного сопротивления первой встречи в группе с лучшей бразильской парой Талита/Ларисса, россиянки достойно сыграли, несмотря на неудачу, с польским дуэтом Колосинска/Бржостек. Наконец, обыграли в трёх сетах американок Фендрик/Сюит, что позволило попытать счастья через так называемых «лаки лузеров» оказаться в основной сетке. И наши девушки выдержали серьёзное испытание.

Вначале был обыгран чешский дуэт Маркета Слукова/Барбара Херманова, затем одна из сильнейших в мире пара испанок Эльса/Лилиана. Только в четвертьфинале обидно уступили второй бразильской паре Агата/Барбара, хотя уверенно вели в первом сете 19:13…

Великий римский философ Сенека некогда изрёк: «Если корабль не знает, к какой пристани он плывёт, для него ни один ветер не будет попутным». Так вот после турнира на Копакабане я убедился, что курс нашего пляжного корабля абсолютно правильный. И нужно лишь пожелать ему попутного ветра.

Стратегические проколы

В книге про праздник не принято, да и нет смысла писать о плохом, тем более говорить о проблемах, объяснять и даже оправдываться, почему этот праздник был сорван. И уж тем более

выискивать правых и виноватых. Я не собираюсь этого делать. И всё-таки, рассказывая об Олимпиаде в Рио-де-Жанейро, не вправе обойти стороной неожиданно (или ожидаемо?) слабое выступление представителей классического волейбола.

В третий раз подряд на Олимпийских играх для женской команды России четвертьфинальный барьер оказался непреодолимым препятствием. В Пекине сборная Джованни Капрары безоговорочно уступила хозяйкам – 0:3. В Лондоне подопечные Сергея Овчинникова до последнего бились со сборной Бразилии и имели несколько матчболов в пятом сете. Так что могли завершить встречу (не исключаю, что и весь турнир) в свою пользу. В Рио Юрий Маричев и Ко получили настоящую оплеуху от блестяще проведшей весь турнир сборной Сербии.

Могло ли случиться иначе? Разве что четыре года назад в британской столице. Сейчас же в Рио шансов прорваться в четвёрку было изначально мало. Потому что в отличие от соперниц, которые на протяжении всего четырёхлетия двигались вперёд, видя перед собой совершенно ясную и определённую цель, россиянки метались из одной крайности в другую. С приходом в команду в 2013 году Юрия Маричева, который до этого работал исключительно с мужскими командами, и победным чемпионатом Европы, в ходе которого команда демонстрировала совсем иной, не похожий на чисто женский – быстрый «съём», атаки первым темпом через центр, хорошо наигранные комбинации, в том числе и «пайп» – волейбол, грех было не порадоваться и за команду, и за тренера.

Но этим взлётом всё и закончилось. И даже выигрыш в прошлом году очередной Европы, и победа в январе уже этого года на континентальном олимпийском отборе особых эмоций не вызывали. После чемпионата мира 2014 и Кубка мира 2015 сборная совсем не напоминала ту, которая добыла европейское золото в Берлине после весьма продолжительного перерыва. Иногда казалось, что в этих соревнованиях выступали совершенно разные и по манере игры, и по задачам, которые решались, и, что гораздо важнее, по настроению игроки команды. Одни сражались, стремились прыгнуть выше головы, другие просто отбывали номер на площадке. И всё время витал в воздухе вопрос: сыграют или нет за сборную Екатерина Гамова и Любовь Соколова. Скажу больше, главный тренер даже в Рио сокрушался: «Вот у Алекно есть Тетюхин, а мне так не хватает Соколовой».

Полагаю, что в «Мараканазиньо», при всём моём к ней уважении, Соколова не помогла бы. Разве что не допустила бы кошмара в 9:25 с сербками. Которых наши девушки обыгрывали –

и не раз – в последние годы. Опять-таки этот довод, что когда-то мы побеждали команду Зорана Терзича, не принимается.

Часто в таких случаях для объяснения произошедшего используют заштампованную фразу: «А ларчик просто открывался». Не стану исключением.

Кто играл в финальном матче олимпийского турнира в Рио? Сборные Китая и Сербии.

Кто заработал олимпийские лицензии на прошлогоднем Кубке мира в Японии: Сборные Китая и Сербии.

Кто проигнорировал финальные соревнования Мирового Гран-при текущего года в Бангкоке в самый канун олимпийских соревнований в Рио? Китаянки вообще прислали на эти соревнования второй состав, готовые понести любое финансовое наказание со стороны ФИВБ. Как по-вашему, что лучше: заплатить денежный штраф или выиграть олимпийское золото?

А сборная Сербии и не стремилась выступить в Таиланде. Равно, как и в прошлом году на таком же финальном турнире в американской Омахе.

Вывод напрашивается сам собой: у двух лучших на сегодня женских сборных мира была разработана чёткая стратегия подготовки к главному турниру четырёхлетия – Олимпийским играм. Тогда как россиянки довольствовались сиюминутными успехами на протяжении всего периода. Да тем же сербкам совсем не нужен был чемпионат Европы-2015, проходивший после Кубка мира, на котором они уже заработали олимпийскую лицензию.

Не стану вдаваться во внутренние проблемы российских сборных, как женской, так и мужской, – не книжное это дело. Скажу лишь, что и у мужчин, выступивших чуть лучше, опять-таки вся проблема заключалась в стратегических просчётах. Что и показали прошедшие после лондонской победы четыре года.

Вместо того, чтобы незамедлительно начать перестройку команды, то есть то, что сделало большинство сборных, новое руководство команды, собрав состав из большинства кандидатов, не попавших в золотую лондонскую дюжину, выиграло в очередной раз Мировую лигу, причём, в Бразилии, и чемпионат Европы, чего не получалось в течение 22 предыдущих лет.

А затем что-либо менять уже было поздно. И всё пошло по нисходящей – неудача на чемпионате мира-2014, а уж на Мировой лиге-2015 случился обвал покруче женского 9:25 в олимпийском четвертьфинале с сербками.

«Команда спасателей» во главе с Алекно не сразу, но смогла решить вопрос с выступлением на Олимпиаде. Но до пьедестала так и не дотянулась…

Итак, волейболисты уехали из Рио ни с чем. А на медали, повторюсь, рассчитывали и на песке, и в зале. Причём, пляжники, мне представляется, провели весь турнир просто блестяще. Им и продолжать в том же духе. Тогда в Токио всё получиться.

В классическом же волейболе, чтобы достойно представлять страну в Токио, нужна немедленная перестройка. Если в женской команде довольно много молодёжи, то её надо наигрывать. Вот только выбор здесь, в отличие от мужчин, не велик. Значит, надо опираться на совсем юных 16–17-летних, среди которых, по мнению специалистов, есть талантливые девочки. Глядишь, – к Токио и у нас появится своя 19-летняя Тияна Бошкович, безусловно лучшая в сербской команде, несмотря на возраст.

Мужская сборная требует почти полной смены основного состава. Перестройка не коснётся разве только молодёжи – Егора Клюки, Дмитрия Волкова и Артёма Вольвича, который на этом турнире доказал, что созрел, чтобы его причисляли к плеяде ведущих центральных и даже вошёл в символическую сборную олимпийского турнира. А ведь Артём был одним из немногих, во всяком случае, единственный из молодых, кто провёл в сборной весь олимпийский цикл. Результат – налицо.

Причём, затягивать с перестройкой нельзя, пусть даже в ущерб каким-то победам в первые годы нового олимпийского цикла… Иначе нам в Токио вновь медалей не видать.

Что ж, почитаемая в Бразилии африканская богиня Йеманжа не помогла нашим волейболистам. Понадеемся на Дайкоку-тэна, одного из семи японских богов счастья, бога богатства и удачи, которой нам так не хватало в Рио-де-Жанейро.

II. Всегда оставаться человеком

И великий, и герой

В одном из журнальных интервью известной актрисы Аллы Демидовой прочитал весьма любопытное высказывание: «В отношении современных актеров слово «великий» нельзя употреблять, величие проверяется временем. Кто оставляет память после себя, кто создает легенду, матрицу, миф, фантом после себя, – тот великий». Наверное, про лицедеев – мастеров сцены, арены или экрана это верно подмечено. Но применительно к людям спорта выведенная замечательной актрисой формула не годится совершенно. И дело в том, что современные актеры зачастую живут долго и продолжают сниматься и выходить на сцену пока позволяет здоровье. Самый замечательный пример – Владимир Зельдин.

Увы, век даже выдающегося спортсмена может оборваться внезапно: тяжелая травма или болезнь – и ты уже вне активной жизни, без внимания СМИ, прозябаешь в забытьи. Вспомните хотя бы судьбу чемпионки мира по гимнастике Елены Мухиной. Но даже если спортивную карьеру не прервут непредвиденные обстоятельства, то все равно продолжительность ее ограничена.

Так что, полагаю, для определения степени величия того или иного атлета, имя которого на слуху, вовсе не обязательно дожидаться его старения и ухода из жизни. Разве нельзя эпитет «великая» использовать, говоря о Ларисе Латыниной, к примеру, или определить этим прилагательным Александра Карелина? Да конечно же можно, даже нужно. Потому что они – и еще немало других уникальных спортсменов бывших и нынешних – олицетворяют всей своей жизнью то, к чему призывал президент России на одной из встреч со спортсменами: «…Нужно делать

героев… Нужно, чтобы это были яркие, интересные люди, чтобы они были примером, которому хочется подражать».

Сергей Тетюхин из их числа. И он безо всякого сомнения достоин называться и героем, и великим. Потому что уже вписал свое имя в олимпийскую историю, наряду с Латыниной и Карелиным. Потому что он – единственный в мире волейболист, участвовавший в шести Олимпийских играх, единственный обладатель четырех олимпийских медалей всех достоинств. Это человек, который, по большому счету, совершил чудо в решающий момент матча всей своей жизни – волейбольного финала лондонской Олимпиады между сборными России и Бразилии.

Штурм цитадели

Напомню: две первые партии россияне проиграли, да и в третьей, несмотря на неординарный тренерский ход Владимира Алекно, не просто переставившего местами волейболистов на площадке, а еще и изменившего их игровые амплуа, бразильцы лидировали постоянно. Но при счете 19:22 именно Тетюхин принес очко, со второй попытки ударив не сильно, но хитро – 20:22. И вышел на подачу, после чего счет сравнялся – 22:22. Не помогли и два перерыва, взятые один за другим тренером соперников Бернардиньо. И хотя бразильцы еще дважды вели в счете, вплоть до критической отметки – 23:24, нитями игры однозначно владели россияне. Было еще и 24:25, после чего уже наша сборная оказывалась каждый раз на шажок впереди, пока не удалось самим сделать и второй – 29:27.

Задумайтесь только: соперника отделяли от олимпийского золота всего-навсего три (!) точных попадания мяча в площадку. Россиянам же нужно было выиграть не только эту партию, но и еще две. И самый возрастной и уважаемый в команде игрок повел товарищей на решающий штурм казавшейся неприступной бразильской цитадели, который в конце концов увенчался успехом.

– В какой момент пришло убеждение в лондонской финальной победе над бразильцами? – поинтересовался у Тетюхина сразу после награждения.

– Оно нас не покидало: до последнего верили, что выиграем. Даже после двух первых партий в подсознании не укладывалось, что мы можем уступить.

Вера в свои силы, несмотря ни на что, – это тоже отличительная черта Большого спортсмена. Именно так, с

большой буквы…

Фергана – Белгород. Далее – везде

Когда же мы познакомились? Больше двадцати лет прошло с того дня наверняка. Вскоре после того, как семья Тетюхиных перебралась в Белгород. Вариантов у работавших в разгар перестройки в Фергане, этаком узбекском захолустье, детских волейбольных тренеров было несколько: Ростов-на-Дону, Ленинград и Белгород. Везде были проблемы с жильем: денег, которые семья волейбольных тренеров Тетюхиных выручила от продажи квартиры в Фергане, хватило всего-то на кухонный гарнитур…

Но коллеги Тетюхиных-старших к тому моменту успели перебраться из соседнего Коканда именно на Белгородчину, и порекомендовали последовать их примеру. Ясно было одно: оставаться в Узбекистане больше нельзя после кошмарной резни турков-месхетинцев, когда сжигали целые поселки, в одном из которых жила бабушка Сергея. Благо, что в самый разгул бесчинств она оказалась в Фергане на дне рождения дочери – Сережиной мамы. Был июнь 1989-го. Эти события и явились тем решающим моментом, который заставил семью принять окончательное решение перебраться в Россию.

– А как родители попали в Среднюю Азию?

– По маминой линии все проще-простого: ее отец – крымский татарин. И в известные годы представителей этой нации депортировали как раз в Среднюю Азию. Отцовские корни – в Воронежской области. А сам он родился неподалеку от Ташкента. Скорее всего, война заставила эвакуироваться. И папины родители работали на металлургическом заводе, который был переведен в Ташкентскую область откуда-то из европейской части СССР. Познакомились же папа с мамой как раз в Фергане, когда учились на факультете физического воспитания в местном педагогическом институте.

– Для тебя, наверное, вопрос, каким видом спорта заняться, не стоял никогда – волейболом, чем же еще?

– Ну такого жесткого ограничения не было. Просто с момента, как я себя помню, отец всегда возил меня с собой – и в спортивные лагеря, и на сборы. Правда, я втихаря еще и в футбол поигрывал, очень он мне нравился. А кто из мальчишек не гонял мяч? Все, наверное. Но это не было серьезным увлечением.

– Когда пришло осознание, что волейбол – это твое и на всю жизнь?

– Когда переехали в Белгород.

Связующий, диагональный, доигровщик?

Поначалу Сергей видел себя именно нападающим. Но перед отъездом на один из этапов юношеского первенства СССР, еще по детям, в Красный Луч Луганской области у пацана заболела спина. И отец – он же тренер – переставил 14-летнего сына на место пасующего. Команда выступила удачно, прошла в следующий этап турнира. И Тетюхин-младший так и остался связкой. Спина через некоторое время прошла, но он продолжал пасовать. И в Белгород приехал именно связующим.

– Что или, может, кто повлиял на смену игровой специальности? – поинтересовался у Сергея.

– В сезоне 1992/93 годов Михаил Леонидович Поздняков активно подключал меня, как пасующего, к основному составу. Конечно, страшновато было. Опыта никакого. Но доверие тренера приходилось оправдывать. И в молодежную сборную России Валерия Михайловича Алферова меня пригласили как связующего игрока. Еще не на основные сборы, а в Новомосковск, где в те годы базировалась эта команда. И в какой-то момент случился недоезд, некому было атаковать, и я все пять матчей тура отыграл в нападении. Вернулся в Белгород, занял привычное место пасующего. Но на каком-то турнире на Украине все тот же Поздняков вдруг поставил меня по диагонали. Вроде получилось, и в одном из матчей он приказал связующему все мячи для завершения атаки отдавать мне. Проявил себя, судя по всему, неплохо. Вплоть до того, что уже в следующем сезоне меня в клубе поставили по диагонали. А в российской молодёжке, когда меня вызывали, действовал в доигровке. Возвращался в Белгород – Геннадий Яковлевич Шипулин стоял на своем: с нападающими, мол, проблем нет, – будешь пасовать. Ну и что мне оставалось делать? К тому же ему помогал уже сам Зайцев Вячеслав Алексеевич, который всегда был для меня кумиром. Его портрет, вырезанный из какого-то журнала, висел над кроватью не только в Фергане, но и в Белгороде. Причем, я его в игре никогда не видел, но мне казалось, что именно он – эталон волейболиста. Это было влияние платоновских книжек… А тут мой кумир еще и моим тренером стал! Алексеич занимался с нами, постоянно что-то подсказывал… Когда же в команде появился Вадик Хамутцких – Борода, меня вновь отправили на какое-то время в диагональ. Когда же на эту позицию встал переехавший из Харькова Рома Яковлев, я окончательно перешел в доигровку. А мулька с

пасующим постепенно сошла на нет, окончательно затихла.

Белгород – Парма

Он всегда охотно делился воспоминаниями, как прошёл по ступенькам волейбольной лестницы.

– Помнишь свой первый матч за основной состав «Белогорья»?

– Кажется, это было в Одинцове, и играли мы против питерского «Автомобилиста». Там еще тогда Витек Сидельников пасовал. Это в сезоне 1993/94 годов было. А вот в каком турнире играли, в памяти не осталось – то ли матч регулярного чемпионата, то ли Кубка России. Помню только, что проиграли тогда 2:3. А майку взрослой сборной России я впервые надел еще в 1993 году в Японии. Это был вообще мой самый первый выезд за границу. И в команде я находился в роли этакого туриста: меня как-то раз выпустили, я даже мяча не коснулся – и всё. А еще перед отъездом прошел этакий «курс молодого бойца»: как держать вилку, как пользоваться ножом – до этого представления об этикете не имел. В серьезную же страну ехал – не абы куда.

– И кто выступал в той сборной?

– Всех и не вспомню. Точно Илья Савельев, Павел Борщ, кажется, Станислав Владимирович Шевченко, Андрей Чинов, Олег Согрин, вроде бы Валера Горюшев.

– А в сборной Вячеслава Платонова когда оказался?

– В Новогорске перед отборочным олимпийским турниром 1996 года в Копенгагене. Но в Данию не поехал. И первые официальные матчи сыграл за главную команду уже во время Мировой лиги-1996. Всё равно не верил до последнего, что окажусь в олимпийском составе: в последний момент Платонов отцепил Женю Митькова, видимо, до самого отъезда решалось – кто из нас двоих окажется в олимпийской дюжине.

В 1994-м Тетюхин не просто стал чемпионом Европы среди молодежи в Турции, но и был признан самым ценным волейболистом турнира. И невероятно быстро прошел путь от игрока молодёжки до члена национальной сборной: под осень 1995-го выиграл золото мирового юниорского первенства, а весной следующего – олимпийского – года легендарный Платонов включил его в основной состав главной команды страны, и Сергей поехал на свою первую – и самую неудачную – Олимпиаду в Атланте.

А потом была Италия. Не сразу после выступления на Играх в США, а уже после опять-таки неутешительного чемпионата мира

1998 года, когда сборную России возглавил Шипулин.

Перед следующими Играми в Сиднее он уже был в полной мере «итальянцем»: тогда едва ли не все игроки российской сборной выступали за различные команды на Апеннинах: важно было пообтереться в самом представительном в то время национальном чемпионате, ведь в местных клубах были собраны все самые сильные в мире волейболисты. А ещё была задача обыграть доминировавших в мужском волейболе в последнее десятилетие минувшего века итальянцев в официальных соревнованиях, чего долгое время никак не удавалось.

– Что сыграло основную роль в решении отправиться играть в Италию: хороший контракт или возможность испытать себя в сильнейшей на тот момент лиге мира?

– Концепция переезда была согласована с Геннадием Яковлевичем, который в то время руководил уже не только клубом, но и сборной: тренеру было важно, чтобы мы прошли «итальянскую мясорубку» в канун Олимпийских игр в Сиднее. Так, я с Яковлевым оказался в Италии, а Борода – в Турции, где тоже был сильный чемпионат.

– И каковы были первые впечатления?

– После того, что было дома, когда в борьбе за медали участвовали две-три команды – Одинцово да Екатеринбург и было много «проходных» матчей, в Италии же ни в одной игре нельзя было расслабиться. Было очень интересно. От каждой встречи получал новую и очень полезную информацию.

– В твоем становлении, как игрока, итальянский период сыграл важную роль?

– Мне кажется, что да. Опыт получил бесценный.

– Какой еще след, кроме чисто волейбольного, оставила Италия?

– Поразило отношение к детям. Когда президент пармского клуба, врач по профессии, причём, практикующий, Джорджо Варакка приходил и игрался с нашим Ванькой, которому всего-то два с половиной года было. Малыш с нетерпением ждал нового появления дяди, которого через неделю уже называл «мой друг Джорджо». И они вдвоем шли гулять и конфеты покупать, а на Новый год малыш получал огромнейший мешок всяких подарков. Стоило же нам появиться в ресторане, то знакомый официант вел Ваньку «за кулисы», показывал, как готовятся уже известные даже мальчишке традиционные блюда итальянской кухни. Или взять посещение Парка аттракционов – и нам самим было интересно, а уж каково детям!

Не так давно, в июне 2016-го посчастливилось втроём – с Тютиком и его женой Наташей лететь в Рим и обратно на

традиционный волейбольный Гала, который проходит ежегодно и к нему, как правило, приурочивают жеребьёвку Лиги чемпионов. Сергею должны были вручать несколько надуманный, как мне кажется, приз «Посол волейбола». Хотя, по большому счёту, какая разница, как называется трофей, главное, что его получил человек более чем достойный. Так вот там, в Риме, стал свидетелем трогательного общения четы Тетюхиных с Вараккой, который специально приехал в Рим, чтобы встретиться с Сергеем и Наташей.

– Именно постоянное общение с этим удивительным и совершенно не похожим на итальянцев человеком скрашивало нашу монотонную жизнь на Апеннинах. Что касается самого волейбола, то Джорджо очень умело стимулировал игроков своего клуба. Ничего подобного, кстати, ни в Казани, ни в Белгороде не встречал прежде. Нашему президенту, не знаю уж по какой причине, не нравился один известный игрок – Лука Кантагалли. Так когда «Парма» играла против клуба, за который выступал этот итальянский нападающий, Джорджо напутствовал перед матчем: «За каждый удачный блок против Кантагалли – 100 долларов!» Или подобные же премиальные президент готов был выложить за каждый блок против Ромы Яковлева, который играл за «Модену». И ведь действительно срабатывало! Тот же Кантагалли, который набирал обычно по 25–30 очков за матч, во встрече против «Пармы» не дотягивал и до 10. Или, помню, Джорджо решил простимулировать игроков на исполнение эйсов: «За каждое очко с подачи – 100 долларов!» Так тот же Сава (Илья Савельев. – *Прим. авт.*) как-то за одну игру заработал сразу 600 или 700 долларов. Причём расчёт происходил моментально после завершения матча.

Итальянская карьера складывалась удачно. Да и в жизни всё вроде было ничтяк: Наталья ждала второго ребёнка, сборная Шипулина набирала ход. Перспективы у способного молодого парня были самые радужные. И тут, как часто бывает, произошло то, что невозможно предвидеть: страшная автокатастрофа – лобовое столкновение – после Игр-2000 чуть было кардинально не изменила его судьбу. Нет речь не шла о жизни, но итальянские медики были убеждены, что с большим волейболом после полученных в аварии травм можно было распрощаться. И это в самом расцвете сил – в 25 лет!

– Наверное, страшные мысли посещали, когда очнулся на больничной койке?

– О волейболе поначалу и не думал вовсе. Речь шла вообще о жизни. Когда очнулся, рука в гипсе, при каждом шевелении чудовищная боль в тазобедренном суставе. Неделю с постели не

вставал. Потом стал подниматься, несмотря на категорические запреты врачей, чтобы дойти до туалета. Очень помог мне в то время всё тот же Варакка. И не только морально, психологически – врач же всё-таки, но и материально. Причём, поддержка эта была в тот момент бесценной: ко всем моим проблемам еще и дома оказалась кошмарная ситуация – всё одно к одному: у Ивана обнаружилось страшное обезвоживание организма, он попал в инфекционку, к тому же Наталья лежала в роддоме, уже перехаживала все сроки… Страшная картина…

Плюс ко всему все это произошло на фоне (хотел написать необъяснимого, но вовремя остановился – вовсе даже объяснимого, причём, легко) проигрыша в олимпийском финале Сиднея сборной Югославии. Осадок-то от той неудачи ещё долго оставался у всех его участников. Сергей же так оценил тот очевидный австралийский провал:

– Наверное, это было самое обидное поражение в моей спортивной жизни. Мне кажется, что каждый из нас подсознательно уже примерял олимпийское золото и недооценивал соперника. Мы выиграли у них в матче группового этапа не без труда, но в целом уверенно. Югославы вообще с большим трудом вышли тогда в плей-офф. Плюс аргентинцы обыграли Бразилию в четвертьфинале, а мы, в свою очередь, расправились с победителями этой пары в полуфинале и уже настраивались на решающий матч с итальянцами, которых действительно боялись. А те как раз уступили в полуфинале югославам. И мы все выдохнули… Короче, перед финалом была какая-то непонятная расслабленность. Не скажу, что мы не настраивались. Да ещё в первом сете один-два спорных очка приплюсовали соперникам. Случись наоборот – и всё могло пойти по другому сценарию. Но как тогда сыграл Вова Грбич!.. Такого игрока среди нас, увы, не оказалось: накричать на партнера, если потребуется, и по лицу съездить в нашей команде не мог никто в отличие от капитана югославской сборной.

– А ты не мог повторить «подвиг Грбича-старшего»?

– Думаю, что тогда еще нет.

– Может быть, в Сиднее еще было рановато, соглашусь. Но в 2006 году на чемпионате мира в Японии ты был нужен, пусть и не совсем здоровый и не до конца восстановившийся после травмы. Но Зоран Гайич, тренировавший тогда нашу сборную, предпочел включить в состав молодого Юрия Бережко, который и на площадку-то если и выходил, то только на эпизод-два. Если бы ты поехал, точно бы заняли место повыше, чем 7-е: команде не хватало Тетюхина, это чувствовалось.

– Об этом не мне судить.

– Понимаю. Тем более, что мы несколько забежали вперед. Решение уехать из Италии ты принимал сам или Шипулин позвал тебя назад?

– Сам. После всего случившегося оставаться в чужой стране не хотелось. Дом есть дом. Там и раны быстрее заживают. Как физические, так и душевные.

Дом есть дом

Он тогда вернулся в Россию после нескольких месяцев проведенных в итальянской клинике, где его руку буквально собирали по частям. Но вскоре вновь надел майку родного клуба. Иначе, наверное, и быть не могло, ведь он влюблен в свой Белгород, ставший для него второй родиной. Согласитесь, практически невозможно быть признанным Почетным гражданином даже затертой деревушки, если ты в ней не родился. Но после лондонских Игр Сергея признали одним из символов Белгорода, и сегодня он даже представить себя не может где-нибудь в другом месте. Хотя за время долгой спортивной карьеры оставил след и в итальянской Парме, и в Казани, где его также считают своим. Отвечая на один из вопросов вновь популярной ныне спустя век после появления «анкеты Марселя Пруста», в какой стране он хотел бы жить, Тетюхин, не задумываясь, ответил: только в России. И добавил, что, наверное, нет смысла называть город – Белгород и только Белгород.

И вовсе не случайно горожане избрали действующего спортсмена, что случается крайне редко, депутатом городского Совета. А перед региональными выборами 2015 года фамилия Тетюхина стояла второй в списке кандидатов в депутаты от «Единой России» после белгородского губернатора Евгения Савченко. Понятно, что олимпийский чемпион был избран в областную Думу.

В одной из наших бесед поинтересовался: «А почему бы тебе не замахнуться на более высокий уровень? С твоим авторитетом и человеческими качествами ты был бы прекрасным депутатом Госдумы».

И услышал то, что, наверное, и должен был услышать от этого открытого, скромного, никогда не стремившегося, кроме как в спорте, добраться до самого верха человека: «Мне уже довелось поработать депутатом в городском Совете, и я понял, как это непросто. Люди обращаются к тебе со своими болями и проблемами. Я готов идти навстречу, но кроме письма в

поддержку заявителя на адрес какой-то организации помочь, по большому счёту, ничем не могу. Когда рассмотрят мой запрос – не знаю. А дело бывает срочным. Иногда приходится помогать ветеранам спорта – как правило, нет денег поехать на какой-то турнир. Футбольная команда – опять недостаток финансирования, но хоть автобус дал. Сложно это всё… Мне теперь и в областной думе дел хватает».

Перед новым, 2015-м годом Сергей перевёз всех своих в новый дом. Семью Тетюхиных считаю по-настоящему уникальной, если хотите, идеальной, образцовой. А с Натальей регулярно встречался на всех соревнованиях, в которых выступал её муж, не только в России, но и в разных концах света, куда только спортивная стезя не заносила её любимого. Она знает, что когда сидит на трибуне в Токио или Берлине, Лондоне или Афинах Серёже спокойнее, он думает только об игре и ни о чём более.

«Семья – это мое всё, – признавался не раз Сергей. – Наталья в любой ситуации, даже непростой, всегда найдет самые нужные слова поддержки. И всегда соглашается с моим решением. Папа сказал едем в Казань? Значит, все переезжаем на Волгу. Мы не можем жить порознь. Мы всегда находим общий язык. Я никогда не противоречу, если она считает, что должно быть так, а не иначе. И вообще я за ней, как за каменной стеной».

А вот как Тютик (так любовно, за глаза называют замечательного волейболиста его многочисленные поклонники) характеризовал своих троих мальчишек: «Ванька – старший – у него сейчас такой возраст, переходный. Был период, когда занимался волейболом постольку-поскольку. А потом начал фанатировать игрой. Только переживает, что росточком не вышел. Но учится и упорно тренируется, выступает на позиции либеро за вторую команду «Белогорья». А вообще он очень общительный, компанейский человечек, никогда не останется один. Пашка – средний – играл в финале Спартакиады школьников, где его команда 1999 года рождения (сам-то он на два года моложе) заняла 2-е место, уступив только сборной Москвы. Он – волейбольный фанат с детства, никогда не смотрел мультики – только спортивные каналы. Считать научился сам: телетрансляции матчей по игровым видам спорта поспособствовали. Я в своё время привёз ему из Америки форму с надписью Майкл Джордан и пару кассет с записями игр НБА, так он как-то, будучи маленьким, сказал, что когда вырастет, то тоже будет «большим и черным». С мячом не расстается, выбрали его капитаном команды. Ну а Сашка, мелкий, – это радость, отдушина и для нас, и для бабушек и дедушек».

Говорят, что Павел во многом напоминает отца. Не только по

характеру, но и по обстоятельствам жизненным, через которые даже такому юному созданию уже пришлось пройти. Тут как-то автобус, на котором юношеская команда с Тетюхиным-средним ехала на соревнования, попал в аварию. Так больше других как раз досталось Пашке. Даже сомнения были, сможет ли парнишка продолжать заниматься волейболом – ну прямо как за 15 лет до этого случилось с отцом: сломанная нога срасталась плохо, были осложнения. Но юноша – вылитый отец – рвался тренироваться даже с загипсованной ногой. И всё, тьфу-тьфу-тьфу, закончилось благополучно. Его даже в сборную страны по своему возрасту позвали. А вот станет ли он таким же феноменальным игроком, как отец, зависит в большей степени от самого парня.

Белгород – Казань и обратно

Летом 2006-го, когда стало известно о переезде в Казань сразу трёх ведущих игроков «Локомотива» (так тогда называлась белгородская команда) – кроме Тетюхина ещё Хамутцких и Александр Косарев – всё волейбольное сообщество только и обсуждало сей массовый исход. Это было тем более неожиданно, что перед этим в суперфинальной серии с московским «Динамо» Тетюхин бился за родной клуб, несмотря на сломанный на тренировке палец. И в сложнейшей ситуации в третьей партии второго матча (первый был проигран белгородцами 0:3), когда москвичи вели 2:0 по сетам, спас матч и позволил своей команде сохранить интригу в споре с «Динамо». Сергей вышел на подачу, когда на табло горели цифры 6:3 в пользу хозяев. А ушёл с линии при 7:6 уже в пользу «Локо». В том матче он вообще заработал только на подаче 10 (!) очков. И даже несмотря на проигрыш серии, белгородец в третий раз стал обладателем приза Андрея Кузнецова – лучшему волейболисту России.

И вдруг – переезд в Казань…

– Я дважды отправлялся по этому маршруту Белгород – Казань. В первый раз это было очень хорошее предложение, да и опять-таки коллектив сложился там неплохой, во многом благодаря работавшему во главе «Динамо-Таттрансгаз» Виктору Сидельникову. Мы везде были вместе – причем, семьями. Ллой Болл, Клейтон Стэнли, наша белгородская компания. После двух лет я вернулся в Белгород по собственной инициативе. Хотелось помочь родной команде. Причем, я сам позвонил Геннадию Яковлевичу и признался, что хочу назад. Это случилось в канун сезона 2008/09 годов, когда позже, по весне, мы выиграли в Афинах Кубок ЕКВ.

А с казанской командой тогда Тетюхин и Ко выиграли Лигу чемпионов, не говоря о победах в российских соревнованиях. В ходе второго пришествия в столицу Татарстана, уже по приглашению работавшего в Казани Алекно, Сергей прибавил к своим семи ещё две высшие награды чемпиона России.

Сегодня у Тетюхина по десять побед в чемпионатах и Кубках страны, не говоря уже о различных индивидуальных призах и медалях других достоинств. Причём, десятое российское золото белгородец получил по завершении самого, наверное, продолжительного сезона – после лондонской олимпийской победы.

В одном из матчей полуфинальной серии того турнира с казанским «Зенитом» ему вновь пришлось выступать с травмой, на сей раз ноги. Шипулин хотел было приберечь своего лидера, но по ходу третьей партии Тетюхин всё-таки появился на площадке: «Ситуация сложилась так, что надо было выходить и помогать… Тем более, что в игре не обращаешь внимание на болевые ощущения». Этот момент стал ключевым в данной встрече, а, возможно, и во всей серии.

В марте 2014-го он сотворил очередной шедевр по ходу финального матча Лиги чемпионов в Анкаре против местного «Халкбанка». В самом начале встречи дела у россиян шли ни шатко, ни валко. И с потерями при вводе мяча в игру случился перебор. Но всё изменилось, когда на подачу вышел Тетюхин. Произошло это при счёте – 15:15. И после нескольких блестяще исполненных россиянином вводов мяча с точки главный тренер турецкого клуба болгарин Радостин Стойчев вынужден был взять перерыв. Табло показывало 15:18. Гениальный ветеран не стал даже перестраховываться, как это зачастую принято после паузы. Эйс! Еще очко выиграно на блоке. 15:20. Очередной тайм-аут Стойчева – и новое очко с подачи Тетюхина после второй паузы!

Концовку сета соперники доигрывали. 25:18… Понятно, что именно Сергей в очередной раз был назван самым ценным игроком «Финала четырёх».

«Делай, как я»

Разумеется, каждый из руководителей национальной сборной хотел видеть столь уникального игрока, способного «выстрелить» в самый важный момент, взять игру на себя в своей команде. И он действительно пусть и не один в один, но всё же повторил сиднейский «подвиг Грбича» через 12 лет в Лондоне. Просто не в характере Сергея было призывами или кулаками (и такое в

волейболе случалось, был свидетелем) приводить партнеров в чувство, он всем своим поведением на площадке будто бы призывал: «Делай, как я!».

Но вот что удивительно: за свою более чем двадцатилетнюю карьеру в сборной он выступал за Россию только тогда, когда в ней работали отечественные тренеры. А, как известно, оба прихода в национальную команду иностранных специалистов завершались неудачными выступлениями на таких больших соревнованиях, как чемпионаты мира.

Задумался как-то: а нет ли связи между неудачами россиян на чемпионатах мира с Зораном Гайичем, Даниэле Баньоли, да и с тем же Андреем Воронковым и тем, что у них в команде не оказывалось Тетюхина? Поделился своими размышлениями с игроком, но он попытался меня разубедить: «Наверное, это в большей степени стечение обстоятельств. Но при всем при том я не чувствую внутри себя полного доверия к иностранному специалисту. Разумеется, как человек дисциплинированный, я всегда выполняю любые тренерские указания. При этом я с большим уважением относился к тому же Зорану Гайичу, когда он работал у нас в клубе, да и к Даниэле Баньоли. Но объяснить, почему внутри себя чувствовал некое отторжение, не могу. Наверное, им все-таки непросто понять наших игроков. Ну а Воронков пришёл в сборную после Лондона, когда я официально объявил, что собираюсь продолжать только клубную карьеру».

Тогда попросил сравнить отечественных специалистов, под руководством которых ему пришлось выступать в форме сборной России.

– У Платонова все было чересчур жестко, к тому же я был еще совсем юным. С Яковлевичем было легче: Шипулин и по характеру другой, к тому же с ним я работал еще и в клубе – мог вести диалог с тренером, не боясь за последствия. Романыч – нечто среднее между Платоновым и Шипулиным: он и дисциплине уделяет внимание, но и к игрокам прислушивается в определенной ситуации. А что касается тренировочного процесса, то каждое занятие с Алекно приносит колоссальную пользу. Причем, тренер умеет варьировать: чувствует, когда стоит форсировать, а когда дать поблажку.

Ловил себя на мысли, что хотел ли я этого или нет, но при каждом нашем разговоре мы так или иначе, но вспоминали лондонский олимпийский финал. Меня постоянно будоражила мысль, какую же ответственность брал на себя игрок в тот самый момент, когда малейшая его осечка могла оказаться роковой, насколько нужно было быть уверенным в себе, чтобы исполнить тот или иной волейбольный приём именно так, как того

требовала ситуация?

– После олимпийского финала ты мне признался, что не сомневался в общем успехе нашей команды. Сейчас, по прошествии времени, готов повторить те же слова?

– Если речь идет про третью партию, да и о матче в целом, ну, да, конечно, готов.

– Признаюсь честно, меня потрясла твоя уверенность в концовке третьего сета, когда ты вышел на подачу. Неужели ни тени сомнения не чувствовал?

– Уверен был в себе на сто процентов. Даже подсознательно не чувствовал каких-то опасений. Чтобы как-то «отжаться», просто ввести мяч, такого в мыслях не было. Уже проходил нечто похожее. Опять-таки в финальном матче, но чемпионата мира 2002 года в Аргентине все с теми же бразильцами. Правда, случилось это в концовке пятой партии. Я также вышел на подачу, исполнил эйс. Соперники тут же взяли перерыв. И после него я шел на линию и думал, чтобы сделать: либо влупить как следует, либо просто ввести. И что-то в тот момент склонило меня не рисковать. Я просто ввел мяч в игру… Чем все закончилось, известно: мы проиграли. В Лондоне уверен был, что мне нужно было выполнять силовую подачу. Каждый раз. И по моим ощущениям я был готов безошибочно вводить мяч в игру в тот момент столько, сколько позволила бы ситуация. Другого выхода у меня просто не было: должен был рисковать.

Возвращение под триколор

Он и в самом деле не собирался вновь надевать майку национальной команды. Верил, что справятся ребята без него – выиграли же чемпионат Европы в 2013-м, чего Тетюхину с партнёрами не удавалось в течении всех его почти 15 лет в сборной. Но с приближением олимпийского 2016-го его фамилию вдруг внесли в список кандидатов в сборную. Но Сергей, мне показалось, не очень серьезно отнёсся к такому решению прежнего тренера главной команды страны.

– Я действительно с определённой долей скепсиса отреагировал на этот шаг Андрея Геннадьевича Воронкова, – признавался позже в беседе Тетюхин. – Потому что реально оценивал свои возможности и сопоставлял физические кондиции с тем перечнем и сроками многочисленных соревнований, которые предстояло играть сборной в предолимпийском сезоне. А прибавьте сюда ещё обязательную длительную подготовку к главному турниру – Кубку мира и прочим сборам перед другими

стартами – Мировой лигой, чемпионатом Европы. Это был перебор. Ведь за сезоном сборной почти без перерыва начинался клубный сезон – ответственный и важный. Причём, для Геннадия Яковлевича не имеет значения – играл ли ты перед этим за сборную: спрос всегда идет по полной. Плюс ко всему рассчитывал, что всё в команде сложится по-другому, и моя помощь вообще не понадобится. Кто тогда знал, что всё получится не так, как было задумано. Разумеется, я приехал на медобследование. Для меня это тоже было важно – узнать состояние организма, не мальчик ведь.

– Ну и как?

– Тьфу, тьфу, тьфу… Всё оказалось нормально. Но тренироваться я не собирался. Предстояло третье после лондонской Олимпиады лето с полноценно проведённым отдыхом после клубного сезона. Поначалу завершал дела в Белгороде, ждал, когда старшие дети закончат учебный год, а потом все вместе уехали в Испанию. Где и встретил Владимира Романовича – благо живём там неподалёку.

– Кстати, Романыч мне и рассказал, что ты там пропадал на пляже и вовсе не загорал, а всё время играл.

– Ни одного дня без волейбола не проходило. У нас постоянно собиралась компания человек из пятнадцати – бывшие и действующие волейболисты, просто те, кому волейбол близок по духу. Если приходит немного народу, подключаются иностранцы, а испанец Марио – завсегдатай наших волейбольных «ристалищ» приходит со своей сеткой, с лентами разметки на песке. И каждый день по пять партий. Не то, чтобы ваньку валяем, а рубимся на полном серьёзе.

– А была возможность следить за выступлением сборной в Мировой лиге-2015?

– К сожалению, не видел ни одного матча. Результаты знал, читал отчёты, кто-то из ребят, кому удалось посмотреть игры, рассказывал, как всё происходило. И всё ждал, что вот-вот команда должна заиграть, придумывал каждый раз какие-то объяснения неудачам. Так и не нашёл даже для себя ответа на вопрос, как умудрились проиграть одиннадцать матчей подряд.

– Ну и когда ты понял, что придется приходить на выручку?

– Как только Романыч появился на пляже в конце июня. Разговор был короткий: «Ты – готов?» – «Я – готов». Правда, я позвонил ещё Геннадию Яковлевичу. Для меня его мнение тоже очень важно. Я не сомневался, что он одобрит мой шаг. Так и было: «Серёга! Страна зовёт! Чувствуешь в себе силы – помогай!» Пришлось сократить отпуск, и я даже успел потренироваться со своими белгородцами с десяток дней, чтобы приехать на сбор уже

в рабочем состоянии.

И он действительно помог реально на самом главном олимпийском отборе в начале 2016 года в Берлине. С того момента вопрос о выступлении Тетюхина на его шестой Олимпиаде уже не поднимался. Только бы здоровье позволило!

А со своим будущим Сергей еще не определился: в тренерском деле засомневался, когда увидел, как тяжело пережил лондонскую ситуацию Алекно. («Я ведь такой же «переживательный»). Не видит себя и бизнесменом. Политиком? Не исключает. В любом случае пообещал Шипулину, что в клубном сезоне 2016/17 родное «Белогорье» сможет на него рассчитывать. А там видно будет…

…Отвечая на последний вопрос в упомянутой выше «анкете Марселя Пруста»: «Ваш девиз?» – Сергей, не задумываясь, произнес: «Всегда оставаться человеком».

В этом весь Тетюхин.

Отдать всю себя и получить взамен

Скоропортящийся товар

В 19 она дебютировала в сборной. В неполные 22 была признана лучшей нападающей чемпионата мира 2010 года. И все заговорили вокруг, что в отечественном – нет, бери выше – в мировом волейболе загорелась новая звезда. И светить бы ей и светить долгие годы. Но на еще не совсем окрепший организм посыпались недуги – одно колено вышло из строя, другое забарахлило, а тут еще боли в спине почувствовала. Дальше – больше. С одной проблемой справились – тут же откуда не возьмись возникает новая. И каждый раз перерыв в тренировках и играх и долгое восстановление.

Физические боли провоцируют боли душевные, и уже каждый выход на площадку превращается не в радость, как раньше – в мучение, и такой уже родной и любимый желто-синий мячик бывает не мил.

Операции – одна, вторая, реабилитация, но боли не проходили, и врачи уже не давали никаких гарантий возвращения в активный спорт. А тут еще такая нелепая смерть Сергея Овчинникова, тренера, с которым она только-только нашла полное взаимопонимание. Было от чего впасть в транс. Благо, после месяцев поисков встретила тех, кто помог вновь обрести себя, почувствовать радость жизни и желание играть.

По осени 2013-го и 2015-го Татьяна Кошелева стала чемпионкой Европы и была названа лучшим игроком этих турниров, в январе 2016-го помогла сборной России пробиться на Олимпиаду. Теперь всё внимание Рио.

– Как бы вы прокомментировали фразу Оноре де Бальзака «Слава – товар невыгодный: стоит дорого, сохраняется плохо»? Вы согласны с французским классиком? – поинтересовался у волейболистки при нашем первом обстоятельном разговоре в одном из многочисленных кафешек столичного «Атриума», что у Курского вокзала. Рядом сидел муж Татьяны Федор Кузин, который иногда вставлял реплики, и, что характерно, всегда к месту и ко времени.

– Сто процентов согласна. Когда ты в жизни чего-то достигаешь, когда забираешься на какую-то высоту, на тебя сваливается огромный груз ответственности, нести который очень тяжело. Сохранить свой имидж и свой статус – сложнее некуда. Ведь теперь ты вынужден постоянно их поддерживать, выглядеть

достойно в глазах окружающих. И на это уходит очень много сил и энергии.

Хандра

– Вы сменили несколько клубов за время карьеры – засветились в подмосковном «Заречье-Одинцово», надевали форму казанского и московского «Динамо», на какое-то время вернулись в Москву, где и начинали свой путь в большом волейболе. Потом были новые перемещения.

– В Москве я оказалась потому, что мне просто было необходимо в тот конкретный период жизни находиться в Москве, потому что здесь проходила курс лечения, это первое. А второе – и главное, – сыграли роль условия, предложенные мне столичным клубом, и забота, которую проявило динамовское руководство, да и вся команда. Это было очень тяжелое для меня время. Своеобразный тест, проверка возможностей: готова ли я продолжать играть в такой замечательный вид спорта, каким является волейбол.

– Неужели и в самом деле были сомнения в возможности продолжить спортивную карьеру?

– А как вы думаете, если многие из медиков, с которыми в то время пришлось общаться, в том числе и из числа работающих в нашем виде спорта, убеждали, что перспектив нет и что с волейболом скорее всего придется распрощаться. Повторяю: это был пока самый сложный период в моей жизни. Во многом решающий, определяющий… *(После некоторой паузы)*. Сейчас перед вами совершенно другой человек, и, как это ни покажется странным, я очень благодарна даже тем, кто убеждал меня завязывать с активным спортом.

– С чего все началось? Когда вы ощутили себя беспомощной перед обстоятельствами, когда мир вам стал не мил, замучили боли в спине и колене, и никто не мог ни поставить верный диагноз, ни чем-то реально помочь?

– Был конец 2010 года. Мы выиграли чемпионат мира в Японии. Через три дня начинался чемпионат страны, а мои эмоции были на нуле, чувствовала полное опустошение и ничего не могла с собой поделать. Начались травмы, одна за другой, мне иногда казалось, честно вам признаюсь, что схожу с ума. А как мужу доставалось… Спасибо Всевышнему, что в это сложное время он послал мне самых нужных людей, благодаря которым я смогла преодолеть депрессию, кризис, и начался подъем.

– И когда начался этот самый подъем?

– Я вообще такой человек, который верит, что безвыходных положений не бывает, что все получится, если ты этого хочешь и все для этого делаешь. И даже когда меня мучили травмы, я все равно старалась бороться – и с ними, и со своими мыслями. Очень здорово, что в этот самый момент я была предоставлена сама себе, и на какое-то время в моей жизни остались только те, кто был ближе. На протяжении семи месяцев со мной работала целая группа специалистов, в том числе психолог, и эффект превзошел ожидания. И голову вылечила *(хохочет),* и спину! И если раньше даже не замечала, что происходит вокруг, что весна сменяет зиму, ничто меня не радовало, то сейчас вновь обрела себя.

– Она так все рассказывает поверхностно, – замечает сидевший до этого безмолвно Федор. – А тот период был и в самом деле тяжелее некуда. Мы не понимали, что происходит, к кому обращаться, кто реально может помочь. И вообще, что в таких случаях надо делать. Ни один врач, ни один специалист – никто не знал даже, с чего начать, как подступиться. Если в тот момент нам сказали бы, что надо стоять на голове, мы бы стояли на голове столько, сколько требовалось. Причем, ни в России, ни в Германии никто не давал никаких гарантий, предлагали различные варианты лечения, но уверенности, что они приведут к нужному результату, не было ни у кого.

– Меня тогда поражало человеческое безразличие к тому, что со мной происходило, – продолжает Татьяна. – Мне казалось, что все вокруг должны друг друга поддерживать, если тем более человек оказался в такой вроде бы безвыходной ситуации. Наверное, я на все смотрела через розовые очки. Благо, муж объяснил какие-то вещи, в которых я заблуждалась, но которые оказались прописными истинами.

– Это же большой спорт, – добавляет Федор. – Пока ты играешь, пока ты нужен – все тебе идут навстречу. А случись что, и ты даже на время выпадаешь из обоймы, – все, до свидания, про тебя моментально забывают.

Тренеры

– Вы занимались под руководством разных тренеров в клубах и в сборных. С кем из них вам было интереснее? И почему?

– Вопрос очень хороший. Как бы кого не обидеть, не забыть упомянуть? Ведь я по натуре такой человек, который старается заимствовать все лучшее от каждого, с кем приходится общаться. Та же Ирина Александровна Беспалова, мой первый тренер в

Москве, вложила в меня душу. Потом уже было «Динамо» и Надежда Ильинична Шелехова, которая повстречалась на сложном пути из юношества во взрослую жизнь. Дальше был уже большой волейбол и Вадим Анатольевич Панков, которому я безумно благодарна за тот шанс, который он мне предоставил, за то, что поверил в меня, 19-летнюю. У него была возможность купить легионера, но он предпочел меня, и я получила путевку в высший свет. Из всех, с кем мне пришлось работать позднее, по духу мне ближе был Сергей Анатольевич Овчинников – с ним я чувствовала себя комфортно во всех отношениях – и в чисто человеческих, и в рабочих. Мы были очень близки по темпераменту. Это был азартный, трудолюбивый, видящий перспективу тренер… В Казани было интересно тренироваться под руководством Ришата Гилязутдинова.

– А Кузюткин? – напомнил Федор.

– Ой, да, спасибо за подсказку. Владимир Иванович Кузюткин с первого же появления в сборной команде подарил мне веру и полностью поменял мое отношение к самой себе. Я, наконец, поняла, что и в самом деле могу чего-то достичь в волейболе.

В столичном «Динамо», кстати, Тане пришлось вновь тренироваться под водительством женщины – Светланы Илич, позже, в краснодарском «Динамо» играла у Константина Ушакова, а в сборной выиграла два европейских титула с Юрием Маричевым.

– Существует разница между тренером-мужчиной и тренером-женщиной? С кем вам работать предпочтительнее?

– Если не считать детские годы, в столичном «Динамо» у меня был опыт работы со Светланой Илич. Хороший тренер, хороший человек. Но мое предпочтение все-таки – тренер-мужчина. Сразу ощущаешь некую дистанцию, разницу между сильным и слабым полом.

– Был ведь еще итальянец Джованни Капрара, у которого вам также пришлось заниматься в сборной России?

– Очень интересный опыт. С удовольствием еще бы с ним поработала.

Сборная

– Как вы вообще тогда восприняли приглашение в сборную страны, хотя играли в клубе даже не суперлиги, а классом ниже?

– Может быть, Капрара увидел меня, когда я выступала за молодежную сборную? Приглашение меня, конечно, обрадовало. Эмоции переполняли: человек, выбравший себе в качестве

жизненного пути большой спорт, всегда стремится оказаться в числе избранных, в сборной. Мечта сбывалась! У меня появился шанс проявить себя на новом уровне, что я с тех пор и старалась делать.

– Но вы были к этому готовы? Ждали, что вас пригласят на сбор?

– Это, повторяю, было моей мечтой. Я всегда стремлюсь достичь самых больших высот, выиграть медаль, стать чемпионкой. У меня амбиций много, с детства.

– Но при всей своей амбициозности, вы весьма самокритичны.

– Чересчур даже, – очередная реплика Федора.

– Вот-вот. Посему вопрос: а не боитесь себя недооценить?

– Как раз работаю над этим. Самокритика – это, конечно, хорошо, но и хвалить себя надо обязательно. Прежде, каждый проигрыш команды превращался для меня в настоящую трагедию. Причем, в каждой неудаче обвиняла прежде всего себя и не делала никакой разницы, кому мы проиграли – команде из Саратова или какой-то сборной на чемпионате мира.

– Взяла и ни за что ни про что унизила «Протон», – вставил Федор с улыбкой на лице.

– Но это я к слову, на контрасте, – смеясь, парировала Татьяна, и продолжила свою мысль. – Это мне очень мешало. Чтобы избавиться от зависимости, мне очень помог муж, он постоянно поднимал мою самооценку. А еще психолог, с которым я уже второй год работаю и не скрываю этого. И вообще считаю, что у каждого спортсмена должен быть такой собеседник. Чувствую, что стала намного устойчивей, и сегодня меня выбить из колеи можно, конечно, но гораздо тяжелее, чем раньше. Да и Федору стало легче – Ольга, так звали моего психолога, переключила на себя часть того, что приходилось делать мужу.

– Разница в том, – вновь встревает в наш разговор Федор, – что меня Таня не слышала, ведь близким, как правило, не очень доверяют, считают, что они все говорят неправильно. Даже если не я, а, скажем, тренер солидарен со мной и приводит те же аргументы, все равно и его утверждения она подвергает сомнению.

– Изменить себя – огромнейшая работа, которую я с удовольствием выполняю под наблюдением специалиста. Сегодня смотрю на мир иначе, чем раньше. И, чувствую, как все вокруг рады за меня.

Кумиры

– Были ли у вас кумиры в спорте? А, может быть, есть и сейчас?

– Когда начинала познавать азы волейбола в Туле, еще не понимала, что такое сборная страны, для меня существовал в жизни только один критерий для подражания – местная команда. «Тулица-Туламаш» – волейбольный лидер наш», – этот слоган был для меня солнцем. Не было какой-то конкретной волейболистки – была команда, которая затмевала мне все остальное… Мне всегда нравилась Люба Соколова, получила огромную радость от знакомства с хорваткой Наташей Осмокрович, настоящим профессионалом, талантливым игроком, которая четко выполняла свою работу, для которой существовали только интересы команды, и она отдавалась волейболу полностью и физически, и эмоционально. Вот кому хочется подражать во всем.

– А в жизни есть кто-то, на кого вы хотели бы походить? Спрашиваю так, потому что вы слишком рано начали жить в отрыве от родного дома и на вашем пути встречалось немало людей…

– Я старалась брать понемногу от каждого, кто мне был интересен. Даже не было какого-то артиста, писателя, музыкальной группы или стиля, которых бы выделяла среди прочих.

– Уехать в 15 лет от родителей из Тулы в Москву – это поступок. Как вы на это решились?

– Это мама решила, не я. Но как человек военный и строгий, а в моей семье все военнослужащие, – внешне беспокойства не показывала, хотя в глубине души наверняка переживала. Для меня все выглядело проще: позвали – еду. Была в себе уверена. К тому же я девочка хорошая, современной молодежной культурой меня не проймешь. Каждый вечер на дискотеке – не мое. Мои интересы разнились с интересами большинства сверстников.

– Наверное, все-таки в Тане есть что-то от мамы с папой, – включается в разговор Федор. – Одно слово, военные: все четко, прямо, иногда жестко, в открытую. Из-за этого некоторые из нашего окружения не совсем правильно воспринимают некоторые Танины слова и поступки. Она ничего не держит в себе, может любому, не взирая на лица, сказать прямо в глаза, что думает.

– Так такие люди заслуживают большего уважения, чем те, что шушукаются за спиной, юлят. Как говорят французы в подобных случаях: снимаю шляпу!

– Спасибо.

Лондон

– Давайте вернемся на бренную землю к конкретным вещам. Что все-таки не позволило выиграть матч у сборной Бразилии на Олимпийских играх в Лондоне. Четыре матчбола! Одним ударом можно было решить если не все, то многое.

– Это невезение. Вы думаете Катя (Гамова), Наташа (Обмочаева), Люба (Соколова) не хотели забить? Да каждая из них готова была все отдать, чтобы мяч опустился в квадрат. Про себя могу сказать, что была тогда совершенно не готова к Играм. Только-только восстановилась, даже не окончательно после двух операций – на колене и на спине. Взяла в руки мяч за две недели до отъезда в Лондон. Сейчас понимаю, что заняла чье-то место. Спасибо тренеру, который сказал тогда: «Даже в таком состоянии ты достойна быть в команде». Амбиции перехлестывали, я не понимала, что надо было сказать себе: «Таня, успокойся, займись лучше своим здоровьем». На Олимпийские игры должны ехать здоровые люди, которые могут в любой момент выйти на площадку и дать результат.

– Тут я не совсем согласен. Если вспомнить мужскую команду волейболистов, которая в том же Лондоне выиграла золото – калека на калеке. Тот же Саша Волков, которому ежедневно откачивали жидкость из коленного сустава…

– Да-да, я, наверное, не совсем права…

– Но Волков хотя бы играть мог – на уколах, превозмогая боль, – вновь реплика Федора. – А Тане даже семь обезболивающих инъекций не помогали, она не могла разогнуться.

– Какой из матчей вызвал у вас наибольшее количество положительных эмоций?

– Когда мне задают такой или подобный вопрос, вспоминаю даже не матч, а уникальную серию из пяти встреч за звание чемпионов страны в 2010 году между «Заречьем» и московским «Динамо», когда клуб из Подмосковья, за который я тогда выступала, выиграл золото. Такой заряд, такой настрой на победу в каждом матче. До сих пор вспоминаю всю серию и тот замечательный коллектив. Из недавних отметила бы финальный матч Кубка России 2013 года против чемпионок из Казани… А решающий матч чемпионата Европы того же 2013-го в Берлине против Германии – чем не пример? Может быть, уже по привычке вспоминаю ту серию, хотя после этого было много других ярких побед.

Любовь

– Кстати, ребята, а почему вы расписались в Калининграде?

– Кто будет отвечать? *(Этот вопрос адресован Федору. Тот колеблется.)* Наверное, я, интервью же у меня берут. Федя сделал мне предложение. А времени на свадьбу не было. Да я особо никогда не горела – ни белым платьем, ни маршем Мендельсона, ни огромным числом гостей. Главное, чтобы любили друг друга и уважали. Так получилось, что сборная проводила сборы, и первый отборочный турнир за право сыграть на Олимпиаде-2012 в Калининграде, городе, в котором Федя проработал четыре года, городе, который он любит и в котором живут его друзья. Ребята обещали нам помочь все быстро оформить. Поговорили с Овчинниковым, он тогда только возглавил сборную, рассказали, что в объявленный выходной хотели бы оформить наши отношения. Тренер не возражал, напротив, даже порадовался за нас. Вот и все – собрались все девчонки, Федины друзья…

– С того момента вы почти все время вместе. А не возникает иногда желание побыть наедине?

– Нет. О чем вы говорите? Напротив, я так благодарна богу, что этот человек постоянно рядом. Это, если так можно выразиться, мой успокоитель и мой взбодритель. Всё вместе.

– Иногда и разрядитель, – вставляет своё слово Федор.

– Вот-вот. И разрядитель тоже. Сейчас даже представить не могу, как бы жила без этого человека. (Улыбается).

– Вы любите готовить?

– Если честно, то нет. Вы же знаете, у меня работа такая, что я очень устаю. И благодарна Феде, что он терпелив и все прекрасно понимает. Иногда все-таки подхожу к плите, когда хочется порадовать любимого мужа: могу приготовить солянку, голубцы, котлеты, картошку нажарить.

– Запеканку, помню, соорудила вкусную, – это уже Федор. – А еще она чизкейк умеет делать.

– Чизкейк?

– Да. Научилась недавно. А скоро Наташа Осмокрович обещала приехать и научить готовить тирамису. У нее классно получается. И Вера Ветрова из столичного «Динамо» тоже очень вкусно готовит.

– Иными словами, если Иван Ургант пригласит вас в программу «Смак», у вас будет чем поделиться с телезрителями?

– Ну, да. Я специально подготовлюсь.

Будущее

– Несколько лет назад у вас появился свой виртуальный фан-

клуб «ВКонтакте».

– Да, действительно. Девочка замечательная Наташа Андреева, мы знакомы с тех времен, когда я играла за Одинцово, придумала. Я еще не настолько популярна и не ощущаю себя звездой, чтобы у меня появился реальный фан-клуб. И все-таки гораздо важнее сам факт, что люди заинтересовались не столько мной, сколько волейболом, – это здорово.

– Как вы относитесь к конкурсам красоты?

– Безразлично. Я их ни разу не видела.

– А если во время, например, «Матча звезд» провести конкурс «Мисс волейбола», это придало бы вашему виду спорта новый имидж?

– Не уверена. Вообще женские команды – коллективы своеобразные. Это у мужчин все просто и ясно: поцапались, в бубен получил, как мы говорим, тут же помирились, пошли махнули по рюмке – и вновь вместе, все хорошо. У женщин так не бывает. Самое неприятное качество – зависть и все что с ней связано здесь налицо. Так что уж лучше мы проживем без конкурсов красоты.

– Вы, кстати, в свое время участвовали в фотосессии. Интересный был опыт?

– Да, очень.

– А вы не видите себя в будущем в модельном бизнесе?

– Да я вряд ли подхожу для него. Хотя мне это было бы интересно – совершенно незнакомая пока сфера, весьма далекая от волейбола. Почему бы не попробовать?

– Понимаю, следующий вопрос не совсем ко времени. И все же: не задумывались еще, чем займетесь после игровой карьеры?

– Всякие разные мысли иногда посещают. Но пока главное – это волейбол. Я еще не все получила от него и не все ему отдала. Если всерьез заниматься своим основным делом, то невозможно отвлекаться на что-то еще. Но мысли определенные есть. Придет время – попытаюсь претворить их в реальность. Надеюсь, что всё получится.

Личное

– Давайте перейдем к коротким вопросам, которые требуют и короткого ответа.

– Задавайте!

– Ваша самая характерная черта?

– Эмоциональность.

– Качества, которые вы больше всего цените в человеке?

– Искренность, открытость.

– Самое яркое воспоминание детства?

– Матч сборных России и США в Туле. Я мячи подавала. У меня карточка дома есть: стою, улыбаюсь рядом со знаменитыми американскими волейболистками Стэси Сикорой и Логан Том. Забавно сейчас на нее смотреть: тогда автограф и фото на память, а позже пришлось играть против них.

– Ваше любимое занятие кроме волейбола?

– Сон. Я так устаю, что мне обязательно необходимо хорошо выспаться, чтобы быстро восстановиться.

– Счастье – что это по-вашему?

– Когда душа спокойна и любимый рядом. И все здоровы, это тоже очень важно.

– Ваш любимый цвет?

– Мне нравится черный.

– А любимый цветок?

– Не поверите, но я совершенно равнодушна к цветам. Прошу мне их не дарить даже на день рождения. Но в последнее время вдруг понравились пионы.

– Есть ли у вас предпочтение в еде?

– Вдруг полюбила морепродукты.

– Есть ли у вас любимое изречение?

– Счастье сопутствует смелым.

Неукрощаемый максималист из Обнинска

Он и сегодня привлекает внимание, а любители волейбола со стажем узнают Александра Савина даже спустя 30 лет, как он отказался выступать за сборную СССР. Он почти не изменился внешне, разве что чуть прибавил в весе да волосы посеребрились. Но характером всё такой же – серебра не признающий – только золото. Во всём. И в жизни, и в спорте.

Лидер по духу и поступкам

В конце семидесятых – начале восьмидесятых мужская сборная СССР под руководством Вячеслава Платонова крушила всех и вся на любых соревнованиях – будь-то чемпионаты или Кубки мира, европейские первенства либо любые другие значимые турниры. И едва ли не каждый из ведущих игроков той действительно звёздной сборной был хорошо известен в стране, во всяком случае, ничуть не меньше, чем футбольные кумиры.

И всё же среди прочих выделялся Александр Савин. И внешним видом – редко улыбающийся двухметровый верзила с орлиным носом и пронзающим до кишок взглядом. Да ещё своеобразным видением происходящего на площадке, а также лидерскими качествами и умением влиять на партнёров почище тренеров. Ну и своим несносным характером – прямолинейным, несговорчивым, упрямым даже. Если что, по его мнению, не так вокруг – без утайки, всю правду-матку в глаза выложит. Невзирая на должности и звания – будь-то министр, главный тренер или человек с лампасами на брюках. В своё время Юрий Фураев, заслуженный тренер СССР, работавший рядом с Платоновым тренером сборной после Владимира Паткина, назначенного главным в женскую команду, специалист уважаемый за объективность и рассудительность, к тому же не раз вступавший в спор со своенравным игроком, дал ему такую характеристику: «Савин – парень непростой, человек оригинальный, в чём-то даже загадочный. Упрямый, обидчивый до крайности, но очень порядочный и добрый. Выше всего почитает справедливость. Он из когорты лидеров. Не просто ведущий игрок основной шестёрки, а образец. Саша на площадке живёт, творит и сгорает. И подаёт партнёрам замечательный пример для подражания. Ведь на него смотрят и пятеро, стоящих рядышком бок о бок в игре, и шестеро, сидящих на скамейке запасных. Бойцовский дух у него развит в высшей степени. Приведу характерный случай даже не

из игровой практики, а из рядовой тренировки. Представьте – общефизический сбор на базе в Сухуми. Нагрузки огромные, все устали донельзя. Даётся очередное задание: двадцать раз подряд двойной прыжок. Кто выигрывает, – от следующего упражнения освобождается. Побеждает Савин и объявляет: «Я отдыхать не стану, буду дальше делать всё с ребятами. То есть «заводит» он народ и притом без малейшей рисовки».

Сказал – отрезал

Меня почему-то всегда подкупали такие неординарные личности, потому, наверное, с первого же появления в стане сборной в канун чемпионата мира 1986 года, у нас с Савиным сложились доверительные отношения, которые не прекращаются и поныне. Просто видимся мы теперь не часто. Но каждый раз общаемся с удовольствием. Несмотря на то, что за все три десятка лет нашего знакомства ни разу не слышал от Саши Савина добрые слова в адрес кого бы то ни было, чьё имя вдруг всплывает в разговоре.

Впрочем, нет, слышал. Мне показалось по памяти, что он говорил что-то хорошее про своего первого тренера, благодаря которому юный обнинский парнишка предпочёл волейбол лёгкой атлетике, плаванию и даже… шахматам и усваивал азы выбранного им вида спорта. И даже написал как-то об этом. Оказалось, память меня подвела, и герой этого очерка позвонил и попросил исправить ошибку. Среди прочих Савин выделял разве что губернатора Калужской области Анатолия Артамонова, человека, почитающего спорт и больших спортсменов, и про известного обнинского бизнесмена Василия Ярзуткина, фаната волейбола, но больше его пляжной разновидности, опекающего специализированную спортшколу, которая сегодня носит имя Савина и в которой выросло уже немало известных волейболистов, в том числе первые юниорские олимпийские чемпионы по бич-волею Олег Стояновский и Артём Ярзуткин.

А уж как Саша костерил Геннадия Паршина, возглавлявшего советскую сборную на том, первом для меня и уже третьем для Савина чемпионате мира. Помнится, на первом этапе французского первенства в день принципиального матча с кубинцами, которым до этого проиграли на международном турнире в испанском Вальядолиде, после утренней тренировки главный распорядился отвезти всю команду на два часа в ближайший мегамаркет.

«Что он вытворяет? – возмущался Савин, выбрав меня в

собеседники, чтобы излить душу. – Бардак какой-то устроил! Ещё толком ни с одним серьёзным соперником не сыграли, а распорядок, как на курорте. Да такое недопустимо вообще, а уж на чемпионате мира и подавно: куда это годится – двухчасовая пробежка по бутикам да лавкам. Попытался вразумить Паршина, что подобное недопустимо. Так он в ответ начал меня урезонивать: мол, ничего страшного не случилось, мы так напряг пред-матчевый у игроков снимаем».

Савинское возмущение не проходило на протяжении почти всех двух недель, что длился чемпионат. А когда, проиграв накануне финальный матч американцам, возвращались из Парижа в Москву, сидевший в самолёте за моей спиной недовольный Слон (это прозвище Савин получил скорее всего за горбатый нос) бурчал всю дорогу: «Надо же, ходит по самолёту такой радостный (это про Паршина. – *Прим. авт.*), будто миллиард лотерейным билетиком урвал. Я места себе не нахожу, а ему – все нипочём. Оказывается, ещё до отъезда во Францию ударил по рукам с руководством Госкомспорта – выигрывать чемпионат не обязательно, достаточно в призёры попасть. Да если бы я знал, что мы едем не побеждать, а размяться, отказался бы играть!»

Что он и сделал по возвращении домой. Просто пришёл в отдел волейбола и сказал Николаю Беляеву, который возглавлял волейбольное подразделение Госкомспорта, а на чемпионате мира руководил советской делегацией: «Больше в сборной на меня не рассчитывайте. Главная причина – усталость. Есть и другие, но говорить о них не стану, боюсь, опять неправильно поймёте».

Расшифрую, что имел тогда в виду отказник. Примерно за год до этого Савин вместе с другим армейцем Юрием Панченко пришли в Управление спортивных игр с идеей заступиться за Ярослава Антонова, савинского земляка и на тот момент сильнейшего диагонального Союза, дисквалифицированного за якобы несвоевременный переход из «Динамо» в ЦСКА, а на самом деле за отказ переехать в Ленинград в команду Платонова. Ведущие игроки клуба-чемпиона страны и сборной пытались доказать руководству, что вынужденный «прогул» ведущего волейболиста, если кому и выгоден, то только в то время главным конкурентам наших волейболистов – американцам, олимпийским чемпионам Лос-Анджелеса.

«Нельзя из-за клубных распрей «отцеплять» на целый сезон таких игроков, как Антонов, – доказывали свою позицию волейболисты. – Зачем своими руками закапывать талант? Ведь Антонов на Кубке мира был включён в символическую сборную

турнира».

Разумеется, о визите к руководству двух ведущих волейболистов страны тут же доложили Платонову. И на очередном, проходившем в Ленинграде туре чемпионата страны с участием всех сильнейших клубов главный тренер сборной устроил публичную порку: собрал популярное в те времена комсомольское собрание и объявил Савина с Панченко «заговорщиками, коалицией, группировкой, которая ходит в спорткомитет с жалобой на тренера и с целью его снять».

Удивительное дело, как тогда оскорблённый Савин сдержался, не полез на рожон, не стал доказывать свою правоту. В принципе, подобное ему несвойственно. Но стерпел несправедливую хулу, затаив при этом обиду на тренера и укрепился в мысли распрощаться со сборной.

Догнать и перегнать СССР

«Что меня больше всего убивало в то время, так это кардинальное изменение атмосферы в сборной, – рассказывал позже Савин. – Полагаю, что всё началось с самого Платонова. Он сделал для нашего волейбола много хорошего, но и не меньше плохого. Я бы разделил период его правления в сборной на два этапа – до 1982 года и после. Долгое время считал его великим, как и все вокруг. И так был предан тренеру, так верил ему, что, прикажи Вячеслав Алексеевич штурмовать Зимний – не раздумывая ринулся бы вперёд, да не один, а со всеми, кто играл в команде на рубеже восьмидесятых.

Но позже изменил своё мнение. Главная претензия – скажем так, работа с кадрами. У нас появились игроки, которые – как бы это помягче? – оказались для тренера не слишком удобными. Тот же Александр Сапега, старший брат больше известного в стране Юрия. Со временем Платонов решил избавиться от неугодных. И в сборной оказались волейболисты, класс игры которых не соответствовал уровню лидеров. Пребывали они в национальной команде лишь потому, что играли в ленинградском «Автомобилисте», который, помимо сборной, возглавлял Платонов. До пяти человек – чуть не половина состава – были оттуда, хотя в чемпионате страны клуб в призёры-то редко попадал. Атмосфера в сборной накалилась. Высказываю собственную точку зрения, допускаю, что у других она может быть иной. При этом газеты продолжали петь осанну сборной и тренеру, а на редкие критические замечания внимания не обращали».

Между тем, сборная выступала всё хуже – товарищеские серии матчей с американцами и бразильцами были проиграны вчистую. Хорошо, что хоть в официальных соревнованиях победы ещё одерживали. При этом не исключаю, что от постоянных проигрышей команде США у игроков образовался если и не комплекс, то какая-то зажатость, скованность. Не они ли в конце концов и сказались на поражении в финальном матче в Париже?

«Ты знаешь, кого мне напоминают американцы? – размышлял Савин в другом разговоре. – Нашу сборную образца семидесятых. Когда мы из кожи вон лезли, доказывая, что сильнее всех и нам нет равных в мире. Перед нами маячила цель – потеснить с пьедестала законодателей волейбольной моды поляков. И мы целенаправленно делали всё для её достижения.

Вот так и американцы. Сегодня это честолюбивая, настырная и хорошо обученная команда. А кто знал о ней ещё лет пять назад? На последнем победном для нас чемпионате мира в Аргентине в 1982-м сборная США финишировала только 13-й. Сегодня же американцы поотбирали у нас все титулы. Ничего себе рывочек за четыре года!

Что мы могли противопоставить взамен? Только тактические сюрпризы и стойкий характер. Увы, сборная СССР, на мой взгляд, последние годы топталась на месте, ничего сверхнового придумать не старалась. Довольствовалась добротным, но старым багажом. И это тогда, когда те же французы научились крутить очень хитрые комбинации, бразильцы толково применять силовую подачу в прыжке, у американцев во всех расстановках мяч принимали два одних и тех же волейболиста, кубинцы к своим традиционным достоинствам добавили приличную общую игру, изыскали неординарного пасующего. Другими словами, конкуренты наши, каждый в чём-то своём, заметно продвинулись вперёд. А в тех элементах игры или амплуа, где мы имели несомненный перевес, к нам подтянулись, стали вровень, если не обогнали.

При таком стечении обстоятельств победить на чемпионате мира мы могли, только если бы каждый из нас сыграл на пределе. Но рвения во что бы то ни стало обыграть новоявленных олимпийских чемпионов ни у кого не почувствовал. Да и сам сыграл не лучшим образом, так что определённой вины с себя не снимаю. Но скажу так: главного – коллектива, способного горы свернуть, – у нас уже не было».

Четыре армейских поколения

В общем, он решил уйти из сборной. При этом оставаясь капитаном сильнейшего волейбольного клуба страны и Европы – ЦСКА. Вообще же его появление в стане столичных армейцев было не случайным.

«Однажды приехал к нам в Обнинск Юрий Борисович Чесноков, тогдашний главный тренер ЦСКА, – признавался Саша, рассказывая о первых шагах в большом волейболе. – Посадил меня в машину и отвёз в столицу. Не сразу там задержался, но 10-й класс заканчивал уже в Москве. И как сейчас помню точную дату, когда меня поставили на ставку в ЦСКА – 22 октября 1973 года. Рублей 100 получал – по тем временам деньги немалые. Например, моя мама – инженер на Обнинской атомной станции, между прочим, первой в мире, куда они с отцом поехали по распределению после окончания МГУ, зарабатывала не намного больше – 120 рублей».

Савин пришёл в ЦСКА, когда на ведущих ролях там были Ефим Чулак, Юрий Старунский, Владимир Паткин. Волейбольные идолы семидесятых! Все они были лет на 10–12 старше обнинского вундеркинда. Ушёл Савин с площадки окончательно в 31 – раньше срока, ещё лет пять вполне мог бы играть. Завершал карьеру с теми, кто был моложе него, уже гранда, лет на десять.

«Посчитал не так давно: четыре поколения волейболистов сменилось за годы, что выступал я в армейском клубе, – откровенничал со мной Слон. – Учился у стариков – прежде всего у Чулака со Старунским, обоим очень многим обязан. Потом тянулся в игре за теми, кто был постарше и поопытней меня – Владимир Кондра, Олег Молибога, второе по моим меркам поколение. Затем пришёл черёд моих сверстников – Сапеги-старшего, Панченко, Александра Сороколета. Наконец, застал Сапегу-младшего, Андрея Кузнецова, даже Диму Фомина. Получилось – мяч, сетка и четыре поколения игроков…

А вот тренеров у меня за все годы в клубе и сборной было всего четыре – Чесноков и Валерий Клигер в клубе, тот же Чесноков, Платонов и Паршин – в сборной».

Он сделал быструю карьеру – в 18 лет Савин уже чемпион Европы и среди юношей, и среди взрослых. И это при том, что с амплуа определился не сразу. Рассказывал, что какое-то время Чесноков пытался сделать из него связующего. Но всё-таки остановились на «должности» центрального блокирующего. Тем более, что природа-мать не обделила юное дарование: прыгучестью Александр обладал невероятной – случалось, по пояс над сеткой взмывал, а ударом обладал такой силы, что пол трещал. Но всё это пришло не сразу, а после многолетних и упорных тренировок. Впрочем, о любви максималиста Савина

быть во всём первым и лучшим чуть выше поведал Фураев. Не случайно до сих пор тысячи последователей выдающегося мастера учатся ставить блок – прием, которым он владел в совершенстве, – а-ля-Савин.

Сам волейболист, выступавший всю свою карьеру только за один клуб – ЦСКА с 1974 по 1988 годы, как-то насчитал в своей богатейшей коллекции наград более 70 только золотых медалей за победы в различных соревнованиях и турнирах. Но самые ценные из них – олимпийская Москвы-80, две за чемпионаты мира 1978 и 1982, две за Кубки мира, шесть за чемпионаты Европы и аж 13 за победы в чемпионатах СССР.

Завершив активные выступления, он надеялся, что его знания и богатый опыт могут быть полезны многим, и он пойдёт нарасхват. Но ошибся. Как многие из волейболистов того времени да и сегодня в не меньшей степени, Савин оказался невостребованным в Союзе. А, может, просто не хотели связываться со строптивым, требовательным и совсем ещё зелёным специалистом?

Тогда он уехал на Мадагаскар, где два года тренировал армейских волейболистов этого островного государства в Индийском океане. Вернулся – опять никому не нужен.

«Потом была заведомо провальная эпопея создания первой частной команды в России, – признавался Савин. – Имею в виду столичный «Рассвет». И ведь я предупреждал людей: подобное начинание – авантюра, не подкреплённая тогдашними реалиями. Не верили. В итоге команды не стало». Попробовал Александр Борисович себя на посту наставника юношеской сборной – и вновь не получилось так, как хотел бывший игрок. До 2000 года трудился в Нижневартовске с местным «Самотлором», но серьёзных успехов, как в первые годы существования команды, югорские волейболисты не добились. Затем какое-то время занимал пост государственного тренера по волейболу в Агентстве по физической культуре и спорту РФ, избирался депутатом Обнинского городского Собрания. Основал Фонд развития физической культуры и спорта олимпийского чемпиона Александра Савина.

Когда же на рубеже веков Международная федерация волейбола решила определить лучшего волейболиста XX века, в первоначальном списке в числе номинантов фамилия Савина не значилась. Вообще в том перечне претендентов не нашлось места ни одному из советских волейболистов, хотя титулованнее сборной СССР за всю историю популярной игры не существовало.

Тогда необъективностью сотрудников ФИВБ, которые, уверен в этом, действовали по велению Малю, жены президента

федерации Акосты, страшно ненавидевшей в этот период времени всё, что было связано с Россией, возмутились не только в нашей стране – их поддержала вся мировая волейбольная общественность. Так в расширенном листе появилась фамилия не только Савина, но и выдающегося игрока пятидесятых годов минувшего столетия Константина Ревы, и лучшего пасующего мира на рубеже 70–80-х годов Вячеслава Зайцева. А в шорт-листе наряду с американцем Карчом Кираем, итальянцем Андреа Дзордзи, японцем Кацутоши Некодой остался только Савин.

Выиграл же – и это совершенно справедливо – американский суперволейболист. Правда, Малю и здесь не могла не вмешаться, приплюсовав к имени трехкратного олимпионика своего любимца итальянца Лоренцо Бернарди, который уступал по титулам и наградам тому же Савину, да и в шорт-лист не входил. Но для Малю не существовало никаких правил: она всегда делала то, что считала нужным. Но об этом я уже рассказывал…

22 октября 2010 года Александр Савин стал 11-м из соотечественников, кто был принят в «Зал славы волейбола» в американском Холиоке. На это решение Малю Акоста уже повлиять не могла, тем более, что к этому моменту её муж уже не был первым лицом в ФИВБ.

Кутюрье от волейбола

Свой последний матч как игрок он провёл в 40 лет. 14 ноября 1992 года в матче Кубка кубков швейцарский «Лугано», где Вячеслав Зайцев завершал карьеру, встречался с испанской «Сорией». А его сын Иван – один из сильнейших волейболистов мира и лидер сборной Италии, недавно заявил, что собирается выходить на площадку никак не меньше, а, может, и дольше, чем отец…

Долго над заголовком не раздумывал. Вообще-то, процесс этот иногда бывает весьма продолжительным и мучительным. Причём случается, что и материал уже готов, а нужные титульные слова никак не находятся. А тут всё как-то само собой сложилось.

Полный тёзка нашего героя – личность известная и видная, с телеэкранов одно время не сходила, когда выступал ведущим популярной передачи «Модный приговор», модельер или, иначе, кутюрье Вячеслав Зайцев. Но и наш Зайцев, волейбольный, тоже ведь в своём роде художник, дизайнер, закройщик, да придумывайте ещё с десяток синонимов, только при этом непременно добавляйте другое слово – игры. От его действий на площадке на самом деле определялся рисунок действий команды. Потому что специальность волейбольная у него такая – связующий, иными словами, волейболист, который держит нити происходящего в матче в своих руках и управляет ими на своё усмотрение. Скорее даже по видению ситуации на площадке. Не дирижёр, нет, это сравнение, скорее, относится к тренеру. Но первая скрипка, запевала – точно связка.

Пусть кому-то и немного банальным покажется такое начало этого мини-очерка, но я на таковых не в обиде: пусть думают как им хочется и нравится – у каждого человека своё мнение, правда же? На вкус и цвет товарищей нет – золотая поговорка. Вот и отношение к моему герою в волейбольном мире сложилось такое же неоднозначное – одни его ценят, уважают и чтут, в большей степени за границей, где помнят игру выдающегося пасующего не только в советских клубах и сборных, но и в зарубежных. А другие почему-то воспринимают несерьёзно, некоторые даже с какой-то ехидцей, забывая (а, может, и не зная), про его титулы и звания в бытность игроком, не говоря уже о том, что взлёт белгородского клуба в середине 90-х годов, точнее в 1995-м, и первые награды – серебро чемпионата и Кубок страны – заслуга Зайца, или ласкательно Зайчика, как чаще называли в обиходе известного игрока, помогавшего в те годы Геннадию Шипулину. И в то, что Вадим Хамутцких на долгие годы стал ведущим связующим

сборной России, а Сергей Тетюхин остаётся её подлинным лидером, внёс свою немалую лепту именно Зайцев. Не верите мне, спросите у самих игроков, они с удовольствием подтвердят, что относятся к своему учителю с огромным пиететом.

Собственно, сам факт, что завершивший карьеру известный игрок, вернувшийся из «итальянской ссылки» после семи лет пребывания за границей, оказался невостребованным на родине, явление по нынешним временам обычное. Но Зайцев-то был первым, самым первым из советских волейболистов, кому разрешили (горбачёвские времена: перестройка, гласность и т. д.) выехать играть за рубеж, да не куда-нибудь, а в Италию, но с условием – только не в ведущий клуб, который на виду и мог бы составить конкуренцию советским командам в еврокубках, а в заштатный «Сполето» из второй итальянской лиги А2. Да и контракт у нашего первопроходца был по нынешним временам мизерный, даже смешной, потому что заключал его не лично игрок, а представитель специально для подобных случаев созданной организации «Совинспорт», присваивавшей себе большую часть причитающихся спортсмену (или тренеру, значения не имело) денег, якобы, в пользу государства. Это был неприкрытый грабёж. Но таковы были установленные в те годы совдеповские правила. К тому же ежемесячно Слава должен был наезжать в Рим, в посольство, чтобы платить обязательные партийные взносы даже из той незначительной суммы, которую зарабатывал, честно трудясь на площадке. А ведь речь-то шла не о каком-то второстепенном игроке, а подлинной звезде мирового волейбола – олимпийском чемпионе, двукратном чемпионе мира, семикратном обладателе европейского золота, не раз признававшимся самым ценным игроком различных турниров, в том числе и Кубка мира 1981 года.

Он всю жизнь был верен своему клубу – ленинградскому «Автомобилисту», куда 17-летним пришёл из спартаковской спортшколы, и своему тренеру – Вячеславу Платонову. Как, впрочем, и наоборот. «Зайцев – самый близкий мне человек в команде, – писал Платонов в своей первой книге «Уравнение с шестью известными» в 1983 году. – С ним мы съели не один пуд соли: почитай, живём под одной волейбольной крышей 16 лет. С Зайцевым я могу быть откровенным, как с самим собой, не опасаясь, что он злоупотребит доверием, не боясь, что потребует для себя, которому пока нет замены, особых привилегий».

Он и не требовал их никогда и ни у кого, соглашаясь на любые приемлемые условия. Только чтобы были они не совсем уж унизительными для специалиста такого класса. Потому и оказался на некоторое время в более чем скромном, в том числе и

по своим финансовым возможностям, воронежском «Кристалле» из высшей лиги «Б», который пообещал при определённых условиях вывести за несколько лет в класс повыше, а там, глядишь, и в суперлигу. И ведь в самом деле команда при Зайцеве вышла в дивизион «А».

А до этого поработал бок о бок со своим учителем – Платоновым в сборной, куда тот пригласил Зайчика в помощники весной олимпийского 1996 года. Зайцеву вменялось в обязанности заниматься со связующими – самым слабым звеном сборной тех лет. Впрочем, по признанию Зацева, некогда лучшего пасующего мира, очень скоро ему и другому платоновскому помощнику и опять-таки ученику Олегу Молибоге, главный тренер дал понять, где их истинное место, заявив: «Вы – никто».

«Единственное, в чём всё-таки удалось убедить Платонова, – рассказывал мне двадцать лет назад Зайцев, – это включить в олимпийский состав Вадима Хамутцких, пасующего из Белгорода».

После Атланты Молибога, остававшийся главным тренером ЦСКА, заявил, что с Платоновым больше в сборной работать не намерен. Зайцеву же деваться было некуда, и он обратился к учителю с просьбой вернуться в родной петербургский «Автомобилист», которому служил верой и правдой 16 сезонов и в котором незадолго перед этим Платонов стал совмещать посты президента и главного тренера. В ответ, по признанию Зайцева, последовал отказ со ссылкой на отсутствие тренерских вакансий и безапелляционное: «Не любят тебя в Питере. Много дерьма сделал. Интервью раздаёшь журналистам направо-налево. Себя выпячиваешь». Когда же бывший игрок попросил продемонстрировать хотя бы одну газету с, якобы, его высказываниями, последовало молчание.

Это было, напомню, после Игр в Атланте. А во второй раз Платонов решил выяснить отношения с Зайцевым в июле 1997-го, спустя почти год. Это были не лучшие для сборной России времена, в которой учитель с учеником продолжали работать бок о бок.

Тогда, в канун финального турнира Мировой лиги 1997 года в Москве, у главного случился очередной тяжелейший приступ язвенной болезни, ему пришлось вновь лечь на операцию, как за десять лет до этого, а раздрызганная сборная с массой травмированных ведущих игроков, проигравшая в групповом турнире едва ли не все матчи, перед домашним зрителем в «Олимпийском» не имела права предстать полным неудачником. И Зайцев, номинально считавшийся помощником Платонова, должен был за короткое время что-то изменить, подправить, но не

ударить в грязь лицом со своей полукомандой. И он вышел из положения, заняв в итоге третье, вполне достойное по тому составу место.

Только об этом почему-то не любят вспоминать. Причём останься тогда Зайцев у руля, уверен, не было бы такого позорного провала россиян на чемпионате Европы-1997 в Голландии. Но ещё не до конца восстановившийся после тяжёлого недуга в команду вернулся Платонов, напрочь отказавшийся тогда вообще общаться со своим помощником. В тот момент по Питеру ходили слухи о заговоре игроков команды против своего главного тренера и даже о якобы отравлении – по наущению Зайцева. Прямо-таки шекспировский сюжет.

Итогом разборок стало категорическое заявление Зайцева руководству ВФВ: он более с Платоновым работать не желает и готов подать заявление об уходе. В ответ услышал от тогдашнего президента ВФВ Валентина Жукова: мол, заявление об уходе он подать вправе, только по закону обязан отработать положенные два месяца. Так и отправился Зайцев со сборной в Финляндию, где сборная готовилась к главным событиям сезона – отборочному турниру к чемпионату мира 1998 года в Польше и чемпионату Европы в Голландии. На отборе под началом Зайцева россияне легко обыграли всех соперников.

Ну а чемпионат Европы, на котором правил уже сам Платонов, был провален. Вообще зрелище, когда сидящие бок о бок на скамейке два тренера вообще между собой не общаются, было, мягко говоря, странным. Тем более, что скрыть взаимную неприязнь было невозможно.

До сих пор не знаю, какая кошка пробежала между двумя некогда неразлучными и уважавшими друг друга людьми. Правда, в конце концов пришёл к выводу, что скорее всего это ревность учителя, которую он стал неожиданно питать к своему ученику. Потому что сам когда-то прошёл через подобное же испытание.

После голландского провала сборной в 1997-м Зайцев опять остался не у дел. И вновь отправился в Италию, где давно жила его старшая дочь Анна и где делал первые серьёзные шаги в волейболе родившийся в день финала сеульской Олимпиады Ванька.

Тот день – 2 октября 1988 года запомнил на всю жизнь. И не только потому, что потом доктора обнаружили рубец на сердце от микроинфаркта от переживаний после проигрыша советских волейболистов команде США в решающем матче в последний день Игр. Но и последующими событиями, когда все члены советской делегации, блестяще выступившей и завоевавшей аж 50

золотых медалей, веселились чуть ли не ночь напролёт.

Я же и чувствовал себя плохо, даже толком описать всё, что произошло в финале, был не в состоянии. Потому мне было не до праздничных радостей и возлияний. Благо Зайчик зазвал прогуляться до расположенной здесь же, в Олимпийской деревне, круглосуточно работавшей почты, где находился переговорный пункт, и позвонить в итальянский Сполето, где у Славы должен был вот-вот появиться на свет второй ребёнок. Так я первым после отца узнал о рождении Ивана. И уж это-то событие, несмотря на нездоровье, нельзя было не отметить… Сын оказался способным учеником, только вот пасующий из него, как того поначалу добивался отец, не вышел: Ивану Зайцеву нравилось забивать. Плюс ко всему, юный продолжатель отцовского дела долгое время не получал нужного игрового времени ни в «Перудже», где делал первые шаги в большом волейболе, ни затем в «Роме», находясь за спиной звезды итальянского волейбола, чемпиона мира и Европы Паоло Тофоли, который даже в приличном возрасте демонстрировал свой класс, ни позже в «Латине». И решил переквалифицироваться, сменив амплуа. Он вернулся в Рим на позицию доигровщика – и сразу был взят на заметку тренерами «Скуадры адзурры». И на чемпионате Европы 2011, и на Олимпийских играх в Лондоне, где итальянцы стали бронзовыми призёрами, Зайцев-средний (два года назад в Москве у него родился сын Саша) играл на приёме.

И вот тут он действительно стал забивать. И помногу. Причём наколотил в одном из сезонов, когда выступал за скромную столичную «Рому» больше всех в итальянском скудетто и был признан самым результативным игроком регулярного чемпионата Италии. Надо сказать, что случилось подобное впервые за всю историю волейбола на Апеннинах. Обычно больше всех очков записывали на свой счёт и признавались самыми-самыми диагональные. Иван же в «Роме» выступал на позиции доигровщика. Именно тогда игрок заработал самый престижный приз скудетто – стал MVP чемпионата Италии 2012 года.

А потом Мауро Берутто перевёл способного русского итальянца на вакантное и дефицитное место диагонального. И Иван смотрелся на новой позиции очень естественно и комфортно, принося национальной команде много пользы. И в московском «Динамо» отыграл два сезона на этой позиции. А вернувшись в «Перуджу», вновь занял место доигровщика.

«Отец поначалу сильно ворчал, – признавался Иван, – он, конечно, хотел видеть меня связующим, но потом успокоился. К тому же увидел, что у меня неплохо получается: пошли результаты, попал в сборную. Я был связующим, доигровщиком,

диагональным, на тренировках играл центрального несколько раз. Осталось попробовать себя в роли либеро – и будет полный набор!»

У Зайцева-среднего сегодня своя жизнь, он ведущий игрок сборной Италии. А вот старшего не подпускают даже к молодёжной сборной, с которой он в 2006-м выиграл чемпионат Европы, а в 2007-м проиграл лишь в финале бразильцам на чемпионате мира в Марокко, хотя в групповом турнире их победил.

После многочисленных мытарств в большей степени на подхвате в Москве, Калининграде и Белгороде, старший Зайцев и принял решение взять никакую команду и довести её до определённого уровня…

Сегодня он насовсем перебрался в Белгород, где помогает растить новых связующих из резервных команд белгородского клуба и на сборах работает с ведущими пасующими основного состава.

Поймал себя на мысли, что вообще впервые так подробно пишу о Зайцеве. А ведь дружны мы те самые тридцать лет, что связывают меня с волейболом. Скорее всего, сработало есенинское «Лицом к лицу – лица не увидать. Большое видится на расстояньи».

И вот давно не общаясь – разве что по телефону, – вижу, что может Зайцев сделать для нашего волейбола гораздо больше, чем уже дал ему.

«Талант связующего – самый редкий волейбольный талант, – писал Платонов в уже упоминавшейся выше книге. – Высококлассным связующим, таким, как наш Зайцев, надо всё-таки родиться. Труд подвижнический, само собой, необходим.

Как необходимо и хорошее волейбольное образование, и общение с мастерами крупного калибра, и постоянный самоанализ, самосовершенствование».

В спорте частенько перефразируют известное товстоноговское выражение, что хороший актёр никогда не станет хорошим режиссёром, а классный спортсмен – выдающимся тренером. Но не всегда оно подтверждается. Как в театре, так и на спортивной арене. И наш кутюрье от волейбола весь свой игровой талант старается трансформировать и на тренерское поприще. И это ему, судя по всему, неплохо удаётся.

III. В третий раз в одну и ту же реку

Гераклиту вопреки

Он дважды становился у руля российской волейбольной сборной пока не добился своей главной победы в жизни.

А потом пришёл в сборную в третий раз. Вопреки весьма распространенному выражению, что «нельзя дважды войти в одну реку», которое приписывают древнегреческому философу Гераклиту. Но любое выражение – не догма, и древняя мудрость – вещь не универсальная и легко опровергаемая. Как в нашем случае. Однако с другой стороны, не найдется оппонентов утверждению, что смысл, заложенный в сентенции «в одну реку нельзя войти дважды», более широкий, чем представляется на первый взгляд. Нельзя течение пустить вспять, нельзя повторить конкретный момент в конкретной точке времени, нельзя вернуться назад и что-то изменить и т. п. С этим не поспоришь.

И тем не менее, можно начать что-то заново, можно повторить нечто с какими-то изменениями, можно кое-что понять, переосмыслить, переделать, наконец. Владимир Алекно все так и делал. Или, как минимум, пытался делать. Иногда получалось, и неплохо. Но бывали и неудачи, обидные и досадные…

В советской, а позже и в российской волейбольной истории можно отыскать вовсе неутешительные примеры второго и даже третьего пришествия в национальную сборную одного и того же тренера. Правда, бывали и обратные варианты, когда новое появление старого специалиста во главе главной команды страны, оказывалось ничуть не хуже его первоначального прихода на ту же должность.

Так, мужская сборная СССР, ведомая еще совсем молодым тренером Вячеславом Платоновым, с 1977 по 1985 годы не

проиграла ни одного значимого соревнования, проводимого ФИВБ или континентальной конфедерацией. Когда же этот успешный специалист вновь принял первую команду страны в начале девяностых годов после работы по контракту за рубежом, выиграть удалось только раз чемпионат Старого Света да завоевать бронзовые медали чемпионата мира. Третий же приход Платонова в сборную России вообще оказался неудачным – четвертое место на Играх-1996 в Атланте и пятое на чемпионате Европы-1997…

Николай Карполь, во второй раз возглавив женскую сборную страны в 1988 году после шести лет паузы, сразу же выиграл с ней Олимпийские игры в Сеуле, через два года привел к победе на чемпионате мира в Китае, а потом еще полтора десятилетия вполне успешно руководил командой и привозил на родину награды едва ли не всех значимых турниров.

Объединяло этих великих специалистов, имена которых красуются в Зале славы мирового волейбола в американском Холиоке, то, что они с самых первых шагов демонстрировали свою состоятельность как тренеры национальных сборных.

А вот Владимиру Алекно поначалу никак не удавалось выиграть со сборной ни одного соревнования. Самым обидным было поражение в финале от сборной Испании на домашнем чемпионате Европы 2007 года в Москве. Для соперника это был потолок, которого он вряд ли достигнет в обозримом будущем. Для россиян же неудача просто-напросто продлила череду беспобедных турниров высокого ранга (Кубки мира и Мировую лигу во внимание не беру – только Олимпийские игры, чемпионаты мира и Европы).

Потом был досадный проигрыш американцам в полуфинале Олимпийских игр в Пекине, когда российская команда была готова как никогда и нацелена исключительно на золото. Бронзовые олимпийские медали не удовлетворили амбициозного тренера, и он ушел из сборной.

Два года спустя Алекно согласился вновь войти в ту же реку. В интервью после второго назначения в сборную России поздней осенью 2010 года тренер откровенничал: «Мне кажется, я смогу создать коллектив, который будет способен сделать то, чего не удавалось никому 20 лет – выиграть большое и значимое соревнование».

Казалось, прошлые просчеты забыты, российская сборная с блеском выступила на финале Мировой лиги-2011 в Гданьске. Вокруг только и разговоров, что россияне достигли такого уровня, что готовы обыгрывать кого угодно – игроки и вправду демонстрировали волейбол высочайшего класса. Уже знакомый

нам и не раз упоминавшийся в этой книге Андреа Анастази, который руководил той испанской сборной, победившей в 2007-м команду Алекно в Москве, в разговоре со мной в канун полуфинала Евро-2011 признавал возросшее мастерство подопечных своего российского визави и изменившиеся взгляды на ведение игры самого тренера. В очередной раз все ждали, что наконец-то европейская вершина покорится сборной России. В этом были убеждены и сами игроки, но…

Очередная на самом деле глупость не позволила сыграть в полуфинале чемпионата Европы с сербами в полную силу: один из ведущих игроков стартового состава взял из гостиницы майку соседа по комнате. Пока ездили в отель, подготовка к игре была скомкана, концентрация нарушена, все мысли были вовсе не о предстоящем матче – и первая партия была проиграна. А потом, как это часто бывало, остановить поймавшего кураж соперника не получилось.

Но Алекно при этом сетовал на какой-то непонятный рикошет, помешавший добыть нужное очко, да на судью, из-за которых матч и был проигран. И потом не раз в разговоре со мной повторял, что он невезучий, что, наверное, команда проигрывает из-за него.

Несколько скрасила упаднические настроение тренера уверенная победа на Кубке мира-2011, куда Россия попала благодаря wild card. А потом и выигрыш с «Зенитом» Лиги чемпионов ЕКВ. Причем, именно тогда, в польском Лодзи в марте 2012-го, в кульминационный момент пятой партии Алекно решился на совершенно неординарный ход, дабы сбить соперника (местный клуб «Скра») с толку окончательно: он дважды кряду (ничего подобного за десятилетия в волейболе не видывал) взял положенные ему на пятую партию, но не использованные до того полуминутные тренерские тайм-ауты…

Рождение команды

На первый предолимпийский сбор в Новогорск тренер приехал с опозданием: в Германии ему была сделана серьезная операция на позвоночнике, куда вживили металлические пластины. Так что отныне Алекно летает со справкой: иначе ему не пройти контроль безопасности ни в одном аэропорту.

Тренер признавался в канун лондонской Олимпиады: «Нашу работу принято оценивать по конечному результату, но я не считаю сей факт определяющим. Да, мы выиграли несколько турниров, но я еще не чувствовал, что удалось создать команду. И

только сейчас, когда я встретился с волейболистами сборной после некоторого перерыва и произнес банальную вроде бы фразу: «Здравствуйте, ребята! Я рад всех вас видеть», – меня тронула их реакция. Чтобы правильно оценить происшедшее, надо было присутствовать при этом. Кто-то подошел обняться – из тех, кто со мной прошел предыдущий год, да и раньше тренировался. Новички просто поздоровались. Но гораздо больше был рад докладу моего помощника, что те десять дней, что игроки работали в мое отсутствие, ни к одному из них не было никаких претензий. Все сегодня не так. Поверьте, у меня есть с чем сравнивать. Хотя бы с моим первым пришествием в сборную в 2007-м. Могу утверждать: изменения произошли в отношении к делу, которым мы занимаемся. Наверное, пришло осознание своей значимости. Игроки стали другими. И я понял, что с такими людьми можно побеждать кого угодно».

Что произошло в олимпийском Лондоне, наверное, до сих пор остается для многих загадкой. Просто рисковый руководитель решился на очередной неординарный поступок: по ходу матча изменил игровые амплуа ведущих волейболистов, заставив соперников недоумевать. И пока те разбирались, что к чему, россияне смогли стать хозяевами положения на площадке и после 0:2 по партиям и 19:22 в третьем сете перевернули все с ног на голову.

После Лондона Алекно долго не мог принять решение, продолжать работу в сборной или уйти. Только в январе 2013-го объявил, что отныне сосредоточится только на тренерской деятельности в клубе. «Уходить из «Зенита» не собираюсь. Продолжать работать со сборной, памятуя постоянно, что опускаться ниже высоко поднятой планки ты не имеешь права, пока не в состоянии из-за проблем со здоровьем. Ведь я отношусь к тем представителям нашего тренерского цеха, которые ответственно подходят к каждому турниру, к каждому отдельному матчу. А только за один, подобный нашему лондонскому финалу, можно заработать предынфарктное состояние».

Слушал тренера, понимал его, входил в положение, но был убеждён, что Романыч еще не сказал своего последнего слова и как тренер сборной. И хотя команда России, руководимая последователем Романыча Андреем Воронковым, выиграла чемпионат континента после 22-летнего перерыва, победила в Мировой лиге и доказала, что равных ей сегодня в мире нет, уверенности в правильности выбранного новым тренером направления движения не было. Что и было доказано очередной неудачей на чемпионате мира 2014 года. При этом какие бы

объективные аргументы очередного пятого места сборной не приводились в качестве оправдания, игра команды, мягко говоря, не смотрелась, да и глаза волейболистов не горели, как даже за год до того, никаких поступательных действий не наблюдалось.

Итог деятельности Воронкова оказался плачевным: 11 поражений подряд в официальных групповых соревнованиях Мировой лиги и полное отсутствие контакта, даже абсолютное непонимание между тренером и игроками привели к вполне логичной тренерской отставке. Времени на исправление положения – и это в тяжелейший предолимпийский сезон отборочных соревнований к Рио-де-Жанейро – было ограничено донельзя. И изменить ситуацию мог только один человек – Владимир Алекно. Это понимали все. Осознавал это и сам Романыч.

Так и пришлось ему в третий раз войти в ту же реку.

Единое целое

Отправился в такой знакомый, даже родной Волейград, что под Анапой, чтобы посмотреть, что происходит в сборной в канун Кубка мира-2015, и в который раз пообщаться с Алекно. И увидел на тренировках совершенно иную картину в сравнении с той, что царила при Воронкове.

– По ходу наших многочисленных бесед после лондонских Игр вы никогда не говорили, что не вернетесь в сборную. И вот это случилось вновь. В третий раз. Когда впервые посетила мысль, что пора вновь впрягаться в «телегу»? Когда наблюдали за матчами Мировой лиги в Казани? А может быть ещё раньше?

– Для начала хочу прояснить ситуацию. Мне неоднократно приходилось видеть различные варианты тренерских уходов из сборных. Одни хотели навсегда остаться триумфаторами – и покидали свой пост после больших побед, дабы остаться в памяти всех реальным победителем. Другие оказывались на щите и вынужденно оставляли почётное, но очень ответственное место. Случалось, возвращались и добивались результата, бывало и наоборот. Первый случай не про меня. Потому что я никогда не говорил «никогда больше». После Лондона, когда накопилась естественная психологическая усталость, решил сосредоточиться на работе в клубе. И смог добиться с казанским «Зенитом» неплохих результатов. Я – человек эмоциональный, даже, наверное, сверхэмоциональный: во мне поражения держаться неделями, а победы часами. Посему в какой-то момент почувствовал, что не в состоянии дать тот результат, который от

тебя все ждали. В моём случае – новых успехов на всех фронтах. Я не спал месяцами, переживал, анализировал, мучил себя за какой-то даже незначительный проигрыш… И в какой-то момент почувствовал, что меня может не хватить… Это глобальная причина, из-за которой я три года назад решил уйти из сборной. Были и другие, менее значимые.

О возвращении в национальную команду не думал, как вы правильно отметили, до тех проигранных матчей сборной в Казани в июне. Плюс многие знакомые и незнакомые люди, видя происходящее со сборной, постоянно интересовались, когда я вернусь к руководству главной команды. На что я каждый раз отвечал, что у сборной есть тренер, что на его счету несколько удачных выступлений – победа в Мировой лиге, выигрыш чемпионата Европы. Но обращения различных специалистов и простых любителей волейбола, разумеется, стали определенным стимулом для принятия решения – в тебя верят, тебя ждут. Но перед сезоном полагал, что, несмотря на сложную группу, команда должна была пробиваться в финальную часть Мировой лиги в Рио. Либо поляков, либо американцев она была способна обыграть. Не говоря уже про Иран.

Но наблюдая за матчами в Казани, не увидел команды – на площадке находились знакомые игроки, но не было игры. Тогда и решил, что так больше продолжаться не должно, нужно срочно включаться и исправлять ситуацию. Ведь в жизни постоянно приходиться что-то доказывать. Прежде всего, себе самому, но также коллегам, игрокам, да и вам – журналистам. При этом не считаю себя семи пядей во лбу – я такой же, как и другие тренеры. Только сегодня оказался на правом фланге, первым среди равных. Для меня это огромная честь вновь встать у руля сборной.

– Как вас встретили ребята?

– Можете спросить парней, они подтвердят, что на первом же собрании я призвал к главному, что считал в создавшейся ситуации: все призванные под знамёна должны забыть о своих титулах и званиях. Олимпийскими чемпионами сегодня вправе называть себя те, кого с нами сейчас нет, – Волков, Хтей, Соколов, Бережко… Подспудная мысль, что ты сильнее, что за спиной победы в серьезных соревнованиях невольно посещала каждого. И это мешало – нас стали бить. Чего мы не имеем права позволить. Я никогда не проигрывал Ирану. Это вообще недопустимо. И мы больше этой команде не проиграем. Но для этого надо каждый день работать, забыв обо всём.

– Как домашние отнеслись к вашему возвращению в сборную?

– Они всегда были готовы к моим неординарным шагам. И на

сей раз никаких возражений ни от кого не услышал. Никто, конечно, не прыгал до потолка от радости, потому что все понимали, что на ближайшие два года вместе мы сможем быть в лучшем случае неделю в году, не больше. Таковы правила нашей жизни.

– За три года, что вы не работали со сборной, что-то изменилось в вашем тренерском взгляде? Может быть, вы теперь иными глазами смотрите на происходящее, ведь волейбол, хоть и консервативный вид, но всё-таки меняется?

– Да по большому счёту ничего существенно нового не произошло. Та работа, которую мы годами делали и делаем, давала и даёт результат. Посему серьёзных новшеств не требуется. Какие-то мелкие нововведения случаются, но это зависит от возможностей отдельных игроков. Самое важное, фундаментальное даже – навести дисциплину, порядок, наладить взаимопонимание с парнями. Мне важно, чтобы они понимали, что я сижу с ними в одной лодке. Мне уже не нужно завоёвывать авторитет, проявлять тоталитарность, совсем не хотелось бы, чтобы меня боялись – с этим покончено давно, ещё со времени моей работы в московском «Динамо». Понимаете, одно дело говорить «мы вместе, мы – единое целое», и совсем другое дойти до сути этого понятия. Так вот я чувствую, что ребята прониклись этой сутью.

Многие приехали в Волейград с семьями – это была их просьба, и я пошёл навстречу. Но у нас уговор, что, начиная с третьего этапа подготовки – с переезда на базу в Новогорск, игроки должны забыть обо всём и всех – о собственных травмах и больных родителях, любимых жёнах и детях, чтобы на месяц – до 24 сентября ребята отрешились от всего и жили исключительно волейболом. Я глубоко убеждён, что для большой победы одного желания и старания мало. Вы сегодня можете их обвинить, что они не старались, играя матчи Мировой лиги, что не хотели попасть в финал? Да, нет же, никто не вправе бросить в них камень. Ни о каком зомбировании речь не идёт. Но если мы не очистим своё сознание от сторонних мыслей и придём только к одной, что нам важно победить, ничего не получиться. Потому что кроме нас в Японию приедут ещё 11 команд с той же самой целью – непременно добиться права выступить на Олимпийских играх. Важным показателем доверия считаю тот факт, что почти все игроки обращаются ко мне просто – «Романыч». Ну разве что молодёжь, новобранцы себе этого не позволяют.

Ребята обсуждают со мной отдельные игровые моменты в том плане, как лучше выполнить тот или иной приём, что предпринять в конкретной ситуации. Это тоже очень приятно.

Они исполняют все задания, несмотря на жару в 30 градусов, несмотря на тяжелейшие условия работы на песке, превозмогая усталость, и это доставляет мне огромное удовольствие.

– Посмотрев несколько тренировок, пришёл к выводу, что и игроки получают огромное удовлетворение от проделанной работы.

– Иначе и быть не может. Мы оказались в той ситуации, когда соперник убедился, что может нас обыграть, мы психологически раскрепостили конкурентов. Теперь надо исправлять это положение. Надеяться на то, что вернувшийся в сборную Тетюхин в очередной раз спасёт в ключевой момент, как это случилось в лондонском финале, можно. Но это будет неправильно. Да, Сергей с нами, он – столп, основа команды, но без Гранкина, Вольвича или там Сивожелеза с Бутько, опять-таки Мусэрского ничего добиться невозможно. Будь я даже семи пядей во лбу, но не я же выхожу на площадку – результат делают игроки. Я же со своей стороны могу только что-то подсказать, исправить.

Очередной неординарный ход

Но ему так ничего и не удалось «исправить» ни на Кубке мира в Японии, где россияне не смогли отобраться на Игры в Рио, ни на чемпионате Европы в Италии, где в четвертьфинале уступили блестяще сыгравшим хозяевам. Тому были свои причины.

Кубок мира по волейболу, который был и остаётся первым отборочным предолимпийским турниром для волейбольных сборных, стал третьим подряд для Владимира Алекно. В первых двух – в 2007-м и в 2011-м цель – завоевание олимпийской путёвки – была достигнута. В 2015-м не получилось. В двух первых случаях тренер работал с национальной командой гораздо дольше, прекрасно знал ситуацию в мировом волейболе на уровне сборных, видел соперников наяву, сыграл со своей командой в самых крупных турнирах для сборных, таких, как Мировая лига и чемпионаты Европы. На сей раз на подготовку к главному старту сезона было отведено каких-то полтора месяца, и новая команда Алекно провела за это время лишь четыре мало что значивших товарищеских матча, два из которых – сборной Ирана – проиграла.

Впрочем, Алекно не согласился со мной в том, что неудачи в спаррингах с Ираном ничего не значили.

– Они заставили меня задуматься, всё ли мы делаем правильно, по верному ли пути идём. Вообще, сравнивать те команды, с которыми я работал на предыдущих розыгрышах

мирового Кубка в Японии, с нынешней, нельзя. Тогда у нас было время понять и почувствовать друг друга, пройти определённый путь побед и поражений в серьёзных соревнованиях. Мы уже были едины, понимали друг друга с полуслова, сегодня все пришлось начинать сначала. На первой же встрече мы договорились о полном табу на алкоголь, и я уверен, что игроки его соблюдали, во всяком случае, даже намёка на нарушение режима не было. У меня не было ни одной провальной тренировки, не сделал ни одного замечания по дисциплине, я не увидел ни одного равнодушного человека – все работали на износ.

Но есть и вторая составляющая, не менее, если не более важная: техническая, по которой мы заметно отстаём от соперников. Допускаю возражения, что после моего ухода из команды, она выиграла Мировую лигу и чемпионат Европы. При этом нельзя забывать, что в финальную часть в Бразилии россияне попали только благодаря немцам, выигравшим у сборной Ирана. И в «Финале шести» тогда, и на чемпионате Европы блестяще сыграл Николай Павлов, вокруг действий которого и строилась игра всей команды.

Но в последующие годы из-за травмы лидера сборная уже не могла сыграть на том же уровне, и все оппоненты, которые нас откровенно побаивались, поняли, что с Россией теперь можно не только играть на равных, но и обыгрывать её. А два товарищеских матча с Ираном заставили меня призадуматься, что, сохраняя прежнюю расстановку, мы вряд ли сможем добиться цели. К тому же я до этого не очень внимательно присматривался к соперникам – по телевизору же многого не увидишь, всех нюансов не уловишь. Соперничество в Японии с сильнейшими сборными мира убедило меня, что я выбрал правильный путь. Пусть он и не удался на все сто процентов, но сходить с него я не собираюсь. Иначе мы отстанем от соперников ещё значительнее.

Чего нам не хватало? Как ни странно мощи. Того, что во все времена отличало ещё советскую, а потом и российскую команду. Речь идёт прежде всего об атаке из четвёртой зоны. Сделав анализ провальной Мировой лиги-2015, мирового чемпионата 2014 года, пришли к выводу, что главная наша сегодняшняя слабость – атака из этой части сетки.

На чемпионате Европы в состав встал совсем молодой Егор Клюка, который безусловно усилил атаку из проблемной зоны. И на групповом этапе действия новобранца радовали. Но итальянцы у себя дома, а чуть позднее – в финальном матче континентального отбора в Берлине в январе 2016-го французы, внимательно изучив действия наших доигровщиков, а в паре с Клюкой играл сам Сергей Тетюхин, придумали, как организовать

контригру. Против итальянцев у Алекно на скамейке не нашлось равноценных волейболистов, чтобы что-либо поменять. А в Берлине, где команда значительно обновилась, нет, скорее изменилась, потому что добавилось несколько проверенных в серьёзном деле олимпийских бойцов, тренер выпустил другое сочетание доигровщиков. И блестяще сыгранное динамовское трио – Сергей Гранкин, Юрий Бережко и Александр Маркин настолько убыстрили атакующие действия команды, что французы просто-напросто не успевали блокировать удары россиян. Очередной тренерский неординарный ход сработал! И заветная единственная разыгрываемая олимпийская лицензия была завоёвана.

Выдержки из тренерского монолога

Хотел было рассказать о Романыче своими словами. А потом подумал, что, наверное, правильнее будет, если он сам расскажет о том, о чём его обычно не спрашивают – о детстве, начале спортивного пути, семье, командах, за которые играл, педагогах, у которых проходил волейбольные университеты, наконец, начале собственной тренерской деятельности. Ну и о главном: как и почему всё-таки решился на кардинальную перемену в жизни – возвращение в Россию из ставшей второй родиной Франции.

О детстве

– В волейбол меня привёл старший брат Сергей. У нас разница в два года, и он уже занимался в волейбольной секции. Мы жили в Полоцке, небольшом городке в Витебской области Белоруссии. Было мне тогда лет 9 или 10. Брат, кстати, так и живёт вместе с мамой в Полоцке. Семья у нас была не очень состоятельная, мягко говоря. Свои первые джинсы я купил в 18 лет. По тем временам среди подростков это был главный критерий оценки семейного благополучия. Мать и отец много работали, и меня воспитывала улица. Полоцк в те годы был городом драчунов, не знаю, как сейчас. Ну и, конечно, брат являлся для меня предметом для подражания – так всегда бывает в семьях, где есть на кого равняться. В секции я почувствовал себя комфортно, потому что мне очень понравился тренер – Евгений Борисович Рудов, маститый еврей, который воспитывал нас в своей манере, прививал культуру. Он вырастил тогда целую плеяду неплохих волейболистов на юношеском уровне, и Витебская область была едва ли не лучшей в республике среди молодёжных команд. Наверное, во многом благодаря ему я и

остался в волейболе, хотя меня зазывали ещё и в греблю, и в плавание. К сожалению, не знаю, жив ли мой первый тренер. Он в своё время уехал в Израиль, и связь оборвалась. Помогал Рудову Иван Иванович Коршун, который тоже приложил руку к моему становлению как игрока. Нелегко им было – не раз приходилось вызволять нас из милиции, куда мы попадали после частых уличных потасовок, оправдывать наши выходки даже перед школьными учителями… Уже в 13 лет я стал самостоятельным человеком – меня забрали в минский спортивный интернат.

В те годы проводилось немало соревнований по программе школьных спартакиад. Я выступал за Витебскую область. И меня приметили тренеры спортинтерната из столицы Белоруссии Василий Князев и Петр Ковалёв.

Лучшей белорусской волейбольной командой был минский «Мотор». Такой клуб-середнячок высшего советского дивизиона, но в Белоруссии это был звёздный коллектив местного масштаба. И туда в начале 80-х приехал из Свердловска, где он тренировал команду мастеров, Геннадий Посаженников. И решился на революционный шаг – полностью поменять состав «Мотора». Новый тренер набрал молодых ребят, в том числе и из спортинтерната. К этому времени я уже закончил школу, поступил в Минский институт физкультуры. И играл за «Мотор», который вскоре был расформирован, а новая команда была создана при армейском спортклубе столицы Белоруссии.

О СКА, ЦСКА и сборной СССР

4 декабря 1984 года мне исполнилось 18 лет, а уже 5-го я стоял в строю столичных армейцев. Я считался тогда перспективным игроком, и один из цээсковских тренеров Юрий Локтев подсказал, чтобы меня перевели в Москву. Так из СКА я оказался в ЦСКА. И с 1984 по 1987 год носил форму многократного чемпиона страны. Но пробиться в состав было очень трудно – мы выступали больше за дубль. Тогда в основном составе играли по тем временам волейбольные зубры – Александр Савин, Александр Сапега, старший брат больше известного сейчас Юрия Сапеги, Юрий Панченко, Александр Сороколет, Валерий Лосев. И время от времени Юрий Чесноков призывал нас из дубля – кроме меня ещё Александра Гаврилова, Бориса Симоненко. Тогда же я и попал в сборную страны, правда, вначале во вторую, которой руководил Виктор Радин, даже был её капитаном.

Тогда у второй команды был свой календарь соревнований, она много разъезжала по миру. И я побывал тогда и на Кубе, и в Аргентине, в других странах, мы участвовали во многих турнирах. А в 1987-м, когда понял, что пробиться в основной

состав ЦСКА будет очень трудно – там уже играли Юрий Сапега, Игорь Рунов, Андрей Кузнецов, попросил Чеснокова отпустить меня назад, в родной минский СКА. Уже из Минска Геннадий Паршин, в то время руководивший главной сборной СССР, и призвал меня на сборы перед Олимпийскими играми в Сеуле. И, судя по всему, я попадал в олимпийскую дюжину, как раз 12-м. Может быть, Паршин, тренировавший тогда же рижский «Радиотехник», хотел меня забрать к себе в клуб, не знаю. Но за неделю до отлёта мне сказали, что я еду в Сеул. И тут на тренировке подворачивает ногу основной связующий сборной Валерий Лосев, и никто не знает, сколько времени займёт восстановление. Тренеры решают срочно призвать в команду уже игравшего тогда в Италии Вячеслава Зайцева. Так в Корею на Игры отправилась сборная с тремя связками, а я остался дома.

А в 1990-м готовился к чемпионату мира в сборной, куда вернулся Вячеслав Платонов. Но опять-таки в последний момент тренер предпочёл «своего» – Олег Шатунов играл за питерский «Автомобилист». На этом мои выступления за сборную как игрока закончились.

О первых годах зарубежья

– Когда в 1991 году развалился Советский Союз, меня пригласили в болгарский клуб «Левски-Спартак». И мы стали чемпионами страны. Это был первый опыт выступления за иностранный клуб. Тут же последовало новое предложение из Турции, точнее, из «Галатасарая», в котором в то время играл мой нынешний помощник по «Зениту» Александр Серебренников. Меня там полтора месяца мурыжили – ни контракт не подписывали, ни квартиру не давали. И я всё это время жил в квартире у Сашки без каких-либо перспектив. А у того семья, маленький ребёнок. Но как только раздался звонок от Олега Молибоги, что есть возможность поехать играть в Италию, не раздумывая, отправился на Апеннины.

В Италии тогда был волейбольный бум, сборная выигрывала чемпионаты мира и Европы. И клубы были сильные – за них выступали все лучшие волейболисты мира. Я провёл два сезона в «Асти» и в «Сполето», командах, игравших в серии А2. А потом переехал во французские Канны, куда меня позвал Филипп Блэн, многолетний главный тренер сборной Франции, который работал в те годы в итальянском «Кунео» и заприметил меня в местных клубах. Ему как раз предложили возглавить «Канны», и он позвал меня с собой. Так я два сезона выступал за этот популярный французский клуб, стал чемпионом страны в 1995 году. Через два года, получив серьёзную травму колена, я полухромой

отправился в Тур. Клуб из этого города как раз вошёл в высшую лигу французского чемпионата. Я проиграл в «Туре» три сезона.

О Туре и «Туре»

– Должен сказать, что я во всех командах чувствовал себя комфортно, потому что не сачковал, работал по полной. И со всеми, с кем пришлось играть и у кого заниматься, сохранились хорошие отношения. В Италии первый год было тяжелее всего, но «Асти» тренировал хороший тренер Флавио Гулинелли. Тогда я на себе прочувствовал, что такое итальянский волейбол, итальянская система тренировок. В «Сполето» было уже легче. Но в моём сердце самое большое место занимает, конечно, французский «Тур». Именно в этом клубе я получил шанс стать тем, кем стал. И, если бы не опыт «Тура», этих снимков *(Алекно показывает на большие фотографии празднования олимпийской победы в Лондоне, висящие на стене его кабинета в казанском волейбольном центре «Санкт-Петербург», где проходила наша беседа)* могло и не быть. Потому что в 1999 году, когда мне исполнилось уже 32 года, и болело колено, и продолжалась постоянная борьба с лишним весом, менеджер «Тура» предложил мне завершить сезон играющим тренером, а потом принять команду в качестве главного, заявив, что я им подхожу по всем показателям.

Больших сомнений у меня не возникло. Разве что определённую сложность представлял язык. При этом объясниться я мог без проблем. Правда, писать так и не научился, как следует. Но потом, когда уже стал тренером «Тура», пришлось подучить язык в местном институте иностранных языков. Правда, с некоторыми игроками приходится объясняться по-итальянски. Этот язык гораздо проще французского. И к своему стыду после 15 лет проживания во Франции и всего двух годов на Апеннинах по-итальянски я грамматически говорю сегодня с меньшими ошибками, чем по-французски.

И всё-таки лучшими годами из проведённых за границами бывшего СССР стала для меня жизнь в Туре. В этом небольшом городке с населением всего 220 тысяч человек к волейболу было особое отношение: на трибунах меньше трёх тысяч никогда не собиралось. А после победы в Кубке Франции, когда начали играть Лигу чемпионов, на матчи вообще нельзя было попасть: мы многие годы занимали лидирующие позиции по числу зрителей среди всех команд, участвующих в национальном первенстве. У клуба было в одном из сезонов – знаете сколько? – 86 спонсоров! Могу с гордостью сказать, что город жил волейболом.

О тренерском искусстве

– Почему всё-таки согласился тренировать именно эту команду, и вообще стал тренером? Понимаете, когда тебе 20, совсем не задумываешься, что будет в 30 лет, а уж тем более в 40 и старше. И по большому счёту не придавал большого значения тренировкам того же Чеснокова. Чётко выполнял тренерские установки – не более того. Но чтобы вникать в суть занятий, записывать что-то, этого не было. И позже я очень пожалел, что не усвоил уроков великого тренера: про его занятия легенды слагали. Вот я, к примеру, не могу провести тренировку на двух площадках одновременно для 18–19 человек, чтобы все занимающиеся работали с одинаковой нагрузкой. А Чесноков мог. Увы, спохватился я поздно. И когда в 30 лет с хвостиком понимаешь, что кроме волейбола ты уже вряд ли к чему можешь приложить свои силы, начинаешь корить себя, что раньше не придавал значения различному подходу всех своих бывших наставников к тренировочному процессу.

И всё-таки, среди всех, у кого пришлось тренироваться выделю Платонова. Молибога передал мне в своё время заветную папку записей размышлений и упражнений замечательного тренера. И при нашей встрече, когда я уже начал тренировать «Тур», испросил разрешение у мэтра, могу ли я воспользоваться его разработками, идеями. Помню, Платонов на второй игровой день мог не поставить в состав волейболиста, который накануне действовал блестяще. Ещё будучи игроком, я заинтересовался этим ходом и спросил Платонова, почему он так поступил. Оказалось, конкретный игрок был не способен сыграть «на ура» два дня подряд. Поэтому многое взял от Платонова, что-то перенял у итальянских специалистов. А потом, уже работая тренером, старался, как губка, впитывать ото всех, с кем общался и встречался. Например, в начальный период мне очень помогли советы канадца Гленна Хоага, который долгие годы работал во Франции, а сейчас тренирует сборную Канады. К тому же во Франции нужно было ежегодно подтверждать тренерскую лицензию, и на этих курсах опять-таки много общался с различными специалистами, что также мне очень помогало.

О Юрии Сапеге

– То, что я в конце концов оказался в России, – заслуга прежде всего моего друга Юры Сапеги. История была интересная. У меня с «Туром» существовал контракт, по которому я должен был отработать в клубе ещё один сезон. Последние годы перед этим моя команда всё время была второй в чемпионате Франции,

уступая только «Пари Воллею», который как раз и тренировал канадец. В 2001-м команда Хоага выиграла Лигу чемпионов, нарушив многолетнюю итальянскую гегемонию. Но однажды мне удалось-таки победить столичный клуб и завоевать Кубок страны. К этому времени Юрий уже окончательно перебрался из Италии в Россию и настаивал, чтобы и я сделал то же самое: говорил, что в стране всё больше поднимается интерес к волейболу. И даже уговорил Николая Платоновича Патрушева оказать на меня влияние. Я пообещал, что приеду, что постараюсь договориться с французским клубом.

Прихожу к руководству «Тура», в котором я, можно сказать, прожил треть жизни. Говорю о предложении и вполне резонно слышу в ответ, что команду собирали под меня, что у меня действует контракт, который они не собираются прерывать, что такой спонтанный отъезд мои работодатели будут расценивать как предательство. Услышав это слово, понял, что на самом деле не имею права предать игроков и многочисленных горожан, которые полюбили волейбол. Когда по телефону сообщил об этом Сапеге, мой лучший и ближайший друг, с которым мы были не разлей вода с 14 лет, прервал со мной все отношения. Это продолжалось полгода. Сам Сапега возглавил московское «Динамо», а я остался в «Туре» и выиграл с командой – впервые! – чемпионат Франции. Французы считали, что после такого успеха я уж точно никуда не уеду. Тем более что мне присвоили звание почётного гражданина Тура. Но всё произошло иначе: проработав полгода и поняв, как нелёгок тренерский хлеб, Сапега позвонил, мы долго выясняли отношения, и я сделал окончательный выбор в пользу России. В «Туре» меня так и не поняли. Но был прощальный матч, эмоции после которого можно сравнить разве что с послепобедными в Лондоне, – зал стоял, кто-то аплодировал, кто-то плакал. Так я оказался в России. Должен сказать, что все 15 лет на чужбине, невзирая на все привилегии и полученные регалии, я чувствовал себя эмигрантом. И хотя вся семья была против моего возвращения, вплоть до развода, я с лёгким сердцем вернулся домой. О чём, как вы понимаете, нисколько не жалею.

О сборной России

– На пути к олимпийскому золоту пришлось пройти через целую серию проб и ошибок. Самым болезненным оказалось поражение в финале домашнего чемпионата Европы осенью 2007 года. Эта рана осталась на всю жизнь. Досада от проигранного четвёртого сета из-за ситуации с мячом, которые в принципе не тренируются, помешала мне настроить ребят на пятую партию

таким образом, чтобы они смогли доказать своё превосходство: наша команда была сильнее, это все понимали.

Вам интересно, когда пришла уверенность в своих силах? Но уж точно не после четырёх побед казанского клуба в чемпионатах России. Наверное, успехи сборной сказались больше. Клубные победы важны и почётны, но национальные чемпионаты выигрывали и другие команды. К тому же я не могу до конца сказать, что у меня появилась стопроцентная уверенность. Наверное, это даже хорошо, что я не сижу спокойно, положив ногу на ногу, уверовав, что всё будет в порядке. Даже, скорее, не победы, а именно работа, какую мы проделали в последние два года перед Лондоном, позволила преодолеть психологический барьер, отделявший нас от выигрышей больших турниров. Не стоит забывать и про олимпийскую бронзу Пекина, после которой меня укатали в асфальт. Но ведь это была олимпийская медаль! А потом уже состоялась и Мировая лига, и Кубок мира, наконец, заветное олимпийское золото. После таких побед ты обрастаешь перьями.

При этом благодарен тем ребятам, которые прошли со мной весь двухлетний путь до британской столицы. Среди них выделю конечно же Серёжу Тетюхина, а ещё выдающегося американца Ллоя Болла. Я был счастлив работать с такими замечательными игроками, которые живут волейболом. Это пусть ещё достаточно молодой, но такой же, как и более старшие, Максим Михайлов, преданнейший нашему делу человек. Это Матей Казийски. Я многому учился у этих ребят. Но больше всего у Тетюхина – отношению к людям, отношению к работе. Я искренне завидовал ему, потому что ни от кого и никогда не слышал о нём плохого слова. И он вполне заслуживает эпитета великий.

При этом не стал бы более кого-то выделять. Вы видели по первому каналу фильм, сделанный вскоре после Лондона. «Больше, чем золото», так, кажется, он назывался. Там показали почти всех ребят. Но не было Николая Апаликова, что не совсем правильно: уж если давать слово, то всем – это же команда. Да, Дима Мусэрский и Серёжа Тетюхин в решающие моменты финала изменили его картину. Но до финала ещё надо было дойти. А те же Саша Бутько с его больным коленом или Сергей Гранкин, которого по ходу убирали, воспитывали, про них почти не вспоминали какое-то время после 12 августа 2012-го. Это неправильно. То, что сделал Тетюхин при счёте 19:22 в третьей партии, вовсе не чудо, как кое-кто считает и пишет. Для Серёжи это никакое не чудо. Вот если бы мы смогли сравнять счёт на подаче «флотом» Гранкина, это было бы чудом. А Тетюхин делал такие вещи не раз: сколько он матчей спас, сколько выигрывал в

подобной и в ещё более сложных ситуациях. А что Мусэрский так сыграл, так это во многом благодаря его уникальным физическим данным, к которым добавился кураж и злость. Бразильцы просто растерялись. Так что говорить надо обо всех, кто выходил на площадку в форме сборной России.

Но больше о тех, кто не выходил, кто так и остался как бы за кулисами событий. А я об этих людях готов говорить даже больше, чем об игроках. Потому что главный тренер – он на виду, как и игроки. А вот остальные… Вспомните уже упомянутый мною выше фильм. Из нас сделали героев лазарета. Но ведь так оно и было. Это правда. И какую работу пришлось проделать Сергею Алексееву, тренеру по ОФП. Он занимался с каждым индивидуально, был для кого-то кнутом, а для кого-то пряником. Или взять нашего доктора Ярослава Смакотнина. Одному откачивает жидкость из колена, другому обрабатывает выбитый палец, с третьим отправляется на допинг-контроль. Ни минуты покоя. А сколько нервов это стоило: сможет играть Бутько, разрешат ли ехать в Лондон Волкову? Если бы не уникальные знания и умение врача команды, наша победа не состоялась бы.

Или два наших массажиста Паша Гревцов и Рамис Шириязданов. Ведь никто не знает, что помимо своих основных обязанностей – массажа, который они делают ежедневно с 8 вечера до 2 ночи, – они отвечают за упаковку всего нашего медицинского оборудования и медикаментов (мы возим с собой до 400 килограммов аппаратуры и лекарств). Ребята просто-таки жили в их номерах.

А возьмите нашего генерального менеджера Романа Станиславова. Его роль, особенно в предолимпийский период, настолько велика, что никто даже представить не мог. Через пару недель после Кубка мира Рома уже был в Лондоне и нашёл нам тренировочный зал, который здорово помог во время олимпийского турнира. Он является мостом между сборной и руководством федерации. А сколько возникает неожиданных организационных вопросов с игроками – у одного заканчивается виза, у другого истекает срок действия паспорта, у третьего ещё что-нибудь. И так ежедневно, если не ежечасно. Для Романа ничего не стоит после завтрака в Новогорске слетать в Анапу, посмотреть готовность базы к нашему приезду, а к ужину уже снова быть с командой.

Мой помощник Серджо Бузато, которого ещё на рубеже веков привёз в Россию Юра Сапега, – один из тех итальянцев, который вжился в русскую действительность. Это профессионал в своём деле, для него ни в чём не бывает мелочей. И под стать ему наши аналитики Юрий Булычев и Андрей Рязанцев. Совсем не важно,

по команде Ирана мне нужны данные или, скажем, по матчу Италия – США. Всю необходимую информацию получал в полном объёме и вовремя.

Никаких претензий не было и к нашему менеджеру Игорю Артамонову. Это была настоящая команда единомышленников. И было очень обидно, когда наш «золотой» рейс прилетел из Лондона, и всё внимание было ко мне и ребятам, а те, без кого эта победа не могла состояться, стояли в стороне с гружёными скарбом тележками, и никто на них внимания не обращал. Я даже заметил слёзы на щеках Паши Гревцова…

О семье

– Счастлив, что мои домашние были свидетелями нашего лондонского золота. Прежде всего, речь о двух моих Екатеринах – старшей и младшей, жене и дочери. Женился я очень рано – мне было тогда без двух месяцев 19 лет. Познакомились же мы в 14 лет. Катя тоже занималась волейболом, играла связующей, правда, в Минске. Была настоящая любовь. Не помешало даже, что Катя уже поступила в институт, а я доучивался в интернате, хотя мы одногодки. И через два года, в 1987-м, у нас родилась дочь. Назвал её тоже Екатериной. Пока играл в ЦСКА, мои девочки жили в общежитии в Минске, а когда вернулся из Москвы в столицу Белоруссии, мне дали квартиру. В четыре года мы увезли Катю-младшую в Италию, и в Россию она уже больше не возвращалась. Я горжусь ей – Катя самостоятельная девочка, очень энергичный человечек, объездила весь мир. Закончила факультет журналистики университета иностранных языков во Франции и долгое время жила и работала в Париже на фирме Louis Vuitton. Причём постоянно двигалась вверх по карьерной лестнице. А сейчас она перебралась в США, вышла замуж.

Сын родился во Франции в 1996 году. Не думал тогда, что когда-нибудь вернусь домой. Потому, наверное, и решили дать парню французское имя Лоран. Парень жил и живёт одним волейболом – ничего другого не признавал, даже учиться не хотел. Четыре года мы были порознь – жена с детьми во Франции, я – в Москве. Но потом перебрались ко мне. Лоран ходил в школу при французском посольстве. Потом я уехал в Казань, а семья оставалась в Москве. Но случилось так, что однажды, в день моего рождения, кстати, его очень сильно избили в Москве, когда парнишка возвращался из школы. Мальчик даже сознание потерял. Я же в этот день был с командой в Сургуте. Это и определило многое: я забрал семью в Казань. И Лоран пошёл в русскую школу. А что оставалось делать?

О времени после Лондона

– После Лондона долго размышлял: продолжать работать в сборной или всё-таки остановиться. Как человек амбициозный, не мог быть удовлетворён, что в активе есть победы в национальных первенствах и Кубках, в Лиге чемпионов, в Мировой лиге, на Кубке мира, наконец, выиграно главное соревнование – Олимпийские игры, но не было побед на чемпионате Европы, чемпионате мира, чемпионате мира среди клубных команд. Всё так. Но для того, чтобы продолжать работать с тем же рвением – даже не про результаты сейчас говорю, а про отдачу, – нужно обладать большим запасом прочности. Здоровье имею в виду, колоссальные нервные затраты. Ведь за один подобный нашему лондонскому финальный матч можно заработать предынфарктное состояние. Я отношусь к тем представителям нашего тренерского цеха, которые ответственно подходят к каждому турниру, к каждому отдельному матчу. Уходить из «Зенита» однозначно не собираюсь. А продолжать работать со сборной, памятуя постоянно, что опускаться ниже высоко поднятой планки ты не имеешь права, какое-то время после 2012 года был не в состоянии. Не имел права подвести всех тех, кто мне доверял, прежде всего руководство федерации и многочисленных болельщиков, которых после нашего олимпийского успеха заметно прибавилось. Ведь всё придётся начинать с нуля, создавать новую команду. Без целого ряда ставших мне буквально родными игроков. Так что сейчас, повторяю, мне нужно разобраться в себе самом. В себе сейчас сомневаюсь больше, чем в ком-либо другом.

О Рио и новой команде

– В начальный период подготовки к Играм в Рио мы проделали колоссальный объём работы, наверное, даже с перебором. Ни к одному из тех, кто был вызван на сбор, нет никаких претензий. Все трудились, не взирая на возраст и понимая ответственность момента. Самое сложное, что рано или поздно предстоит сказать кому-то, что он не поедет с нами в Бразилию, ведь по положению заявить на Игры мы можем только дюжину игроков. Буду стараться дать возможность всем кандидатам проявить себя во время групповых соревнований Мировой лиги. Прежде всего, мы должны пробиться в «Финал шести» этого важного соревнования. И если перед Лондоном мы даже радовались, что не пробились на решающий этап Мировой лиги, то сегодня нам важно увидеть в деле все сильнейшие сборные и примериться к ним, сравнив свои сегодняшние возможности с тем, как готовы прочие лидеры мирового

волейбола из участников Игр, с кем нам не удастся сыграть на предварительном этапе. Ну а задача на сезон у нас была и остаётся главной и единственной – оказаться на пьедестале в Рио.

Главная роль актёра Карполя

Он по-прежнему в строю. И если не сегодня, то завтра или через пару дней выведет свою «Уралочку» на очередной матч чемпионата страны или встречу Лиги чемпионов европейских стран. Наверное, ни одному биографу или статистику не дано подсчитать, какой по счёту будет эта игра в жизни самого титулованного в мире продолжающего работать волейбольного тренера Николая Васильевича Карполя. Потому что сделать это просто невозможно – их, матчей этих, были, наверняка, не сотни – тысячи, а то и десятки тысяч. Ведь придётся учитывать не только игры, проведённые его многочисленными командами в СССР, потом в России, а ещё сборных и клубов Хорватии, Испании, Белоруссии, начиная с самой первой команды, созданной на базе Индустриального педагогического техникума в Нижнем Тагиле в таком уже далёком от нас 1959-м, и кончая…

Нет, нет, ни о каком завершении тренерской карьеры 78-летнего величайшего (нисколько не преувеличиваю, поверьте) тренера речь не идёт. Он по-прежнему в прекрасной форме, как всегда со своим видением современного волейбола и в постоянном поиске новых приёмов и упражнений, чтобы ни одно тренировочное занятие не походило на предыдущее. И очень характерная фраза известной писательницы Виктории Токаревой: «К любому Дон Жуану приходит Командор по имени «старость» – это совсем не про него, Николая Васильевича Карполя.

Паралимпийская бронза

Я был свидетелем огромного числа матчей карполевских команд в различных турнирах и в разные годы, в том числе и нескольких самых, наверное, ярких и незабываемых. Не все из них подопечные выдающегося специалиста выиграли. Но случалось, что Карполь при всём желании был просто не в состоянии изменить ход происходящего на его глазах и при его содействии, потому что на скамейке в тот момент из-за травм или болезней просто не было игрока, который мог выйти на площадку, выполнить тренерскую установку и помочь добиться нужного результата.

Как в том же бразильском Сан-Паулу в конце октября 1994-го в полуфинале мирового чемпионата, где девять с половиной (по меткому выражению того же Карполя) волейболисток чуть было не сотворили самую большую сенсацию: россиянкам совсем чуть-

чуть не хватило, чтобы переиграть в полуфинале хозяек турнира. И это при том, что за три часа, что продолжался матч, местная торсида, которую представляли 16500 горластых болельщиков, заполнивших до отказа дворец спорта «Ибирапуэра», приумолкла на какое-то время только раз.

Произошло это в самом начале четвёртого сета при счёте по партиям 2:1 в пользу сборной России, когда девочки Карполя повели 5:0. В зале наступила «звенящая» тишина, слышен был лишь стук мяча об пол и пальцев по клавиатуре журналистских ноутбуков.

Россиянки перед этим проиграли первую партию вчистую – 7:15 (по старым правилам потолок счёта в каждом сете равнялся 15 очкам), затем выиграли две следующие – 16:14 и 15:12. А потом, несмотря на блестящее начало, силы оставили измотанную в конец «паралимпийскую сборную» Карполя – 8:15 в четвертой и 10:15 в пятой.

После игры впервые увидел курящего Карполя: «Усталость ведущих игроков не позволила довести матч до победы. Сказался некомплект. Обидно». И в самом деле, в Бразилию сборная приехала в не полном составе – всего одиннадцать волейболисток. При этом Женя Артамонова провела весь турнир на скамейке запасных – она только-только начала ходить без костылей и приступила к лёгким тренировкам, а Валя Огиенко вынуждена была хотя бы изредка выходить на замену, хотя ещё не полностью восстановилась после операции. Так и получилось девять с половиной – Карполь посчитал последнюю за «половинку».

Когда же на следующий день россиянки на характере победили команду Кореи и завоевали бронзовые медали, знаменитый американский специалист Даг Бил признался: «Карполь – гений. Думал, его команда в шестёрку не попадёт, а он медали завоевал. Немыслимо! Передай ему мои поздравления». Что я и сделал.

Сеул-1988

Но первый самый большой подвиг на моих глазах Николай Васильевич и его команда совершили на Олимпийских играх 1988 года в Сеуле. Это был один из самых драматичных из женских олимпийских финалов. Мужская решающая встреча на предпоследних Играх в Лондоне Россия – Бразилия спустя почти четверть века по своему сюжету во многом походила на тот, сеульский, исход.

По пути к финальной встрече советская команда разделалась (другого глагола и не подберу) с главным фаворитом – сборной Китая, обыграв её в трёх партиях, первая из которых завершилась с небывалым для соперничества команд такого уровня счётом – 15:0.

Финал проходил один в один, как потом у мужчин в Лондоне-2012: наша команда много ошибалась, и сборная Перу выиграла два первых сета, а в третьем вела 12:6. До победы южноамериканкам нужно было добыть каких-то три очка! (Точь в точь, как бразильцам на Играх в британской столице, – помните счёт 22:19 в их пользу?).

И тут произошло невероятное: подопечные Карполя заиграли совсем в другой волейбол, в тот самый, к которому их призывал тренер. Они победили в партии – 15:13, потом уверенно переиграли соперниц в четвёртом сете – 15:7. А в пятом оправившиеся от шока соперницы попытались было восстановить пошатнувшуюся репутацию, и даже первыми заработали матчбол, но сборная СССР сумела-таки вырвать победу в партии и в матче – 17:15.

Сидней-2000

Вообще-то Карполь руководил отечественными сборными на шести Олимпиадах, причём, на пяти из них доводил свои команды до финала. В Москве и в Сеуле выигрывал главное соревнование четырёхлетия, из Барселоны в 1992-м, Сиднея в 2000-м и Афин в 2004-м подопечные Николая Васильевича возвращались с серебряными наградами. И каждый раз до заветного золота не хватало совсем чуть-чуть. А в Сиднее против кубинок и в греческой столице против китаянок россиянке даже вели по сетам 2:0, но в конце концов проигрывали.

Прекрасно помню оба финала, потому что описывал их, а из Афин даже комментировал матч на телеканале «Спорт». Но больше всего на этих двух Олимпиадах мне запомнились совсем другие соперничества карполевских сборных.

В Австралии уникальный случай произошёл во время игры со сборной Германии ещё на групповом этапе. Немкам победа нужна была как утопающему глоток воздуха – в случае успеха они почти наверняка попадали в плей-офф. Россиянки, шедшие без осечек и к тому же переигравшие основных конкуренток команду Кубы, уже и без того застолбили право сыграть в плей-офф. Не ясно было только, с какого места они попадут на стадию с выбыванием. Это было важно, ведь от итоговой позиции в группе

зависело, кто достанется нашим девушкам в соперницы. Но что матч с немками, которым наша сборная не проигрывала ещё со времён ГДР, сложится так непросто, предположить не мог никто. Позже самое точное и короткое объяснение случившемуся дала одна из участниц игры Наталья Морозова: «Расслабились…»

Нужно было видеть Карполя, который не просто метал громы и молнии, как обычно делал это, когда требовалось встряхнуть своих девочек, заставить их почувствовать нависшую угрозу возможного неудачного исхода. Казалось, ещё чуть-чуть и мэтр пойдёт в рукопашную, чего никогда в жизни не позволял.

Ближе к концу четвёртой партии, когда россиянки безнадёжно проигрывали 14:22, тренер, похоже, окончательно отчаявшись, просто-напросто отвернулся от площадки и стал смотреть на гудящие и освистывающие поведение Карполя трибуны. А зал шумел, не понимая, что происходит: если в других странах, в той же Японии, где наша команда бывала по несколько раз в году, неординарное поведение главного, прежде всего его крики и зверское при этом выражение вмиг багровевшего лица, уже никого не удивляло, то австралийской публике сей педагогический приём Карполя был в диковинку. А уж чтобы тренер делал вид, что всё происходящее на площадке его не интересует, никогда ни прежде, ни потом не наблюдал. Более того, предположить не мог, что и такой ход есть в репертуарном наборе уважаемого специалиста.

А ведь сработало! Девчонки неожиданно заиграли в тот волейбол, который всегда приводил к успеху. И не просто догнали соперниц, но смогли выиграть четвёртую партию 28:26, а в пятой ничего не понимавшие, что произошло, немки почти не сопротивлялись – 15:6 и 3:2 – очередная победа команды Карполя.

Афины-2004

Для тех, кто плохо знает Карполя или видел в деле впервые, его общение с волейболистками – от фальцета до шёпота – кажется кошмаром, а вовсе не педагогическим приёмом, как определяет свою непонятную стороннему глазу мизансцену сам тренер. В том же Сиднее после обидно проигранного финала кубинкам Николай Васильевич так объяснил своё поведение на площадке постоянно приставшим по этому поводу репортёрам: «Я – актёр. И готов исполнять любую роль по написанному сценарию. Только вот сценарий этот в каждом матче пишут игроки. И от них зависит, какую роль мне предстоит сыграть –

положительную или отрицательную. Наверное, сегодня мне выпало сыграть отрицательного героя».

И спустя четыре года не решающая встреча Олимпиады-2004 с китаянками заполнилась больше всего, а полуфинал против сборной Бразилии.

Ситуация опять-таки требует некоторого пояснения: в очередной раз Карполь поступил неординарно. На традиционный Всемирный Гран-при он отправил второй состав, дабы сберечь силы ведущим волейболисткам к олимпийскому турниру. И большинство участников афинских Игр весь июль мотавшиеся по миру, пересекавшие океаны и континенты, к концу августовской Олимпиады заметно сдали, тогда как два лидера россиянок Екатерина Гамова и Любовь Соколова без особых проблем справлялись с выпавшими на них колоссальными нагрузками. Бразильянки, как раз выигравшие тот Гран-при, в четвертьфинале отчаянно два часа бились с американками, чтобы продолжить борьбу за медали, и добились своего, но сил на площадке оставили многовато. Сборная же России без проблем разобралась накануне с кореянками в трёх партиях.

Тем не менее, в полуфинале до поры южноамериканские волейболистки правили бал, больше всего неприятностей доставляла россиянкам новый лидер соперниц юная Мари (она, кстати говоря, стала самой результативной в матче с 37 очками). Соперницы взяли две первые партии. Причём, заключительный отрезок второго сета выиграли «в одни ворота», набрав подряд восемь очков против одного-единственного у команды Карполя.

В третьем наши девушки заиграли иначе: Марина Шешенина, выполняя тренерскую установку, стала действовать разнообразнее, подключала к атаке не только двух лидеров, но и волейболисток первого темпа, и вторую доигровщипу Елену Плотникову, что оказалось неожиданным для оппонентоk.

Но главные события случились в концовке четвертого игрового отрезка, когда на табло загорелись цифры 19:24 и команде бразильского специалиста Зе Роберто не хватало какого-то очка, чтобы пробиться в финал. Они это очко заработали, но к этому времени нашим девушкам удалось отыграть 5 (!) матчболов. Потом счёт стал 26:25 уже в пользу россиянок. Но ошиблась на подаче Соколова – 26:26. Тут же сплоховала Мари – 27:26, а Соколова забила! 28:26 и 2:2 по партиям.

В укороченном сете наши опять проигрывали – 3:6, 7:10, 9:12. И вот тут и сказались июльские мытарства бразильянок: заметно уставшие, они стали совершать просто-таки «детские» ошибки, прежде всего уже упоминавшаяся Мари. В запарке волейболистка в атаке раз за разом заступала за трехметровую линию, что чётко

фиксировалось судьями. Нашим же терять было нечего, и они продемонстрировали настоящий женский, прямо-таки некрасовский (помните про скачущего коня и горящую избу?) характер!

Очень любопытно выглядели технические составляющие матча: соперницы были сильнее и в атаке, и на блоке, и даже на подаче, но зато совершили 29 ошибок против всего 13 российских. Это и стало залогом победы и выхода сборной Карполя в олимпийский финал.

К сожалению, ни блестящие действия Гамовой (33 очка) и Соколовой (23) в атаке, ни сэйвы либеро Елены Тюриной в споре с китаянками не помогли – после более чем двухчасовой борьбы на верхнюю ступеньку пьедестала поднялись азиатки.

На заключительной пресс-конференции Карполь заявил буквально следующее: «Это был мой пятый олимпийский финал. После двух команда получала золото, в трёх других – серебро. Пришло время заканчивать активные занятия тренерской работой».

Впрочем, хорошо зная Карполя, был уверен, что заявление это было сделано исключительно для красного словца. И оказался прав – да, сборную он покинул. Но с «Уралочкой», которая оказалась обескровленной уходом ведущих волейболисток, всё равно весной 2005-го выиграл очередное российское золото. 14-е за 14 лет!

Феномен

Перед решающим матчем чемпионата страны-2005, в котором «Уралочке» предстояло отстаивать свой титул в споре с московским «Динамо», знакомый коллега-телевизионщик, снимавший фильм о главном российском волейбольном маэстро, попросил меня на камеру ответить на несколько вопросов. И первый из них был сформулирован так: «Кто такой Карполь?»

Честно говоря, я и сам не раз загадывал себе эту загадку, но так и не смог её до конца разгадать. Опущу сказанное в микрофон – надеюсь, удовлетворил коллегу. Приведу лишь свой ответ на последний вопрос: «Какая главная черта характера Карполя?» Я назвал целеустремлённость. И добавил: он всегда ставит перед собой максимальную цель и пытается достичь её любыми способами – и праведными, и, случалось, неправедными. Он жил и продолжает жить по принципу, который определил для себя когда-то генерал Шарль де Голль: «Всегда выбирайте самую трудную дорогу – на ней вы не встретите конкурентов».

Так всё-таки кто же он такой Николай Васильевич Карполь?

Неординарная личность? Безусловно. Стоит взглянуть на его жизненный путь, чтобы убедиться в этом. Родился в Брестской области, был свидетелем предвоенного прихода Советской власти в Западную Белоруссию; за компанию с приятелем отправился на Урал; после окончания технического училища работал мастером буровзрывных работ в Нижнем Тагиле, заочно закончил физико-математический факультет местного пединститута; преподавал теоретическую механику в техническом училище, давал уроки физики и астрономии в школе рабочей молодёжи. Он и тогда уже не был похож на коллег: давая уроки по одной теме в параллельных классах, старался, чтобы занятия не были идентичными.

Великий тренер? Несомненно. Спорт любил всегда, но поначалу тренерством занимался исключительно ради дополнительного заработка. А потом засосало… Сегодня же в отечественном спорте нет другого специалиста, кто мог бы сравниться по числу завоеванных командами, руководимыми Карполем, наград и титулов.

Человек мира? «Что-то вроде того», – это ответ самого Николая Васильевича на мой вопрос после реплики про его бесконечные перемещения по свету, работы в разных точках земли. По самым скромным подсчётам он ежегодно проводит в воздухе более 300 часов.

Заядлый книголюб? В редкие минуты отдыха или в ожидании очередного авиарейса Карполь уединяется с книгой. Видел не раз его сидящем даже на полу в каком-нибудь аэропорту Гонконга за чтением очередного фолианта. Он как-то признался мне, что в последнее время его больше всего привлекают исторические романы – жизнь замечательных людей, облачённая в художественную форму: «С интересом прочитал двух «Наполеонов» – Тарле и Манфреда. Личность незаурядная. Но не только Наполеон как таковой привлёк моё внимание – провёл аналогию между тем, как перерождались якобинцы, и тем, как оказавшись во власти, менялись многие отечественные деятели».

Как-то в качестве первоапрельской шутки пустили слух, что Карполь уезжает в Белоруссию, куда его пригласил на вакантную должность вице-президента «батька» – Александр Лукашенко. Спросил, как бы он поступил, если бы подобное предложение на самом деле последовало. И услышал однозначный ответ: «Поехал бы». Правда, при этом тут же добавил: «Боюсь, чтобы управлять государством, моих знаний недостаточно. А если, кроме шуток, то всё случившееся в 1991-м подействовало на меня удручающе. Я, как и многие, оказался без великой Родины. Причём, имею в

виду вовсе не географические, политические и экономические изменения. Говорю о нравственных аспектах, о местах, где покоятся предки, короче, обо всём, что мы связываем со словосочетанием «отчий дом». И где он теперь мой отчий дом?.. Наверное, всем людям моего поколения, пережившим крушение великой страны, будет непросто смириться с потерей. Так что когда меня спрашивают, в какой стране я хотел бы жить постоянно, хотя объехал полмира, отвечаю: только в одной, но её уже не существует. Это Советский Союз».

Неугомонный холерик из «деревеньки»

Вопрос на засыпку

Он всегда меня чем-нибудь поражал, бывало даже шокировал. Да разве меня одного?

Например, редко ходил в поездках на обед вместе с командой, предпочитая в это время есть любимую «подрэзку», различные колбасы и прочие мясные изделия, заблаговременно припасённые и привезённые с собой. Однажды из-за этого чуть было не случился большущий скандал: ввозить в Австралию продуктовые изделия, как известно, категорически запрещено, а в багаже российской команды, которую тренировал Геннадий Яковлевич Шипулин (а речь о нём) была здоровенная спортивная сумка со всем этим снадобьем. Благо, самолёт опоздал и удалось миновать таможенный контроль без специального досмотра.

Как только появилась возможность, приобрёл самолёт. Не для себя – для команды. И действительно, лететь, скажем, на матч в Красноярск или Новый Уренгой через Москву, сидеть несколько часов в аэропорту на стыковке рейсов и тратить на это день, а то и больше, или всего-то за несколько часов напрямую добраться до места назначения, – разница существенная, согласитесь.

А тут вдруг решил есть только грейпфруты: якобы, где-то вычитал, что это способствует похуданию и улучшает ещё какие-то там свойства мужского организма. Правда, этот эксперимент длился недолго. Но ведь продержался же какое-то время.

Однажды чуть не лишился дара речи, столкнувшись с Шипулиным нос к носу на выходе из лифта в гостинице в олимпийском Ванкувере. Кого угодно готов был встретить в феврале, в далёкой Канаде, но только не Гену. Ведь шёл самый разгар волейбольного сезона. Оказалось, именно во время Белой Олимпиады 2010 года в Канаде Оргкомитет сочинских зимних Игр и РЖД подписывали партнёрское соглашение, и Шипулина, как одного из самых почётных представителей железнодорожного ведомства (а «Белогорье» носило тогда приставку «Локомотив») пригласили присутствовать при этом знаковом событии.

А ведь с виду самый что ни на есть обыкновенный человек. Разве что открытый более других, не умеющий таить что-то за пазухой. И на всё имеет собственное мнение, порой, расходящееся с общепринятым. Причём, нисколько не боится его высказать, не задумываясь о последствиях.

Но это сейчас, когда он в этой жизни уже многого добился и

стал уважаем и ценим окружающими. А вообще-то он из тех, кого англичане называют self-made man – человек, который сделал себя сам.

Я же знавал Геннадия Яковлевича Шипулина во времена, когда он только-только начинал свою тренерскую карьеру и буквально питался общением с людьми разных профессий и специальностей, совсем не обязательно имеющих отношение к спорту, но более опытными и больше знающими. Рассказывал, как разговаривал как-то, правда, давно уже, с позже опальным олигархом. И тот высоко оценил организаторские наклонности белгородского тренера и предрек ему большое будущее менеджера высочайшей категории при условии, если тот уедет из своей «деревеньки» в столицу. Но вот это-то точно не для Гены. Он из Белгорода – никуда.

Шипулин быстро переваривал всю полученную информацию, отбрасывал ненужное, словно шелуху от семечек, усваивая только самое важное и необходимое. При этом сохраняя и приумножая своё эго. И рос, самосовершенствовался буквально на глазах.

Это сегодня он готов наговорить журналистам столько, что только успевай записывать. А ведь прежде от слова «интервью» шарахался словно от раскалённой сковородки. Мне, к примеру, стал доверять на все сто, только когда убедился, что я не враг. На утверждении Шипулина главным тренером мужской сборной на президиуме Всероссийской федерации волейбола в декабре 1997 года наши с ним места оказались рядом. Голосование было тайным, но Гену очень интересовало, кого из кандидатов я оставил в бюллетене, а кого вычеркнул. А я и не скрывал свой выбор и продемонстрировал его соседу.

С тех пор между нами – полное взаимопонимание.

Как «деревенька» в столицу превратилась

Про таких как он говорят – и швец, и жнец, и на дуде игрец. Одним словом, мастер на все руки. Не о ремесленном искусстве речь, и вовсе не о поделках каких-нибудь этаких. Да он, наверное, и гвоздь-то в своем доме забыл уж когда забивал в последний раз. Потому что некогда, не до домашних забот-хлопот – у Шипулина дела посерьезнее, государственной важности, если хотите. Нисколько не шучу.

Разве долгие годы руководить клубом, восемь раз выигравшим чемпионат России и трижды Лигу чемпионов европейских стран, – не государственной важности дело? А возглавлять национальную команду страны и добиться с ней

после долгих лет медального затишья побед в Мировой лиге и Кубке мира, а еще наград олимпийских и мировых, – это вам тоже не крестиком вышивать, согласитесь? Я уж не говорю, что уже не первый созыв депутатствует Геннадий Яковлевич в Белгородской областной думе, что успешно работают некогда открытые им предприятия, производящие исключительно востребованные людьми товары различного назначения. Да разве за просто так могут назвать Почетным гражданином всей Белгородчины. А Шипулина назвали. И поделом.

После очередной какой-то важной победы его «Белогорья», кажется в Милане это было, весной 2003-го, где российский клуб после долгого перерыва стал лучшей волейбольной командой Старого Света, когда чуть ли не весь полумиллионный Белгород ночью собрался в маленьком аэропорту встречать своих кумиров, кто-то из местных журналистов спросил счастливейшего в тот момент Шипулина, не собирается ли он на этой победной волне участвовать в выборах губернатора и наверняка победить. Тренер был категоричен: «В Белгороде есть только один губернатор – Евгений Степанович Савченко».

Нисколько не лукавил Шипулин. И тем более не делал никаких экивоков в адрес первого лица области: у этих двух людей с самого начала их знакомства было полное взаимопонимание по всем вопросам. И не сдюжить бы никому не известному тренеру заштатной команды «Аграрник», возмечтавшему превратить Белгород в столицу отечественного волейбола, без поддержки областного руководства. Да ладно бы раз-другой выиграла белгородская команда российский чемпионат – треть из всех проведенных национальных турниров за командой Шипулина. А сколько выдающихся мастеров прошли белгородскую волейбольную выучку!

Вот только главную мечту жизни самому Геннадию Яковлевичу осуществить не удалось: не смог он дотянуть со сборной до олимпийского золота – серебро и бронзу завоевывал в Сиднее и в Афинах. Но зато четверо воспитанников из белгородской команды – ровно треть от выступавшей в британской столице дюжины – вернулись из Лондона в 2012-м чемпионами. И легендарный и незаменимый Сергей Тетюхин, проведший в составе сборной триста с лишним матчей, и высоченный, но при этом невероятно координированный и обладающий уникальным волейбольным чутьём Дмитрий Мусэрский, и ставший по-настоящему родным, потому что женился на одной из дочерей Шипулина, капитан сборной лондонского созыва Тарас Хтей, наконец, слишком поздно решивший заняться самой популярной в мире игрой, но очень

быстро, буквально экстерном прошедший весь курс обучения от азов до защиты «диплома о высшем волейбольном образовании» Дмитрий Ильиных.

Когда спор неуместен

Между тем туман вокруг личности Шипулина долгие годы не давал покоя широкой волейбольной общественности. Многие не могли взять в толк, почему это главный тренер не вёл тренировочные занятия, упрекали его за это. На сей счёт не раз был свидетелем, как Геннадий Яковлевич, не на шутку заведённый очередным Фомой-неверующим, мог поспорить на любые деньги, что готов переодеться в тренировочный костюм и провести полноценную тренировку не хуже любого из своих помощников или главного тренера другого клуба суперлиги. После подобных заявлений желающих поставить на кон энную сумму почему-то не находилось.

Помнится, после первого блестящего успеха белгородцев в «Финале четырёх» Лиги чемпионов весной 2003 года, когда после долгого перерыва российский клуб наконец-то вновь дотянулся до главного клубного трофея Старого Света, Шипулин заглянул в редакцию, где я тогда работал. Народу послушать уникального специалиста собралось немало. Геннадий Яковлевич был как всегда откровенен.

– Думаю, туман вокруг моей персоны теперь окончательно рассеялся. Был миллион сомнений, домыслов и вопросов, кто же он такой, Шипулин. Даже «Спорт-Экспресс» недавно поинтересовался мнением по этому поводу Вадика Хамутцких. Да тренер я, прежде всего тренер! А то, что умею при этом вести клубное хозяйство, знаю, как обеспечить «Локомотиву» достойное существование, пытаюсь сделать свое волейбольное «предприятие» прибыльным… Ну что в этом плохого?

– Да ничего. Вот и в нашей редакции вы сейчас подписывали какие-то бумаги «об аренде 600 вагонов».

– Да вагоны – дело непринципиальное, у меня сейчас в работе еще проектов десять. Важно, что благодаря организаторской жилке мне пока удается давать результат – и спортивный, и коммерческий. А в наше время одно без другого не существует. Ну разве испытал бы Белгород, да и вся Россия, такое удовлетворение от побед команды, если бы в бюджете «Локомотива-Белогорье» зияли дыры, а игроки не получали зарплату? Подобных проблем в клубе не было и быть не может, и мне не стыдно смотреть людям в глаза. Иначе бы не поднялся с

игроками ни на один пьедестал почета. Из принципа.

– Кстати, а победа в Лиге чемпионов приносит прибыль?

– Это вы о футбольной, что ли? *(Смех в зале.)* Знаете, деньги, вращающиеся в футболе, волейболу пока только снятся. Это там можно заработать миллион за выход в следующий круг какого-нибудь турнира. У нас же за победу в Лиге команда получит, если не ошибаюсь, тысяч 100 евро. Но при этом клубные затраты на участие в этом соревновании, включая вступительный взнос, в разы больше. С другой стороны, если я скажу, что наш европейский триумф не принес никаких дивидендов, то слукавлю. Безусловно, с ним «в кармане» открывать чиновничьи кабинеты и искать поддержки у власть имущих стало намного легче.

– Скажите, какая встреча болельщиков была теплее: когда «Локо» вернулся из Милана или после победы сборной России в финале Мировой лиги 2002 года?

– Безусловно, последняя. Ведь успех сборной обратил внимание мира на Россию. Этот же прославил на всю Европу именно Белгород. Люди понимают: сделано большое дело. «Деревенька» стала европейской волейбольной столицей! И город сошел с ума. Пресытится же победами Белгород еще не скоро. Недавно я спросил одного из заместителей Савченко: «Ну что, неудобств вам «Белогорье» не доставляет?» «Нет, Геннадий Яковлевич, – ответил он. – Хоть и устали ходить тебя чествовать, продолжай побеждать, народу это необходимо».

Поддержка сверху

Не знаю уж почему, но Белгород ассоциируется у меня с Шипулиным. А Шипулин – с Белгородом. Полагаю, что не случайно. Ведь дата образования областного центра, ставшего субъектом Российской Федерации, совпадает с годом рождения Геннадия Яковлевича.

«Этот город дал мне все, и я стараюсь ответить тем же, – откровенничал Шипулин. – Вы наверняка заметили, как наш край преображается из года в год, развивается, хорошеет. Огромная заслуга в этом губернатора Евгения Степановича Савченко. Умница, прагматик, знаток своего дела, человек новой формации, хотя и прошел в свое время все ступени партийной лестницы. Профессиональный менеджер, вникает во все от и до. Быстро ориентируется в обстановке и, если надо, принимает нестандартные решения без оглядки на федеральные власти. Последовательный в своих поступках, человек слова. А еще очень

любит спорт и сам играет в волейбол».

Впервые мне довелось пообщаться с губернатором Савченко в 1995 году, когда белгородские волейболисты добились своего первого значительного успеха, завоевав серебряные медали чемпионата страны. «Когда в провинциальном городе проводится крупный турнир, руководству вроде как по протоколу положено присутствовать хотя бы на церемонии открытия, – рассказывал мне Евгений Степанович. – И после двух-трех таких церемоний, а заодно и матчей, просмотренных «в нагрузку» к ним, начал ловить себя на том, что мне и волейбол интересен, и судьба команды небезразлична». Тогда же глава областной администрации высказал любопытную мысль: «Почему бы не превратить Белгород в столицу российского волейбола?»

Сегодня вряд ли кто-то будет оспаривать факт, что Белгород и есть, если не первый, но уж точно один из главных волейбольных городов страны. А Савченко все мало: губернатор замыслил превратить свой город в главный волейбольный центр Старого Света. И поддержал инициативу Шипулина о строительстве нового десятитысячного спортивного Дворца прежде всего для волейбола, который должен, по задумке Шипулина, стать многофункциональным и служить горожанам не только главной спортивной, но и концертной площадкой.

И в Белгороде рьяно взялись за дело. При этом всем известно – если Шипулин при поддержке областного руководства за что-нибудь берётся, непременно доведёт дело до конца, чтобы это ему ни стоило. И пусть сегодня экономический кризис чуть притормозил процесс возведения нового уникального сооружения в самом центре Белгорода, но нет никаких сомнений, что Дворец будет построен и в нём наверняка пройдут самые престижные волейбольные соревнования и на его арену выйдут лучшие волейболисты мира. Пока в этом городе есть Савченко и Шипулин.

До сих пор вспоминаю, как в начале нулевых затянулся финальный матч чемпионата страны, в котором белгородцы сражались с командой «МГТУ-Лужники» в московском спортзале «Дружба». В итоге гости опоздали на свой фирменный поезд. Так Савченко, узнав об этом, немедленно отправил в Москву губернаторский самолет, чтобы доставить домой новоиспеченных чемпионов России.

Учитель «венгр»

Волейбол начинался для Шипулина со студенческой команды

Технологического института. Уровень ее был не просто любительским – дворовым. В Белгороде в начале 70-х понятие об этой игре, конечно, имели, но самое общее – правила знали. Однако все стало меняться, когда в команде Техноложки появился новый тренер со звучной фамилией Венгеровский. Олимпийский чемпион и человек неординарный, про которого до сих пор, спустя даже более десяти лет после его внезапной кончины на волейбольной площадке, ходят легенды. Одна из них не могла меня не заинтересовать. Привожу её исключительно для того, чтобы читатель смог уяснить, каким был главный волейбольный учитель нашего героя.

В начале 60-х годов прошлого века Юрием Венгеровским, который был лидером харьковского «Буревестника», заинтересовались в Луганске, и вопрос о его переходе в местную «Звезду» решал, что случалось в исключительных случаях, тогдашний первый секретарь обкома КПСС, большой поклонник спорта Владимир Шевченко. Договорившись о зарплате, партийный меценат спросил, какие еще есть пожелания. Игрок попросил квартиру («будет»), четырехкомнатную («будет»), в центре города («будет»), автомобиль («будет»), не «Москвич», а «Волгу» («будет»), и непременно черную («пошел вон!»). Аудиенция закончилась. Переход не состоялся.

Этот эпизод хорошо характеризует одного из лучших пасующих тех лет – максималиста во всем. С приходом Венгеровского в белгородскую студенческую команду отношение к волейболу в городе начало приобретать профессиональные черты. Понятно, что совсем неволейбольный по своим физическим данным Шипулин в состав не попал, но из команды не ушел – помогал новому тренеру чем только мог, выполнял любую работу. И во все глаза смотрел на то, что делает знаменитый в недавнем прошлом волейболист, в рот ему заглядывал, ловил каждое слово, каждый жест. С той поры Венгеровский являлся и остаётся для Шипулина непререкаемым авторитетом.

– Почти всё, что я сегодня имею, причем, не только с волейбольной точки зрения, – заслуга Венгра, – признавался в одном из наших многочисленных разговоров уже переживший по возрасту своего учителя Шипулин. – Он определил мой путь в жизни, научил разбираться в людях, стоял у истоков создания моей семьи – вот уже более четырёх десятков лет мы с Надеждой счастливы, вырастили дочерей, теперь не нарадуемся на внуков. Юрий Наумович сделал из меня педагога, настоял, чтобы я закончил второй вуз. Даже представить не могу, как бы все сложилось, не окажись я однажды рядом с Венгеровским. Для

меня он, как Антон Макаренко для беспризорников. Человек непростой, властный, в общении очень тяжелый. Случалось, мы ругались, месяцами не виделись – он несколько раз возвращался в родной Харьков, но в конце концов вновь сходились и делали общее дело.

В 1983 году в Белгороде прошел один из туров чемпионата СССР, и Шипулин лишний раз убедился в том, что волейбол городу нужен – столько народу приходило на матчи. Начал создавать команду, которая в самом начале 90-х попала в первую лигу всесоюзного чемпионата. Первый тур проходил в Одессе, и на мандатной комиссии выяснилось, что 14 фамилий в заявке недостаточно, так как, по регламенту, в каждой команде должно быть два состава – основной и дублирующий с несколькими запасными. Сообразительный тренер быстро сориентировался и, вписав в заявку себя и своего помощника, получил добро на выступление «Аграрника», как в те годы называлась белгородская команда.

– Пришлось даже самому выходить на площадку за дубль, – вспоминает Шипулин. – А играл я тогда еще хуже, чем сейчас, выступая за ветеранов. Вот так начался наш путь наверх.

Кстати, видел Геннадия Яковлевича в игре за ветеранскую команду. И сделал вывод, что он очень похож на медвежонка. Не плюшевого игрушечного, а самого что ни на есть настоящего. Такого косолапенького, улыбчивого и сластену, которого непременно хочется погладить, приласкать. А в игре он – ну точно медвежонок на цирковой арене: в длиннющих трусах колобком катался по площадке! Потому и удивился, почему талисманом волейбольного «Белогорья» выбрали рыжегривого льва. Да бурый медвежонок это должен быть, круглый, мохнатый и с мордочкой, напоминающей президента и главного тренера одного из лучших волейбольных клубов Европы и мира.

Удар из-за угла

Нельзя объять необъятное. Это аксиома. И стоит пренебречь ею, как получаешь удар в спину или из-за угла. Естественно, неожиданный, непредсказуемый и, как правило, разящий. Что и произошло не так давно с Шипулиным.

– Мой организм дал сбой: случился инсульт, – рассказывал он в недавнем интервью. – Это произошло 2 октября 2015 года в Крыму. Меня срочно госпитализировали в Ливадийскую больницу, оттуда вывезли на самолёте, который прислал губернатор Белгородской области Евгений Савченко. Я лечился в

области, потом попал в столичный госпиталь, там долго восстанавливался. Спустя примерно полгода в том же госпитале проводил плановые лечебно-профилактические мероприятия. Думал, отделаться за два дня, а получилось провёл две недели. Как сказали доктора, всё идёт по плану: существующий очаг принимает нужную форму. Ещё потребуется примерно два с половиной года для окончательного восстановления формы. Жить предстоит в щадящем режиме, не совершать экстремальных поступков, не допускать нервных потрясений и стрессов. Самое обидное для меня – нельзя летать на самолёте. И как же это я не увижу своих ребят на Играх в Рио с трибуны «Мараканазиньо»? Обидно, право. Стараюсь оставаться спокойным, хотя для меня это крайне непросто. Но я всё-таки пытаюсь сдерживать клокочущую во мне энергию, наступая на горло. Ведь я человек сверхэмоциональный, холерик.

Прекрасно понимаю Геннадия Яковлевича, потому что объездил со сборной России, которой руководил Шипулин, десятки стран. Однажды даже, можно сказать, кругосветное путешествие совершили вместе с командой. В 1999-м это было. Тогда в одной группе Мировой лиги вместе с россиянами играли сборные Италии и Австралии. И календарь был составлен таким образом, что заключительные матчи группового этапа наши волейболисты проводили на Апеннинах, следом состоялся перелёт на Зелёный континент, а финальный турнир проводился в аргентинском Мар-дель-Плата. Вот и получилось, что вначале мы летели с посадками по маршруту Бари – Мюнхен – Франкфурт – Сингапур – Мельбурн – Сидней. А после официальных матчей с австралийцами и недельных тренировок в институте спорта в Канберре, отправились в обратную сторону из Сиднея в Мар-дель-Плата через новозеландский Окленд и аргентинскую столицу Буэнос-Айрес. По завершении же финальных соревнований наш путь лежал из аргентинского курортного городка, где в июле было холодно, как у нас поздней осенью, в Москву через всё тот же Буэнос-Айрес и Париж.

Вот тут-то имел возможность сблизиться с Шипулиным окончательно и признал в нём личность неординарную и уникальную, ни на кого из моих знакомых не похожую. Про его азарт и любовь к преферансу знал и раньше. Кстати, совсем не тёплыми австралийскими вечерами, расписывая «пули», выяснил за разговорами, что тренер любит охоту, не гнушается рыбалкой, обожает водить автомобиль и фанатеет от творчества Высоцкого, собрав едва ли не уникальную коллекцию его песен и стихов.

А совсем недавно Шипулин открылся и как заправский горнолыжник, предпочитающий спускаться именно по чёрным,

самым сложным трассам. Да он никогда и не выбирал лёгких путей. Посему нисколько не сомневаюсь, что как бы непросто ему сейчас ограничивать себя во всём, он непременно выкарабкается из всех своих хворей. И ещё поработает на славу отечественного волейбола, своего родного Белгорода и многочисленного семейства: двух дочерей, пяти внуков и чуть менее знаменитого, чем сам Геннадий Яковлевич, но не менее любимого, чем дочери, зятя – Тараса Хтея.

– Я хочу, чтобы дело моё жило! Будет Шипулин, не будет, а волейбол быть обязан. И вообще спорт. Хочу, чтобы мои ребята, которые положили своё здоровье, самих себя на алтарь нашего любимого волейбола, добились всего, что только можно добиться в спорте».

…Рядом с белгородским Дворцом спорта «Космос», ставшем для Шипулина и К° вторым домом, воздвигнута бронзовая скульптурная композиция. Все ее составляющие легко узнаваемы: Хамутцких отдает пас, Тетюхин атакует, а со скамеечки наблюдает за ними неутомимый тренер.

Редко кому в нашей стране ставят памятники при жизни.

IV. Слава навсегда

Он вошел в число номинантов на звание лучшего волейбольного тренера XX века мужской команды, он установил рекорд минувшего столетия: советская сборная Вячеслава Платонова выиграла все международные соревнования с 1977 по 1985 годы.

Мог бы перечислить огромное число турниров и соревнований, на которых добивалась успеха платоновская дружина. И, наверное, тренер мог навсегда остаться непобедимым, уникальным в своём роде специалистом, так и не познавшем горечи поражения, если бы был равнодушен ко всему, что происходило в отечественном волейболе после его первого вынужденного перерыва в работе с национальной командой.

Впрочем, не случись весной 1986-го рецидива болезни, когда тренер оказался на грани жизни и смерти и на операционном столе, наверное, и развитие отечественного мужского волейбола сложилось иначе. Но то, что Платонов не допустил бы, чтобы руководимая им мужская национальная сборная, долгие годы выступавшая законодательницей мировой волейбольной моды, растеряла свой авторитет и была вынуждена догонять новых мировых лидеров – команды США, а чуть позже Италии, – факт непреложный.

Но жизнь расставила всё на свой манер, и акценты сместились.

Сбывшееся пожелание

Не так давно, когда в очередной раз на глаза попалась первая книга Платонова, о которой я уже упоминал в предисловии, «Уравнение с шестью известными», обратил более пристальное внимание на дарственную надпись. Точнее даже не столько на

слова – тут Вячеслав Алексеевич просто-таки в воду смотрел, а на дату, проставленную платоновской рукой. Уж очень она оказалась символической.

Но вначале о тексте, на первый взгляд традиционном, но оказавшимся пророческим: «От автора с пожеланиями успехов в работе и не забывать, работая, писать о волейболе». Далее подпись и число: 24.04.84. Спустя всего два года стал писать о волейболе регулярно, чуть ли не ежедневно. С тех пор не могу остановиться.

А вот дата… Тут такая история. Платонов презентовал мне свой опус в Ленинграде, куда для совместных тренировок и будущих спаррингов в преддверии Олимпийских игр в Лос-Анджелесе приехала по нашим тогда понятиям скромная американская волейбольная сборная со своим молодым тренером Дагом Билом. Советская команда, ведомая Платоновым, была в те годы безоговорочным лидером мирового волейбола, официальных соревнований уже семь лет никому не проигрывала. И американцы приехали учиться. Позже выяснилось, что оказались они прилежными школярами, превзошедшими чуть позже своих советских «профессоров».

Но это произойдет впервые только через два года.

А через каких-то две недели после той встречи с Платоновым и Билом, точнее, 8 мая 1984-го, Национальный олимпийский комитет СССР принял решение не направлять делегацию на Олимпийские игры в Лос-Анджелес. Вернее сказать, не НОК решение принимал – его члены, словно судебные заседатели, как было принято в те годы, единогласно проголосовали за вердикт, вынесенный на Старой площади, где находился ЦК КПСС.

Платонов не был на том заседании НОК – точно в этот час, когда в Москве оглашали «приговор» отечественному спорту, в Харькове игрался очередной матч серии СССР – США.

Как было принято в те времена (да и сегодняшние в этом отношении мало чем отличаются), СМИ, прежде всего телевизионные, должны были срочно отреагировать – набрать побольше публичных откликов, разумеется, «поддерживающих и одобряющих». И действительно нашлось немало подголосков, «пропевших» нужные слова. Выбор пал и на Платонова – фигура что надо, в центре внимания. А тот возьми – и откажись давать интервью программе «Время». Он понимал, что отказ от поездки на Игры в США – грубейшая ошибка, которая надолго подорвет авторитет советского спорта. Но откровения известного специалиста в эфир бы точно не пустили.

Отказ тот аукнулся строптивому тренеру через два года. У Платонова случился сильный приступ язвенной болезни,

потребовалась срочная операция и какое-то время на восстановление. Произошло это в самый ответственный период подготовки к Играм Доброй воли в Москве и чемпионату мира во Франции. Он тогда порекомендовал на свое место Геннадия Паршина, руководившего молодежной сборной СССР. Месяца через два, когда «добровольческие» игры еще продолжались, ленинградец объявился в Москве в надежде вновь занять свое место во главе первой команды. И получил от ворот поворот, причем, в весьма оскорбительной форме.

Потом мы встретились через два месяца во Франции на чемпионате мира, сидели рядом на финальном матче СССР – США в новеньком парижском «Берси». Поначалу Платонов был более-менее спокоен, хотя не всем был доволен. Когда же Паршин усадил на скамейку затемпературившего Вячеслава Зайцева, лучшего связующего мирового волейбола того времени, Платонов не выдержал: «Да что он не знает, что Славка всегда в день решающих матчей заболевает, – сокрушался мой сосед по ложе прессы. – Нельзя его убирать с площадки, нельзя».

Наша команда проиграла тот финал. Платонов был расстроен больше нашего и ничуть не меньше, чем игроки.

Он еще надеялся, что его вернут в сборную, как и было обещано, после мирового первенства. Но спортивное ведомство хранило молчание. Никто не обратился к нему за помощью и через год, никто не вспомнил о Платонове и после бездарно проигранных Олимпийских игр в Сеуле.

Неожиданно столкнулся с тренером в аэропорту… Хабаровска (в Сеуле встретится не довелось), где наши чартеры приземлились на дозаправку. Обменявшись впечатлениями от проигрыша накануне, Платонов вновь не удержался: «Самое ужасное, что никто мне даже не объяснил, за что меня сняли. За грехи? Но я за собой их не замечал, да и никто другой, уверен, тоже».

В следующий раз мы пообщались осенью 1989-го в Стокгольме, где проходили решающие матчи чемпионата Европы. Платонов подгадал к этому товарищеские матчи в Швеции для своего финского клуба «Лойму», куда он отправился работать по контракту. Матч за 3-е место СССР – Швеция тренер смотреть не хотел, из уважения к мэтру решил составить ему компанию: все равно ничего нового мы бы не увидели, к тому же тренер предвидел, что советская команда проиграет, что и произошло.

Первое возвращение

Тогда-то в разговоре за «рюмкой чая» поинтересовался невзначай, готов ли он вновь встать у руля сборной, если позовут. И услышал в ответ: «Я-то готов, но не уверен, что кто-нибудь ко мне обратится».

К нему не обратились, нет. Он сам уже не мог видеть, как постепенно сползает в никуда команда, которую он долгие годы лепил и пестовал. Понятно, там уже не осталось тех, с кем он побеждал всех и вся на рубеже семидесятых и восьмидесятых, там собрались другие исполнители, с которыми, увы, все надо было начинать с начала.

После четвертого места на чемпионате Европы в Швеции и третьего на Кубке мира, руководство Федерации решило инициировать выборы главного тренера мужской сборной вопреки желанию руководства Госкомспорта сохранить всё, как есть. Тогда-то Платонов и подал документы на конкурс.

И были выборы. И было два реальных претендента на место главного – Паршин и Платонов. И победил сильнейший – Платонов. Радоваться бы, а он опять был чем-то недоволен: «Из 12 голосов, поданных против меня, были всего один-два тренерских. Ничего не имею против тех, кто выразил мне недоверие. Это их право. Меня больше насторожили те трое, которые воздержались. В такой трудной ситуации, в какой оказался наш мужской волейбол, воздерживаться – это предательство, это пренебрежение ко всем, кто любит и предан нашей игре».

Ему, правда, предстояло выдержать еще один экзамен на коллегии Госкомспорта, где утверждалась кандидатура главного тренера, причем, сделать это должны были те, кто за четыре года до этого так беспардонно обошелся с Платоновым. Но против мнения общественности эти горе-руководители на сей раз выступить не посмели. Была весна 1990 года.

Первую тренировку он провёл всего за две недели до первого матча нового соревнования – Мировой лиги. И ту встречу советская команда проиграла вчистую.

Он тогда признавался мне: «Свою работу в новой сборной я начал со следующего выступления. Сказал: вы слышали обо мне и хорошее, и плохое, и я тоже слышал о вас много хорошего и немало плохого. И предложил начать все с нуля и забыть обо всем, что знаем друг о друге. Единственное, что я тогда пообещал твердо, что никому не позволю работать спустя рукава и проскочить в сборную на «халяву». И предупредил: кто не готов горбатиться и потеть, пусть лучше признается сразу, и мы разойдёмся, я никого насильно держать не собирался. Тогда все промолчали, но очень скоро я убедился, что к большим нагрузкам, к тем требованиям, которые я предъявлял прежним

подопечным, нынешние просто не готовы. И первое время мы занимались не тренировками, а дрессурой, как бы грубо это не звучало».

Возвращение состоялось. Но уж очень нелицеприятное: оба матча голландцам, которые прилетели в Москву прямиком из Японии, где участвовали в отборочном турнире к чемпионату мира и пребывали в отличной форме, на переполненной зрителями лужниковской Малой арене были проиграны. А одну партию (тогда в волейболе существовали другие правила – каждый сет игрался до 15 очков с переходом подачи) уступили почти всухую. Но после финального свистка Платонов смело вышел в центр арены, взял микрофон, извинился за действия игроков и громогласно объявил: «Запомните этот день. И мои слова. Мы будем играть лучше! И очень скоро!»

А потом в раздевалке повел разговор по душам с каждым в отдельности. Спрашивал тихим голосом, что помешало сыграть лучше – может, обед не понравился, может, автобус подали не комфортабельный, может, дома что произошло. И, не получив ни одного вразумительного ответа, устроил «театр одного актера».

При всей команде набросился на доктора – Олега Добровольского, обвинив его в неудаче сборной. «Ты почему, – возмущался Платонов, – заказал им сегодня на завтрак красную икру? Вчера вот черная была, и играли лучше. Значит виноват ты, и только ты!»

Смогли ли игроки правильно оценить сцену в раздевалке, не знаю. Но всего через несколько дней они обыграли ту же сборную Голландии на ее площадке, через два месяца заняли четвертое место в Мировой лиге, через три – финишировали вторыми на Играх Доброй воли в Сиэтле, через полгода завоевали бронзовые награды мирового чемпионата в Бразилии, обыграв, кстати, сборную хозяев, а закончили год успешным выступлением в Японии в так называемом Кубке чемпионов – турнире сильнейших сборных и победой над новоиспеченными чемпионами мира итальянцами. И по самым высоким меркам возвращение в сборную прежнего тренера можно было считать вполне успешным. Однако Платонов, как всегда, был не очень доволен, хотя и понимал, что за столь короткий срок создать коллектив, способный вновь выигрывать все соревнования, не реально.

Выполненное обещание

До Барселоны оставалось еще без малого два года, но туда

надо было еще попасть. Для этого необходимо было занять место в тройке призеров на Кубке мира, куда от каждого континента приглашались только финалисты соответствующего чемпионата.

Европейское первенство 1991 года разыгрывалось в Германии. К этому времени платоновская команда катила. И неплохо. Могла, кстати, выиграть и Мировую лигу, но в очень упорном полуфинале с кубинцами американский арбитр в одном из эпизодов откровенно свистнул в пользу соперника – не специально, просто ошибся. Много позже, когда заканчивал судейскую карьеру этот известный специалист по фамилии Уинн Дэвенпорт, между прочим, отец известной теннисистки Линдсей Дэвенпорт, выигравшей 55 турниров WTA, на одном из приёмов по завершении какого-то соревнования плакался в жилетку и извинялся за тот свой промах.

А в Милане досадный эпизод так расстроил наших игроков, что они уже не смогли собраться и что-либо изменить на площадке. Однако, как я уже отметил, гораздо важнее было пробиться в финал на чемпионате Европы в Германии.

В Карлсруэ на групповом этапе команда играла ни шатко – ни валко, хотя и выигрывала. Но ближе к решающим матчам в Берлине действия игроков становились более осмысленными и чёткими. Квинтэссенцией же стала финальная победа над итальянцами, в которой сборная СССР не оставила соперникам никаких шансов: преимущество платоновских выучеников был неоспоримым. Кроме золотых медалей и самоутверждения в волейбольном мире волейболистам выплатили тогда небывалые по меркам того времени премиальные – по 500 долларов на брата. Обычно ничего не прощающий Платонов снизошёл даже до реабилитации наказанного за нарушение режима во время сборов в Ялте Юрия Сапеги – тот очень здорово сыграл в решающем матче в Германии.

А через год перед Играми в Барселоне тренер, напротив, не простил строптивого игрока за гораздо меньшую провинность, и на Олимпиаду Сапега не поехал. Как же его там не хватало! Самым слабым местом в той команде был прием подачи. Сапега же был одним из столпов именно в этом компоненте волейбола, хотя формально и числился центральным блокирующем.

И все-таки не столько отсутствие одного из ведущих игроков сказалось на барселонском провале мужской сборной Платонова. Такой исход можно было предвидеть, потому что именно главный тренер, как никто, болезненно переживал развал великой державы, отсутствие традиционных букв СССР на майках игроков и алого стяга страны. И состояние это хочешь – не хочешь передавалось игрокам сборной СНГ – Содружества независимых

государств, как тогда называлась выступавшая на играх объединённая команда.

Помню, как перед матчем Мировой лиги с американцами в Питере в июне 1992-го в раздевалку нашей команды зашел очень популярный в то время в стране политик Анатолий Собчак. Мэр города хотел пожелать игрокам удачи в предстоящей ответственной встрече. Но не пробыл в раздевалке и минуты – выскочил пунцовый, ничего не понимающий, а из комнаты вдогонку неслись нелицеприятные слова в адрес уважаемого человека, руководства новой России и обвинения в развале СССР…

Еще до Барселоны все знали, что сразу после Игр Платонов опять уедет в полюбившуюся Финляндию, теперь уже тренером сборной этой страны – контракт был подписан еще в мае. Игроки последовали за тренером. Но они в большинстве своем отправились на Апеннины, где игрался самый по тем временам сильный национальный чемпионат. Так разошлись дорожки тренера и волейболистов.

Второе возвращение

Но через три с лишним года им предстояло вновь сойтись вместе – последователям Платонова опять не удалось создать команду-победительницу. И тогда руководство федерации в очередной раз обратилось к известному тренеру с предложением возглавить команду в самый канун Олимпиады в Атланте. В третий раз!

Отборочный турнир игрался в начале 1996 года в Копенгагене. И самым сложным был матч со сборной Югославии. Россиянам пришлось действовать с листа, практически без подготовки. Мне довелось быть свидетелем той невероятной по напряжению, к тому же продолжавшейся более трех часов встречи. Победа была тогда достигнута, как и полтора года спустя на чемпионате Европы в Голландии. Но в матче за 3-е место в самой Атланте команда Платонова проиграла… югославам, которые пробились на Игры через еще один квалификационный турнир. А на континентальном первенстве 1997-го, победив в трех партиях команду братьев Грбичей, сборная России затем неожиданно уступила в групповом турнире более слабым сборным Германии и Словакии, и в полуфинале в итоге оказались… югославы. Платонов же и К⁰ довольствовались пятым местом.

На том и закончилась эра тренера сборной Платонова.

Уходил он шумно. Его ближайшее окружение развернуло мощную кампанию, целью которой, по сути, было оправдать последние неудачи сборной кознями и интригами помощников великого тренера. В отдельных публикациях конкретно упоминалось имя Вячеслава Зайцева, но чаще обвинения были обезличены и бездоказательны. Даже заголовки вспоминаю, которые не могли не привлечь внимания, типа: «Платонов: «Меня предал любимый ученик». Начинаешь читать откровения тренера – и ни слова про то, в чём же заключалось предательство «любимого» отпрыска.

Правда, в одном из интервью вычитал, что, оказывается, помощники и ассистенты главного тренера ещё в ходе финального турнира Мировой лиги в Москве начали делить «шкуру ещё неубитого медведя», участвуя в борьбе за ещё не освобождённый пост главного тренера. На самом же деле ни Зайцев, ни Юрий Фураев, ещё один помощник Платонова в сборной, ни в каких интригах участия не принимали. Этим занимались другие – и мы в газете «Спорт-Экспресс», где я тогда работал, приводили фамилии тех, кто, пока Платонов был в больнице, действительно пытался «делить шкуру». Зайцеву же с Фураевым было в тот момент не до делёжки – они работали с командой, которой никак нельзя было опозориться перед своим зрителем в домашнем финале после провального группового этапа. И сборная России смогла-таки занять почётное третье место.

Вообще и я, и любое СМИ, в каких мне приходилось работать за долгую журналистскую карьеру, придерживались раз и навсегда принятой линии: максимально полно освещая события, давать читателю объективную картину и не вступать в полемику ни с защитниками, ни с противниками конкретного события или человека, в нашем варианте Платонова.

Между тем, сам Вячеслав Алексеевич в тот момент запутался в «показаниях». Перед отъездом на чемпионат Европы в «СЭ» были напечатаны слова главного тренера: «Зачем ещё может сборная России приезжать на чемпионат континента, кроме как за первым местом?.. Так что ни о каких пятых-шестых местах разговора вообще быть не может».

А по возвращении, давая интервью другому изданию, Платонов говорил совсем иначе: «Пятое место, которое мы заняли на Европе, прогнозировалось и мною, и федерацией. Подгруппа-то у нас была одной из самых сложных, среди соперников в ней гранды мирового волейбола – итальянцы, югославы». Это был тонкий расчёт на плохо информированных и не знавших ситуации в европейском волейболе читателей. К тому же совершенно не осведомлённых, что на самом деле произошло в

Голландии. А там итоговое пятое место россияне заняли после проигрыша в подгруппе двух матчей подряд и вовсе не грандам, а сборным, в то время вообще не котировавшимся.

Ну да бог с ним, что было, то прошло. С тех пор минуло два десятка лет. Многое забылось. Да и Вячеслава Алексеевича уже давно нет с нами, и Юрия Петровича Фураева. Вспомнил же об этом и привёл факты только по одной простой причине: до сих пор недоброжелатели того же Зайцева нет-нет, да припоминают, будто бы он так плохо обошёлся со своим учителем, что совершенно не соответствовало действительности. А всё происходившее в те годы списываю на нездоровье учителя и некоторую мнительность, появившуюся у Вячеслава Алексеевича после тяжелейших операций на грани жизни и смерти.

* * *

Платонов еще долго старался держать на плаву тонущий из-за недостатка средств «Автомобилист», делал все, чтобы открыть в родном Питере Академию волейбола, которая сегодня носит его имя.

Уже после смерти выдающегося тренера его друг и редактор-составитель всех его книг Алексей Самойлов подарил мне последнее произведение Платонова «Моя профессия – игра», которое вышло спустя два года после его смерти. Эта книга тренера для молодых коллег и начинающих игроков. Алексей Петрович надписал мне, как в свое время за тридцать лет до этого сам Платонов:

«На память о нашем Славе и нашей волейбольной славе».

Он в одиночку мог решить судьбу матча

В этом году мы бы праздновали его юбилей. Большой, полувековой. И был бы он скорее всего хорошим тренером. Не исключаю, что и сборной России мог руководить – не в обиду его товарищу по легендарному в то время ЦСКА Владимиру Алекно будет сказано. Да Романыч и сам знает, что Андрей Кузнецов, или попросту Кузя, был игроком классным, личностью уникальной, не случайно же все единогласно проголосовали за него, когда выбирали капитана сборной России. А потому и тренером Андрей мог бы стать незаурядным. Только вот жизнь прожил короткую – в 28 лет погиб в автокатастрофе по дороге на празднование Нового, 1995 года в итальянский Джойя дель Колле.

Шок

Сообщение это, помню, ошарашило. По всем новостным программам существовавших в те лихие девяностые телевизионных каналов передали печальную весть под вечер 31 декабря. Когда все в сто затёртый раз смотрели рязановскую «Иронию судьбы…», или готовились отмечать предстоящее торжество, или уже начали провожать год уходящий. И уж точно не обращали внимания, о чем там талдычат в «ящике». Потому и узнал обо всём случившемся не сразу.

Потом по крупицам собирал из разных источников детали произошедшего, хотя по большому счёту это уже не имело никакого значения – человека не стало. Хорошего человека и отличного волейболиста. Благо в аварии не пострадал никто из близких – и жена Людмила, и двое сыновей Андрея остались целы и невредимы.

Не успел вернуться домой после новогодних торжеств, как тут же раздалось несколько телефонных звонков: «Ты слышал? Слышал?..» Как-то не верилось во всё это, не хотелось верить, так точнее. Уже было не до веселья – какие тут праздники, когда случилось страшное.

А через несколько дней провожали Андрея в цээсковском зале, где он несколько лет тренировался и играл, и чемпионом страны становился, и Кубки европейские выигрывал.

Народу собралось немало. Могло быть и больше, но многие из тех, с кем Кузя выходил на площадку, остались в Италии, клубы их не отпустили. Один только Юра Сапега, верный и преданный друг, бросил свою команду из Падуи и тащил на себе

всю организацию прощания, начиная с самой Италии. И если бы не Сапега, даже представить невозможно, как бы всё прошло.

А после похорон, когда все собрались поднять чарку за упокой, сказал вслух, что надо учредить приз памяти Андрея Кузнецова и ежегодно вручать его лучшему волейболисту страны по итогам очередного сезона. И с 1986 года газета «Спорт-Экспресс», в которой проработал со дня основания двадцать лет, на протяжении сезона начисляла очки отличившемся в каждом матче каждого тура и по итогам года вручала заветную и памятную награду действительно лучшему игроку. И борьба за кузнецовский приз была нешуточная.

К сожалению, с моим уходом из газеты и увольнением ряда последователей, традиция была нарушена. А жаль. Потому что до сих пор приходится отвечать на вопрос, почему так произошло, почему благое начинание кануло в Лету. Только вот вопрос этот не по адресу: спрашивать следует с нынешнего руководства «СЭ».

Между тем, приз Андрея Кузнецова существует и в Италии. Только вот точно не скажу, кому и за какие заслуги он вручается. Кажется, то ли лучшему волейболисту второго итальянского дивизиона А2, то ли самому результативному игроку этой лиги.

Незаменимый

«Для всех клубов, за которые Андрей выступал в Италии, он был своеобразной палочкой-выручалочкой, – рассказывал мне после всего, что произошло, Юрий Сапега, ближайший друг погибшего капитана сборной России. – Вначале вывел в итальянскую высшую лигу римский «Лацио», потом сделал то же самое с клубом из Джойя дель Колле, и команда из Феррары, за которую он выступал до трагического 30 декабря 1994-го, лидировала в А2. Знаю, как не хотел он ехать на Новый год в Джойю, куда его пригласил тренер его бывшей команды, но всё-таки поехал… После случившегося мне звонили из Феррары и просили, чтобы я заменил погибшего Андрея, согласился играть на его месте. Но я уже год как перешёл на тренерскую работу и заменить его не смог бы. Его никто не смог бы заменить…»

Не скажу, что мы были с Кузнецовым близкими друзьями. Но то, что с момента знакомства образовалась у нас взаимная симпатия, особые отношения – добрые, даже доверительные, – факт. А познакомились мы в год дебюта Андрея в сборной СССР. Вспоминаю потрясающую ночь с 4 на 5 октября 1987-го. Бельгийский Гент, в котором только что завершился чемпионат Европы. Маленькая двухэтажная гостиница, в которой жили две

советские сборные – мужская и женская: это был, если не ошибаюсь, первый и последний континентальный чемпионат, в котором в одной стране, но в разных городах играли одновременно мужские и женские сборные Старого Света, а финалы проходили в одном месте – женский в субботу, мужской – в воскресенье. «Лиха беда начало: первое серьёзное золото у меня теперь есть, – признавался обычно не очень разговорчивый Кузя, находясь ещё под впечатлением только что завершившегося финала с французами. – Осталось дело за немногим – собрать полный комплект золотых медалей – с чемпионата мира и Олимпийских игр. Тогда, наверное, успокоюсь».

В Москве талантливый парень оказался в 1982-м, когда учился в девятом классе в своей Полтаве и занимался в местной спортшколе. «Уже тогда можно было безошибочно сказать, что из этого парня выйдет толк, – объяснял Владимир Кондра, который, собственно, и привёз Кузнецова в столицу. – Что он позже и доказал, выступая за «Искру», ЦСКА, молодёжную и взрослую сборные страны, которые мне довелось тренировать».

С его первой Олимпиадой произошла осечка – советская команда в финале проиграла сборной США.

– Наверное, сегодня нам было не по силам выиграть у американцев. Но у меня есть ещё время – через четыре года должны взять своё в Барселоне. Если команда будет, – размышлял Андрей после олимпийского финала в столице Кореи 2 октября 1988 года на балконе квартиры в Олимпийской деревне, в которой жила вся сборная СССР, а я в доме неподалёку.

– А что, есть сомнения? – поинтересовался я.

– Ещё какие! По большому счёту даже здесь её не было, хотя исполнителей – и очень хороших – хватало: Зайцев, Панченко, Антонов, Шкурихин, Сороколет. Через четыре года никого из них в команде уже не будет. А кто придёт на смену? Кто станет тренировать сборную? Хотя уже сейчас костяк будущей команды очевиден – Сапега, Красильников, Чередник, я…»

«Работать с Андреем было одно удовольствие, – откровенничал со мной Валентин Жуков, в прошлом тренер, а в момент нашего разговора президент Всероссийской федерации волейбола. – Я понял это на Спартакиаде школьников в Ташкенте в 1984-м, где руководил сборной РСФСР, за которую он выступал. Не нужно было никаких слов – Кузнецов всё понимал с полувзгляда: даже не беря перерыв, я мог на пальцах объяснить ему, что и как надо делать. И Андрей всегда чётко выполнял тренерские указания».

А вот ещё одно признание – Юрия Питерцева, долгие годы курировавшего столичный волейбол в Москомспорте, члена

президиума ВФВ: «Кузнецов был великим игроком. Он один мог решить судьбу партии и даже матча. Для командной игры такой мастер – явление редкое. Да он и обладал редчайшим талантом. Был настоящим лидером. Хотя это его качество внешне не очень-то было заметно».

Интраверт по натуре, он и в самом деле был так называемым неформальным лидером, хотя в любой команде, что в советской, что в итальянской его, как правило, выделяли среди прочих. Наверняка понимал силу влияния Кузи на игроков и мудрый Вячеслав Платонов. Вот только признаваться в этом не хотел по причинам, только ему известным. А, может, это было связано с тем, что Кузнецов достаточно критично относился к платоновскому подходу к играм.

– Тебя не насторожило, что в течение сезона Платонов ни в одной официальной игре не выставил один и тот же стартовый состав? Ладно бы делал он это из-за травм игроков. Так нет, все были здоровы. Понимаешь, когда личные амбиции не позволяют тренеру наступить на горло собственной песне, когда он действует вопреки здравому смыслу, это ни к чему хорошему не приводит», – в сердцах говорил мне Андрей в августе 1992-го после провала сборной на Олимпийских играх в Барселоне, где сборная СНГ финишировала только седьмой.

Зато партнёры Кузнецова ценили его очень высоко. «Когда Андрея не было на площадке, мы как-то терялись. Когда же он выходил в стартовом составе, сразу появлялась уверенность, и мы готовы были сражаться с кем угодно. Возможно, это лично моё ощущение, ведь больше других играл с ним рядом, не только в сборной, но и в итальянском «Лацио». Именно он помог познать итальянский волейбол и язык тоже. Он был верным другом», – Руслан Олихвер, как всегда, был предельно откровенен.

«Лацио»

Кстати о «Лацио». В ноябре 1993-го мы разговаривали в Москве перед отборочным турниром перед чемпионатом мира 1994 года в Греции. Буквально за несколько дней до этого в популярной итальянской спортивной газете La Gazzetta dello Sport появился большой, чуть ли не на полосу материал под шокирующем своей цифрой заголовком: «Лацио» задолжал Кузнецову 130 000 000 лир». По курсу того времени эта цифра выглядела ещё более внушительно – 261 300 000 рублей. О «деле Кузнецова» тогда говорил весь волейбольный мир.

– Что-то уж больно убийственную цифру долга клуба назвали

итальянские журналисты. Она соответствует действительности?

– Нет, конечно. Как это говорится? Не верь глазам своим. Когда материал был напечатан, у меня дома телефон раскалился докрасна: звонили все – итальянские игроки и легионеры – наши и не наши. И всем я вынужден был объяснять, что журналисты прилично завысили данные. Речь действительно шла о солидном долге, но не о таком, поменьше.

– Так что же всё-таки произошло на самом деле?

– Два года назад, если помнишь, я заключил контракт с римским клубом «Лацио» на один год. Отыграв год, как положено, подписал новое соглашение на три года с тем же клубом. Однако к тому моменту основное положение первого контракта не было выполнено полностью – я получил лишь половину от оговоренной в договоре суммы. По итогам второго сезона клуб выплатил ещё меньше, чем в первый раз. Мой адвокат пытался востребовать с «Лацио» недостающие деньги, но всё было безуспешно.

Хуже другое. Мало того, что руководство клуба вообще не собиралось выполнять условия контракта. Они не хотели отдавать мне на руки мою лицензию игрока. А предложений – и очень хороших – от других итальянских команд у меня хватало. «Лацио» к тому же не выполнил пункты контракта, по которым определённые суммы предназначались моему клубу ЦСКА и нашей волейбольной федерации. При этом римляне предложили новые условия, чтобы только удержать меня в клубе, которые разительно отличались от тех, что были оговорены за год до этого. Понятно, что ни я, ни мой адвокат на это не согласились.

И начался судебный процесс. Он длился месяца полтора, не меньше, и завершился в нашу пользу. Теперь руководство «Лацио» должно перечислить все невыплаченные мне по контакту деньги в течение 60 дней. Спасибо Всероссийской федерации волейбола, заявившей протест и подключившей к делу Международную федерацию волейбола. Сам видел факс, подписанный президентом ФИВБ Акостой, требующий немедленного разрешения спора. Зашевелилась и Итальянская федерация, за меня вступилась также итальянская общественность. Тогда и появилась статья в la Gazzetta. Кстати, в запросе от ФИВБ значились фамилии шести наших волейболистов, которые столкнулись с подобными же вещами в других итальянских клубах. Кроме меня, это Паша Шикин, Дима Фомин, Игорь Рунов, Ярик Антонов и Руслик Олихвер. Заявление Акосты было ультимативным: либо пункты контрактов будут выполнены, либо ФИВБ запретит командам, нарушившим условия соглашений, вообще приобретать иностранных волейболистов».

Дальше мы затронули уже совсем другую тему, интересовавшую меня ничуть не меньше, нежели вопрос, связанный с контрактом. Кузя отвечал охотно.

– Будем надеяться, что в финансовом плане новых проблем более не возникнет. А в чисто спортивном? Три года назад ты приехал в Италию на волне волейбольного бума, сборная с Апеннин выиграла подряд несколько крупных соревнований – чемпионаты мира и Европы, Мировую лигу. Сейчас бум продолжается или пошёл на спад?

– Всё изменилось. Италия вообще переживает экономический кризис. И это не могло не отразиться на спорте, в частности, на волейболе. Три года назад на полуостров охотно ехали не только европейцы, но и американцы, и аргентинцы, и бразильцы с одной целью – подзаработать денег, благо ситуация к этому располагала. Ныне же интерес к нашей игре заметно упал, клубы уже не в состоянии платить по контракту миллионные суммы в долларах, которые ещё недавно предлагали тем же американцам – Карчу Кираю и Стиву Тиммонсу.

– Но уровень волейбола, тем не менее, остаётся высоким?

– Выше, чем у нас – бесспорно. Причём, не только в серии А1, в которой я выступал два года, но и в серии А2. Кстати, различие между двумя итальянскими лигами не столь существенное. В А2, где я сейчас играю, приходится пахать даже больше, чем в высшем дивизионе. А в матчах на Кубок Италии мы выбили из розыгрыша и команду Олега Шатунова «Кунео», и «Модену» Олихвера. Так что при удачном раскладе мы могли бы прилично выступить и в А1.

– Давай перейдём от итальянских дел к российским. Реально ли сегодня для сборной России выиграть миллион в Мировой лиге, иначе говоря, победить в финале?

– Реально. При одном условии: если изменится отношение игроков к делу.

– А возможно это отношение изменить?

– Очень надеюсь, что ребята осознают ту меру ответственности, которая ложится на каждого, когда команда ставит перед собой самую высокую цель. У меня со всеми всегда были хорошие отношения. Но только в этом году я по-настоящему ощутил себя капитаном.

– Это чувство пришло с годами, с опытом? Или здесь что-то другое – отношение тренеров, игроков?

– Прежде всего второе: я почувствовал себя нужным, понял, что мне доверяют тренеры. И на это доброе отношение также

захотелось ответить добром. Раньше об этом не могло быть и речи.

– За время выступления за сборную ты успел поработать с тремя главными тренерами. Можешь ли оценить вклад каждого из них в становление национальной команды?

– Это не совсем этично. К тому же я не вправе судить об их профессионализме. Могу лишь говорить о человеческих качествах, о взаимоотношениях тренеров и игроков. Так вот, в этом году я не шёл – бежал на каждую тренировку. Даже с беременной женой поругался: она считала, что мне не надо играть за сборную. Но я не мог подвести Радина с Фураевым, которые поверили мне, надеялись на меня. А предыдущие два года с Платоновым – это была казарма, солдатский режим. Вячеслав Алексеевич – человек настроения. Это, наверное, всё, что я мог бы сказать.

С Паршиным не было близкого общения – я был слишком молод, когда пришёл в сборную, которой руководил Геннадий Васильевич. Тогда больше командовал не он, а старожилы команды: всё было так, как они говорили.

Сегодня в коллективе сложилась совсем другая атмосфера – доверительная. И создают её все без исключения – и сам Виктор Петрович Радин, и Юрий Петрович Фураев, и Борисыч – наш массажист, и доктор. Наконец всё встало с головы на ноги. Ты понимаешь, о чём я?

Взросление

Разумеется, я догадывался, что Андрей имел в виду. Но больше мне понравились в его ответах и рассуждениях не прежняя бесшабашность, даже безбашенность, столь свойственная ему и его ровесникам в более молодом возрасте, когда тянуло на подвиги, на поступки рискованные, но вызывавшие выброс адреналина. Почувствовал совсем другое – пусть и банально звучащее, что это были уже слова «не мальчика, но мужа», отца семейства, за несколько лет, проведённых за рубежом, повзрослевшего и переосмыслившего свой взгляд на недавнее прошлое. Потому, наверное, и задал ему несколько провокационный вопрос, на который имел собственный ответ, но хотел услышать подтверждение либо опровержение своего мнения. Задавал его и раньше, сразу после олимпийского фиаско в столице Каталонии. Но там он выговаривал всё на эмоциях недавно случившегося. А сейчас уже по прошествии почти полутора лет после тщательного анализа и размышлений.

– С чем, на твой взгляд, был связан провал команды на Олимпийских играх в Барселоне?

– Выскажу субъективное мнение: если бы тогда обстановка в команде была такой же, как сейчас, наверняка мы были бы, как минимум, в призёрах. Но когда личные амбиции не позволяют тренеру наступить на горло собственной песне, когда он действует вопреки здравому смыслу, это ни к чему хорошему не приводит. Понимаешь, в маленьком коллективе из 12 человек каждый знает, кто действительно может в данный конкретный момент помочь команде. Но этот игрок почему-то оказывается в глубоком запасе, а на площадку выходит другой, не готовый к серьёзной борьбе. Обидно. А ведь тогда у нас хороший состав подобрался. И если мы сегодня всемером-восьмером на равных бьёмся с другими сборными, то уж в Барселоне вся дюжина была способна решить исход любой встречи. И всё насмарку…

– Что дали тебе два года, проведённые в Италии?

– Научили профессиональному подходу к работе. А ещё я над своим будущим начал задумываться больше, тем более что у нас с Людмилой скоро второй ребенок должен родиться.

– И уже знаешь, кто?

– Пацан должен быть. Жду с нетерпением. В этой связи отношение поменял к волейболу. Не то, что раньше – шаляй-валяй: когда хочешь – играешь, не хочется – не играешь. Научился перебарывать себя. Плюс ко всему уверенность почувствовал – слабые в той обстановке не выживут. А если дашь слабину – просто съедят и косточек не оставят. Там ты обязан всё время демонстрировать свою силу, неординарность. И не только на площадке – в быту тоже. Но на площадке в первую очередь.

10 декабря 1993 года у Андрей Кузнецова родился второй сын – Андрей-младший.

30 декабря 1994-го случилось несчастье и Андрея-старшего не стало.

P.S. В ноябре 1994-го, за месяц до трагедии, Андрей в последний раз приехал в Москву. И с улыбкой рассказывал другу и соседу по дому: мол, цыганка нагадала, что погибнет он в автомобильной катастрофе, когда ему не будет и 30…

Благодарите бога за грязную посуду

Юрий Сапега прожил короткую, но яркую жизнь. Был классным игроком, хотя и выиграл в составе сборной страны одно золото чемпионата Европы, последнее советское мужское волейбольное золото. Зато семь раз становился чемпионом СССР, пять раз – обладателем Кубка европейских чемпионов.

Он показал себя умелым тренером, единственным из россиян, кому доверили итальянский клуб серии А-1, который, возглавив в безнадежной ситуации, спас от вылета в низший дивизион. Успел поработать и в сборной страны, и в «Белогорье», и в столичном «Динамо», которое, собственно, возродил из небытия и сделал ведущим клубом России.

Он стал первым серьезным менеджером во Всероссийской федерации волейбола, перестроил работу этого спортивного объединения, нашел место для волейбольного центра под Анапой, названного его именем, и настоял, чтобы Владимир Алекно, выигравший со сборной олимпийское золото Лондона, в середине нулевых беззаботно трудившийся во французском «Туре», вернулся в Москву. И тот факт, что российские клубы побеждают в Европе и в мире, а со сборными всех возрастов еще как считаются, – безусловная заслуга его, Юрия Николаевича Сапеги, хотя его нет с нами вот уже более десяти лет.

Понимаю, что это просто совпадение, но основные даты в жизни этого незаурядного человека, почему-то кратны пяти. Родился он в белорусском Гродно в 1965-м, чемпионом мира среди молодежи стал в 1985-м, в этом же году попал во взрослую сборную, где оказался самым молодым, при этом заменил там своего старшего брата Александра, опять-таки умелого игрока, жизнь которого оборвалась также трагически. Через неделю после того, как ему исполнилось 30, в январе 1995-го, возглавил клуб из итальянской Падуи, за который до этого играл. В 2000-м, как тренер сборной России, приехал из Сиднея с олимпийским серебром. Накануне 2005-го стал генеральным директором федерации и приступил к глобальной перестройке всего российского волейбольного хозяйства. Но нагрузки оказались настолько серьезными, что в какой-то момент сердце не выдержало, и в 40 с небольшим Юрия Николаевича Сапеги не стало.

Прощальная гастроль «артиста»

За несколько дней до старта чемпионата Европы 1991 года в Германии советская сборная проводила контрольные матчи во французском Монпелье. По заведенному в те годы правилу, ни одна национальная команда не имела права выезжать за рубеж без переводчика. Эта роль отводилась мне уже по традиции. Тем более речь шла о Франции, на языке которой изъясняюсь без проблем. А тут вдруг в один из дней, причем, поздним вечером, скорее даже ночью, в номер вдруг явился Юра Сапега с необычной просьбой: перевести с английского на русский текст его контракта с итальянским клубом. Причем, это была даже не просьба, а мольба – больше помощи ждать было не от кого. Если не ошибаюсь, дело было срочнее некуда – то ли 1 сентября трансферное окно закрывалось, то ли была еще какая-то причина, сейчас уж и не припомню.

Английским – слава богу! – тоже владею, но не в такой степени, как французским. А игроку важно было знать, не подготовили ли хитрые итальянцы какой-нибудь подвох. У меня же ни нужного словаря под рукой, ни знаний специфики и терминов при подписании подобных документов.

Короче, просидели мы с Сапегой чуть ли не до рассвета, но ясность определенная важнейшего договора у игрока в итоге сложилась. И после завершения чемпионата континента он, не заезжая домой, отправился на Апеннины. Причем, чемпионом Европы.

Почему же контракт был подписан в последний момент? Почему нельзя было решить столь важный вопрос раньше? Тут всё очень просто: Сапега был наказан за нарушение режима на сборе в Ялте. Причем, «служить в своеобразном штрафбате» ему доводилось не впервой – был еще случай перед Олимпийскими играми в Сеуле, но «санкции» были сняты перед самым отъездом в Южную Корею. И на сей раз Сапегу включили в сборную в последний момент, а от того, в составе ты или нет, зависела, безусловно, сумма в документе.

Полная «реабилитация» наступила после финального матча континентального первенства, который сборная начала без Сапеги и его закадычного друга и капитана той команды Андрея Кузнецова (воспитательный момент!), но ситуация на площадке вынудила Вячеслава Платонова в сложной обстановке выпустить сперва Кузнецова, а потом и Сапегу. И вначале вытащив в защите невероятный мяч, а следом исполнив эйс, именно Сапега сравнял счет в первой партии, а потом советская команда выиграла этот сет у чемпионов мира и победителей Мировой лиги, следом еще два, и спустя четыре года поднялась на верхнюю ступеньку континентального пьедестала. Следующей такой же победы

пришлось ждать… 22 года.

По приезду в отель главный тренер собрал игроков и объявил, что за победу каждый член сборной будет премирован 500 долларами (суммой по тем временам очень приличной). В том числе и «штрафник» Сапега, с которого Платонов при всех снял все «обвинения».

Не виделись с Юрой месяцев восемь, которые он провел в клубе на Апеннинах. Потом полетели вместе в Китай на матчи Мировой лиги. И он вновь постучался в мой номер и буквально всучил 150 долларов: «Ты же мне очень помог год назад». Не в деньгах было дело – во внимании, которое отличало Сапегу от сотен других спортсменов, с которыми общался – и достаточно близко – за более полувека в журналистике.

На Олимпийские игры в Барселону Сапега не попал – Платонов на сей раз решил в последний момент окончательно «казнить» игрока за какое-то незначительное нарушение, кажется, опоздание к объявленному часу отбоя на сборах в Новогорске. А ведь игрок был там нужнее некуда – в итоге 7-е место и самое плохое выступление отечественной команды за всю историю участия в Олимпиадах.

«Выездной» тренер на Апеннинах

Сапега тяжело переживал трагическую гибель в автокатастрофе в Италии лучшего друга – капитана сборной Кузнецова, произошедшую перед самым новым 1995 годом. Собственно все формальности с перевозкой тела погибшего в Москву, организацию всех ритуальных мероприятий в столичном ЦСКА и на Митинском кладбище взял на себя Юра. Занят, понятно был по горло. И тем не менее уделил несколько минут, чтобы ответить на мои вопросы. Собственно меня интересовало, как чувствует себя в новой роли вчерашний игрок, а ныне помощник главного тренера клуба высшей итальянской лиги.

– Да все вроде бы ничего. Только очков у команды негусто – за полчемпионата всего один матч выиграли.

– Так, может, ты слишком рано закончил играть?

– Не думаю. Скорее дело в главном тренере. Кармело Питтера замечательный специалист, долгое время тренировавший национальную сборную. Однако сегодняшний волейбол требует совершенно иного подхода к тренировкам и игре, а его взгляды устарели. Он продолжает мыслить теми же категориями, как и почти 20 лет назад, когда выиграл со своей «Скуадрой» серебро на чемпионате мира 1978 года.

Уезжал из Италии Сапега ассистентом главного, а вернулся через несколько дней руководителем тренерского штаба: совет директоров «Иньиса» из Падуи поставил его во главе команды. И первый же матч с новым главным клуб выиграл. А потом еще три игры из четырех, и покинул опасную зону.

– Как такое могло произойти? – поинтересовался уже по телефону, позвонив Сапеге в Италию. – Пришлось прибегнуть к хирургическому вмешательству?

– За такой короткий срок подобное не сработало бы, – услышал по другую сторону провода. – Просто постарался внушить ребятам, что в современный волейбол надо играть быстро. Пусть даже в ущерб комбинационным действиям. Больше всего работаю с пасующим. Марко Меони (он позже долгие годы выступал за национальную сборную Италии. – *Прим. авт.*) оказался очень восприимчивым парнем, и наши победы одержаны в основном благодаря его четкой игре.

Поговорили о ситуации в итальянском чемпионате вообще, который в середине девяностых был абсолютным лидером мирового волейбола. Не могли не коснуться темы российских легионеров.

– Я вообще не мыслю местный волейбол без легионеров и, прежде всего, без игроков из бывшего Советского Союза. Ведь у нас в стране всегда проповедовали самый зрелищный волейбол, да и на таланты российская земля всегда была богата.

– Недавно вице-президент ФИВБ Юрий Чесноков предложил сделать тебя своеобразным «выездным» тренером российской сборной в Италии, чтобы ты наблюдал и контролировал действия кандидатов в российскую сборную.

– Хотя со мной Чесноков никакого разговора на эту тему не заводил, я и без того всегда внимательно следил и слежу, как кто из наших ребят здесь играет. Сразу скажу – они все очень заметны. Прежде всего Дима Фомин в «Равенне». Очень стабилен Руслан Олихвер в Модене. Паша Шишкин – подлинный лидер в своей «Болонье», да и клуб-то этот средненький держится на плаву в высшем дивизионе благодаря Пашиным стараниям. Но эти ребята играют в Италии уже не первый год, смогли адаптироваться к новой обстановке. Новичку же в этих местах – Илье Савельеву, например, приходится тяжко. Он попал в клуб высшего класса – в Парму, команда которой не раз даже в последние годы побеждала в скудетто – чемпионате Италии. Причём, все понимали, что ему на первых порах будет отведена второстепенная роль – за Парму играли два выдающихся итальянских мастера – Андреа Джани и Паскуале Гравина, оба – чемпионы мира. Но ты обратил внимание, что я поставил глагол

«играть» в прошедшем времени? Потому что оба перенесли операции и на площадку в текущем сезоне пока не выходили. И вся нагрузка легла на довольно-таки хрупкие ещё плечи Савельева. Клуб пока балансирует на грани вылета из высшего дивизиона, некогда грозная команда Пармы сегодня опережает нас всего на каких-то два очка. Зато какую прекрасную школу пройдёт наш парень в ходе крутого итальянского чемпионата, какую неоценимую пользу получит и Илья, и все россияне, кто приедет следом за ним на Апеннины. С уверенностью могу сказать, что сборная России получит новых высококлассных волейболистов, какими они вряд ли могли бы стать, продолжая выступать за российские клубы.

Разумеется, разговор этот в расширенном варианте тогда же был опубликован в моем издание. А заканчивался он сравнением Сапеги со знаменитым аргентинцем Хулио Веласко, который после работы с итальянским клубом возглавил итальянскую сборную и дважды приводил ее к золоту чемпионатов мира.

Он и в самом деле в канун Олимпийских игр в Сиднее вошел в тренерский штаб российской сборной. Прекрасно зная волейбольные реалии Италии – в те годы законодательницы моды в этом виде спорта – он оказал неоценимую помощь в совершенствовании системы подготовки главной российской команды, да к тому же привлек к работе итальянского специалиста Серджо Бузато, без которого не было бы ни серебра Сиднея-2000, ни золота Лондона-2012, ни победы на чемпионате Европы-2013.

На рубеже веков на Апеннинах оказалось более половины игроков российской сборной, и Сапега стал своеобразным менеджером. Круг своих обязанностей в Италии определил сам: просмотры матчей национального чемпионата с участием кандидатов в сборную и их потенциальных соперников, общение с тренерами клубов, решение всех чисто спортивных вопросов.

Мобильный телефон Сапеги не умолкал. Его находили в любое время дня и ночи, его «напрягали» по всем вопросам вне зависимости, имели они прямое отношение к волейболу или нет. Сам стал свидетелем нескольких подобных разговоров. Жена Ромы Яковлева въехала в чужую машину – звонок Сапеге: «Что делать?» Маму Савельева надо перевести из одной московской больницы в другую – без Юрия Николаевича не обойтись. Удивлялся спокойствию и тактичности его жены Лады и 9-летнего сына Саши, которые иногда месяцами не видели мужа и отца.

В доме Сапеги в Падуе обнаружил настоящую лабораторию – на компьютере разложены по частям и записаны на кассеты

элементы игры ведущих команд мира и отдельных игроков, собрана и систематизирована информация о наиболее частых ошибках и действиях всех волейболистов сборной России.

В канун Игр в Сиднее он организовал нам с известным фотомастером Сергеем Кивриным недельную поездку по итальянским волейбольным городам на севере Апеннин, за которые выступал российский легион. Тогда же пришел к выводу: если бы само собой не получилось так, что Сапега стал своего рода представителем нашей федерации в Италии, эту должность нужно было ввести официально.

Незавершенные проекты

Он был преисполнен идей. После рождения второго сына окончательно перебрался в Москву, купил квартиру на Комсомольском проспекте, поближе к Лужникам, куда переехал из своей маленькой на Хорошёвке, которую получил еще выступая за ЦСКА. Когда возглавил московское «Динамо», руководство поставило задачу создать настоящий суперклуб по типу белгородского.

«Что я понимаю под понятием суперклуб? – размышлял вслух Юрий Николаевич. – Это пять составляющих. Первая – широкий выбор первоклассных игроков. Вторая – максимальные цели. Третья – высочайший уровень организации клубного хозяйства. Четвертая – сильные специалисты, занимающиеся тренировочным процессом и техническим обеспечением. И пятая – наличие боеспособного резерва. Для реализации первых четырех пунктов много времени не требуется: достаточно сиюминутных финансовых вложений. А вот над пятой позицией надо работать не один год – из бумажных купюр школу не построишь. Между тем именно эта составляющая для суперклуба наиболее важна. Работает в «Динамо» Сапега или нет, играет в команде великий Грбич или не играет – это не должно существенно влиять на судьбу клуба. А вот прочный тыл, мощная база – необходимы».

И как бы порадовался сегодня Сапега, убедившись, что его идеи о создании не одного, а сразу нескольких сильных клубов претворяются в жизнь: в России сегодня сразу несколько команд отвечают требованиям «а ля Сапега» – в Казани, Белгороде, Москве, Новосибирске, Сургуте, Новом Уренгое.

А вот другой его проект – образование профессиональной лиги по типу итальянской так и остался на бумаге. Впрочем, тут нет ничего удивительного. Он горел этой идеей в надежде создать объединение самостоятельное, к коему ВФВ имела бы разве что

косвенное отношение. Отказался же от задуманного, став вначале генеральным менеджером, а чуть позже и генеральным директором Всероссийской федерации волейбола. И все равно его первые шаги к созданию условий, при которых волейбол в России стал бы коммерчески привлекательным видом спорта, заметны и сегодня. Просто при Сапеге путь к волейбольным вершинам, наверное, был бы пройден чуть быстрее.

* * *

Один из моих коллег, когда-то много писавший о больших спортсменах, жизнь которых оборвалась на взлете, назвал Сапегу баловнем судьбы. Наверное, больше от незнания своего героя досконально, с которым встречался раз, может, два в жизни. Я же, можно сказать, прожил бок о бок с Сапегой два десятка лет, бывал в самых разных ситуациях и хорошо знал все его сильные черты и слабости. Да, обладал уникальной интуицией, что очень помогало ему и на площадке, и вне ее. Да, рисковал даже тогда, когда риск этот не был оправдан. Да, быстро, буквально на лету схватывал всё, что могло ему в жизни пригодиться, учился, когда это было необходимо, умело выстраивал коммуникации, что дано далеко не каждому. Потому и сходился с людьми очень быстро, и убеждать собеседников умел, и окружил себя такими же амбициозными, завершившими спортивную карьеру, преданными волейболу молодыми людьми, которые ныне продолжают начатое им дело.

Нет, конечно, не прав, коллега. Никакой Юрий Николаевич Сапега не баловень судьбы, не человек, родившийся счастливым и «пользовавшийся чрезвычайным успехом», как написано в официальных словарях. Он сам себя сотворил, преодолев на своем коротком жизненном пути массу препятствий. Как там у популярного писателя Пауло Коэлью: «Если у вас накопилась гора грязной посуды, которую вы должны вымыть, благодарите Бога, что у вас есть чем вымазать эту посуду!»

V. Родители с берегов Коннектикута

Как известно, в американском штате Массачусетс в конце XIX века родились две любимые народом, а мной в особенности, игры – баскетбол и волейбол.

* * *

В этих местах уже доводилось бывать. Правда, еще в минувшем веке – в июне 1988-го мужская волейбольная сборная СССР совершала турне по США и меня включили в состав делегации. Так что посещение исторических мест осталось в памяти какими-то туманными мазками. Это было мое открытие Америки, и в малюсенький Холиок нас привезли, можно сказать, никакими и мало что соображавшими. Вначале по какой-то причине команду не посадили на прямой рейс до Нью-Йорка. Пришлось ждать несколько часов нового самолета за океан, но уже не прямого, а с посадками в Шанноне и Гандере, а еще был переезд в самом Нью-Йорке из одного местного аэропорта (JFK) в другой (La Guardia). И когда после этого почти суточного бдения со сменой часовых поясов американцы устроили митинг с длинными речами рядом со зданием из красного кирпича, где только что открылся музей волейбола, мало кто из советских гостей мог должным образом оценить и отреагировать на эту новость и на происходящее вообще. Разумеется, отказались они и от предложенного организаторами посещения экспозиции – игроков тянуло в постель: на завтра был запланирован первый матч с американцами в Портленде, а туда из Холиока надо было часа полтора добираться автобусом…

Гулливер и лилипут

Более четверти века минуло с того момента. И когда представилась возможность вновь лицезреть колыбель волейбола, ухватился за эту идею. По пути из Хартфорда в Холиок дорога огибает 150-тысячный Спрингфилд как раз в том месте, где самым заметным зданием является Зал славы баскетбола. Сопровождавшая нас сотрудница волейбольного аналога баскетбольных хором Хайди Димерс рассказала, что неподалеку находится и колледж, в котором Джеймс Нейсмит изобрел баскетбол и в котором учился также и открыватель волейбола Уильям Морган. Тогда и было решено прежде всего заглянуть как в спрингфилдский колледж, так и в Зал славы баскетбола.

Когда подъехали к студенческому кампусу, учебный день был в самом разгаре: вокруг шустрили студенты, перемещавшиеся из одного корпуса в другой, да никого не пугавшиеся белки, которые резвились на изумрудной траве и развесистых ветках многолетних деревьев. Понравилось, что большинство новых построек выдержали стиль Judd Gymnasia, в которой Джеймс Нейсмит, канадец, всю жизнь проработавший в Америке, и приделал в 1891 году к балконам в зале с двух противоположных сторон корзины из-под персиков и провел первый в истории баскетбольный матч. Край балкона находился на высоте 3,05 м от пола. Наверное, это единственное, что осталось неизменным в правилах игры со времен изобретения баскетбола – высота кольца.

В память о знаменитом преподавателе колледжа Союза молодых христиан, ставшем прародителем популярной игры, благодарные студенты в 2010 году возвели бронзовый памятник Нейсмиту, который отлично вписался в окружающий пейзаж. Нащелкал своим Canon немало симпатичных кадров.

А вот в Мемориале Нейсмита, он же и Зал славы баскетбола фотографировать не разрешили. Но пройти мимо впечатляющего сооружения, построенного ровно десять лет назад, не мог. Даже держа обиду за пазухой, с удовольствием осмотрел все три уровня сооружения в виде мяча. На верхнем ярусе обнаружил портреты самых знаменитых баскетбольных деятелей, введенных в Зал славы. Из отечественных игроков здесь представлен исключительно Сергей Белов, а из тренеров – Александр Гомельский и Лидия Алексеева, выдающиеся заслуги которой в XX веке были по достоинству оценены только в 2012 году. Из тех, кто защищал цвета еще советской сборной, отмечены высокорослая латышская баскетболистка Ульяна Семенова и блистательный литовец Арвидас Сабонис.

На втором уровне музея собрана целая коллекция форм различных клубов, главным образом игроков НБА, – маек, трусов,

кроссовок (поразил резиновый башмак размера 60-го, не меньше, Хакима Оладжьювона), тренировочных костюмов и даже отдельных цивильных нарядов, например, шуба Карима Абдул-Джаббара. А на первом каждый посетитель мог попробовать свои силы и побросать по кольцу или даже поиграть в «-5», как в былые школьно-студенческие времена…

По сравнению с 40 тысячами квадратных метров храма баскетбола в Спрингфилде, построенного на живописном правом берегу реки Коннектикут, Зал славы волейбола со своими 400 квадратами – этакий лилипут в сравнении с Гулливером. Это даже не Спрингфилд по отношению к Холиоку. И хотя, как сейчас модно говорить, оба города составляют единую агломерацию, а Холиок называют еще и северным пригородом Спринфилда, жители 40-тысячного городка, некогда занимавшего первое место в США по производству бумаги, все-таки предпочитают считаться самостоятельной географической единицей в Новой Англии, как еще называют этот район на северо-востоке США.

– Мне кажется, что баскетболисты переборщили, создав свой столь огромный музей, – делится со мной своими мыслями Эл Монако, долгие годы занимавший различные руководящие посты в USA Volleyball, а ныне являющийся почетным президентом этой организации и членом Совета Зала славы. – Наш Зал славы конечно маловат. Это все понимают. Но мы надеемся, что со временем найдется настоящий спонсор или богатый энтузиаст волейбола, а может быть и несколько, которые помогут соорудить подлинный всемирный музей волейбола. И пусть никого не смущает, что он находится здесь, в США: как ни крути, а Холиок – родина волейбола. Значит, именно в этом городке и в память о его создателе Уильяме Моргане и должен находиться всемирный Зал славы волейбола. Тем более, что на его стендах имена выдающихся волейболистов и людей, прославивших нашу игру, из 20 государств. Теперь к ним прибавиться еще одна страна – Голландия: ее представит выдающийся пасующий Петер Бланже.

– Разумеется, большинство из более чем 100 включенных в Зал славы – представители США. А какая из других стран идет следом?

– Специально не считал. Но мне кажется, что это ваши соотечественники. Россия, а до этого Советский Союз так много сделали для мирового волейбола, что вполне закономерно, что имена ваших выдающихся спортсменов, тренеров и деятелей волейбола представлены в Зале славы. Раз в год Зал славы волейбола в Холиоке пополняют новые члены.

Поиграем в минтонет

Легенда гласит, что изобретатель баскетбола Джеймс Нейсмит и Уильям Морган, подаривший миру другую популярную игру – волейбол, чуть ли не приятельствовали. Но кто знает, что там было в последнее десятилетие XIX века. Может и впрямь два человека, оставившие нам гениальное наследство, которым мир наслаждается вот уже больше века и еще наверняка долго будет пользоваться этими дарами, дружили. Но тот факт, что они не могли не общаться, очевиден: Морган поступил в спрингфилдский колледж Союза молодых христиан в 1892 году, когда там преподавал Нейсмит. И, разумеется, играл в только что изобретенный учителем баскетбол. Закончив колледж, Морган перебрался в соседний Холиок и сам пошел по стопам Нейсмита, став преподавателем физического воспитания местного колледжа все того же Союза молодых христиан. Именно там и родилась самая ныне популярная игра в мире, которую изобретатель назвал минтонет. Совсем скоро коллега Моргана по колледжу доктор Альфред Холстед предложил новое название его изобретению – волейбол, которое понравилось больше даже первооткрывателю.

Морган поначалу поднял теннисную сетку на высоту 6 футов и 6 дюймов, что составляет примерно 195 см, и предложил своим ученикам перебрасывать через нее мяч. Начали с баскетбольного, но тот оказался тяжелым. Вынули из него камеру – попробовали перекидывать ее: получалось слишком легко. В результате на фабрике фирмы Spalding в том же штате Массачусетс заказали мяч размером и весом меньше баскетбольного из резиновой камеры в кожаной оболочке. Кругляшом примерно таких размеров играют и до сей поры…

Только в 1971 году по решению Торговой палаты Холиока началась кампания по созданию волейбольного Зала славы. Идея была поддержана, однако прошло аж полтора десятка лет до ее воплощения, когда в одном из пустовавших цехов бывшего бумажного комбината на площади 150 квадратных метров открылся первый волейбольный музей. Произошло это 6 июня 1987 года, и место Зала славы считалось временным. Вполне логично, что первым в Зал славы был введен человек, открывший миру самую демократичную и доступную игру, – Уильям Морган, вторым – другой американец Харольд Фримуд, много сделавший для того, чтобы волейбол стал олимпийским видом спорта. Оба значатся первыми в так называемой категории «Лидеры». Это случилось еще до того, как прошло официальное открытие экспозиции.

Еще через десять лет – в 1997-м Зал славы получил постоянную прописку по соседству с детским музеем. Здесь

помещений было побольше. Но все равно маловато, чтобы разместить все имеющиеся экспозиции. Впрочем, в тесноте – не в обиде. И на сегодня, не считая последних номинантов, на стендах значатся 112 представителей различных категорий волейбола из 21 страны. Торжества же традиционно проводятся в октябре.

До 1998 года в Зале славы присутствовали только американские деятели волейбола. Первым из иностранных специалистов на стендах появилось имя японского тренера и выдающегося (не побоюсь этого слова) волейбольного менеджера Ясутаки Мацудайры.

А потом пошло-поехало. И знакомясь с именами на стендах музея, еще до начала новой инаугурации, насчитал целых 11 представителей отечественного волейбола. Первыми из соотечественников в категорию «Игроки» были введены Юрий Чесноков и Инна Рыскаль (2000 год). Причем, того же Чеснокова можно было бы, наверное, включить в любую из четырех имеющихся категорий. Про две – «Лидеры» и «Игроки» я уже говорил. Юрий Борисович проходил и в «Лидеры», как один из руководителей Международной федерации волейбола на протяжении не одного десятка лет, и, разумеется, в «Тренеры», потому что долгие годы руководил как клубом (ЦСКА), так и сборной СССР, да и к «Официальным лицам» с полным правом мог быть отнесен.

В 2002-м в категории «Тренеры» появилось имя Вячеслава Платонова, годом позже Гиви Ахвледиани, в 2009-м номинировали Николая Карполя.

Среди «Игроков» Зал славы пополнили Константин Рева (2005), Юрий Поярков (2008) и Иван Бугаенков (2009). Двое последних представляют, соответственно, Украину и Латвию. Но ведь все свои победы, благодаря которым они и заслужили право быть представленными в почетном ряду волейбольных героев, были одержаны этими волейболистами в составе сборной СССР. Как, впрочем, и остальные звезды отечественного волейбола – Нина Смолеева и Александр Савин. В советские времена работал и объявленный в «Лидерах» Владимир Саввин, долгие годы возглавлявший Федерацию волейбола Советского Союза и исполнявший обязанности вице-президента Международной федерации.

Интересуюсь у уже упомянутого выше Эла Монако, почетного президента USA Volleyball и члена Совета Зала славы:

– Какими критериями пользуется ваш Совет при объявлении очередных номинантов?

– Поскольку Музей славы принадлежит всему миру, то для нас не важно, какую страну представляет тот или иной человек,

главное, что он сделал на поприще любимой всеми нами игры. Причем, мы учитываем все достижения номинанта на протяжении многих лет, иногда всей карьеры. И в этом плане все шестеро выдающихся игроков, именами которых сегодня пополнится Зал славы, очень характерны. Это знаменитые советские волейболисты двукратные олимпийские чемпионы Людмила Булдакова и Георгий Монзолевский. К сожалению, Людмилы уже нет в живых, но ее заслуги перед мировым волейболом очень велики. И мы рады, что в Холиок прилетела ее дочь Татьяна. И вместе с этими легендами будут чествовать представителей совсем другого поколения – бразилец Маурицио Лима также двукратный олимпийский чемпион, по разу выигрывали Игры голландец Петер Бланже и американец Джефф Сторк, После 18 лет карьеры игрока в пляжный волейбол серебро на Играх в Атланте завоевал Майк Тодд. Согласитесь все – достойные представители большой мировой волейбольной семьи.

– А сколько лет должно пройти после завершения карьеры, чтобы имя игрока попало в число кандидатов быть представленными в Зале славы?

– Обычно три года, не меньше.

– В аналогичном Зале славы баскетбола кроме игроков, тренеров и других лиц имеющих отношение к игре, представлены также и судьи, и журналисты, и комментаторы…

– Что касается судей, то самый главный представитель этой когорты у нас представлен: доктор Эндре Холвей из Венгрии долгие годы сам работал международным арбитром, а потом возглавлял судейскую комиссию ФИВБ. Ну а про представителей вашей профессии могу сказать только следующее: в США волейбол в различных СМИ не освещается так, как, к примеру, в России или в Италии. И членам нашего Совета еще стоит осознать роль журналистов в развитии волейбола. Не сомневаюсь, что в мире найдется немало ваших коллег, которые вполне достойны быть представленными в Зале славы. Причем, для этого вовсе не обязательно создавать отдельную категорию, ваши коллеги вполне пройдут в «Лидеры». В этой связи очень важно, чтобы предложения поступали от стран. Если они последуют, мы непременно рассмотрим их.

В программе двухдневной церемонии были обязательные интервью на местном ТВ, прием, устроенный мэром Холиока Алексом Морсем, наверное, самым молодым из градоначальников США: ему всего 23 года, и он только в минувшем году закончил колледж. Отметил, что молодой человек обладает неплохим чувством юмора, он блестяще парировал шутки едва ли не всех номинантов в свой адрес. Были вручения памятных серебряных

перстней с соответствующей гравировкой. Торжества завершились большим гала-ужином, в ходе которого по традиции про новых звезд, введенных в Зал славы вначале демонстрировали видеоролик, потом каждого в отдельности представляли особо. Так, красивые слова про Бланже произнес тренер олимпийских чемпионов голландец Йоп Алберда, неплохо знакомый россиянам по работе менеджером в футбольной сборной России при Гусе Хиддинке, а Сторка представлял Марв Данфи, возглавлявший сборную США на чемпионате мира 1986 года и в 1988 году на Олимпийских играх в Сеуле. Про российских номинантов очень тепло говорил Эл Монако, не раз бывавший в нашей стране, а Маурицио и Тодда охарактеризовал нынешний руководитель USA Volleyball Дат Бил. Каждый из шестерых выступил с ответным словом. И на общем фоне россияне вовсе не оплошали.

А потом началась раздача автографов и встречи по интересам.

Отрезок от Хартфорда до Вашингтона на обратном пути мы летели вместе С Данфи и Сторком. Известный тренер с огромным пиететом отозвался о Людмиле Булдаковой, а у Георгия Мондзолевского поинтересовался, кто был самым сильным из игроков той сборной СССР, в которую входил пасующий и которая выиграла золото на Играх в Токио и в Мехико. И услышав в ответ имя Дмитрия Воскобойникова, удивился, потому что до этого понятия не имел, что существовал такой великий волейболист. А потом долго повторял фамилию, чтобы запомнить.

«Сколько же у вас было выдающихся игроков!», – воскликнул на прощание знаменитый тренер. Много, очень много, уважаемый Марв. Да мы одними россиянами можем заполнить весь Зал славы в Холиоке.

Рассказав о первом визите к волейбольным истокам, задался вопросом: может стоит подумать о создании своего Зала отечественной волейбольной славы? Небольшую комнату с многочисленными призами в официальном офисе Всероссийской федерации волейбола на Лубянке оборудовать удалось. Но этого, согласитесь, недостаточно, чтобы представить, как много было совершено за без малого целый век существования отечественного волейбола и какие замечательные люди писали советско-российскую волейбольную историю.

Станет ли Холиок волейбольной Меккой?

Спустя год после моего второго – и подлинного – знакомства с уникальным местечком под названием Холиок попал туда в третий раз. Вместе со старым приятелем Славой Зайцевым, выдающимся связующим отечественного волейбола, которого Совет так называемого Зала волейбольной славы сподобился наконец-то включить в свои члены. Впрочем, лучше поздно, чем никогда…

Программа пребывания была совершенно идентична предыдущей. С одним разве что различием: на сей раз всех гостей, а кроме Зайцева вводили в Зал славы известную представительницу пляжного волейбола, олимпийскую чемпионку 2000 года австралийку Натали Кук, выступавшую кстати, на пяти Олимпийских играх, и американскую волейболистку Карен Кемнер, которую я, честно говоря, с трудом припомнил, потому что послужной список здоровенной нападающей по сравнению с другими номинантами не столь уж значителен – золото Гран-при 1995 года и две бронзы – чемпионата мира 1990 года и Игр Доброй воли 1986, а также приглашенных на торжества представителей тех стран, которые участвовали в первом конгрессе, образовавшем Международную федерацию волейбола. Прислали делегатов, правда, не все 14 федераций, которые в апреле 1947 года основали ФИВБ. Только Венгрия, Италия, Уругвай, Франция и, разумеется, США. Больше всего порадовался новой встрече с Андреа Дзордзи (он представлял Италию), замечательным волейболистом и очень симпатичным парнем, который, как ни странно, еще даже не введен в Зал славы в отличие от своих партнеров по гениальной «скуадре адзурре» девяностых годов прошлого века – Андрея Гардини, Лоренцо Бернарди и Андреа Джани, не говоря уже об их замечательном тренере Хулио Веласко. Это тем более странно, что заслуг у Дзордзи перед мировым волейболом ничуть не меньше, чем у выше названных игроков даже вместе взятых. Странный выбор… Впрочем, я несколько отвлекся.

Так вот, единственным отличием нынешнего чествования избранных стала поездка в тот самый колледж Союза молодых христиан в соседнем Спрингфилде, в котором учился прародитель волейбола Морган у основателя баскетбола Джеймса Нейсмита. Все остальное, как всегда: телевизионное интервью, прием от имени чуть повзрослевшего, теперь ему 24, мэра Холиока в первый день, и вручение именных серебряных перстней, плакеток и курток, наконец, гала-вечер с демонстрацией документальных кадров с участием очередных лауреатов под занавес второго дня.

И все весьма скромно, без изысков и помпы, по системе

самообслуживания – сам набери, что бог послал (обычно не густо), поешь и убери за собой посуду. Лишь на гала-вечере хоть и не подавали, но со столов убирали официанты.

Ну да бог с ним, дело не в этом.

Пообщавшись в прошлом году с двумя высокопоставленными организаторами торжеств – президентом Волейбольной ассоциации США выдающимся тренером Дагом Билом и почетным президентом USA Volleyball Элом Монако, который является к тому же членом совета Зала славы, понял, с какими трудностями сталкиваются хозяева при подготовки и проведении ежегодных торжеств. Решил выступить по этому поводу на заседании пресс-комиссии ФИВБ, членом которой являюсь с момента ее основания в 1989 году с некоторым перерывом. И чуть было не попал впросак: оказалось, что новое руководство Международной федерации, как, впрочем, и предыдущее, ничего и слышать не хочет о Зале славы в Холиоке, считая это начинание чисто американским и не имеющем всемирного значения. И это несмотря на то, что с 1998 года, то есть уже 15 лет, туда вводят выдающихся иностранных деятелей, тренеров и спортсменов, много сделавших для мирового волейбола. И первым среди прочих этого почетного права был удостоен Ясутака Мапудайра, выдающийся японский тренер, десятки лет отдавший любимому виду спорта в качестве президента своей национальной федерации, Азиатской конфедерации и вице-президента ФИВБ. Это ему принадлежала идея создания и проведения таких популярных турниров, как Мировая лига и Гран-при, а Япония по-прежнему ежегодно принимает крупнейшие международные соревнования, в том числе чемпионаты и Кубки мира.

Следом за Мацудайрой последовали многие знаменитые волейбольные деятели, распределенные на три категории – «Лидеры», «Игроки» и «Тренеры». Разумеется, больше всего на стендах американских фамилий.

– Собственно, именно сей факт и вызывает самое большое раздражение представителей ФИВБ да и всего мирового волейбольного сообщества, – попытался объяснить мне смысл разногласий между американцами, организаторами музея и остальными Дзордзи, когда попросил его поделиться своими мыслями на сей счет.

– Но ты же из тех, кто приближен к верхушке ФИВБ, можешь оказать какое-то влияние, пусть косвенное, чтобы изменить ситуацию и повернуть Лозанну лицом к Холиоку. Ведь у тебя же есть свой блог, в конце концов. Ты можешь написать об этом.

– Мне запрещено даже упоминать слово Холиок в своих заметках. Единственное, что, на мой взгляд, сегодня реально

сделать, – это усадить заинтересованные лица за стол переговоров. Я общался и с американцами, и с деятелями ФИВБ. Стороны в принципе готовы к диалогу, нужно просто подтолкнуть к этому, найти повод. И нечего придумывать какие-то там музеи или залы в Лозанне или еще где-нибудь. Мне совершенно очевидно: центр мирового волейбола должен быть там, где наш вид спорта родился, то есть, в Холиоке. Только вот руководить им должны не только и не столько американцы: Холиок – достояние мировой истории. И он должен стать действительно Всемирным музеем волейбола со своим Залом славы. И не на 400 квадратных метрах, как сейчас, а на гораздо большей площади.

Абсолютно согласен с моим итальянским другом и теперь коллегой. Найти место в опустевших цехах многочисленных ныне закрытых текстильных предприятиях в Холиоке можно запросто. Юный мэр города наверняка пойдет навстречу. Нужна добрая воля руководства ФИВБ, и уже, скажем, к 2020 году, когда будут праздноваться 125-летие со времени изобретения любимой игры, можно открыть настоящую волейбольную Мекку с комплексом, который бы включил в себя музей с Залом славы, библиотеку и фильмотеку, спортивный комплекс с трибунами для зрителей, где хотя бы раз в год проводить какие-то серьезные турниры, причем, приурочивать их к торжествам по случаю введения в Зал славы новых номинантов. А таковых остается еще огромное множество. Готов, не задумываясь, назвать сразу несколько имен, достойных быть представленными от Всероссийской федерации волейбола (а именно таким образом происходит номинирование). Это, к примеру, Ирина Смирнова, Валентина Огиенко и та же Ирина Кириллова, пусть она и не живет сейчас в России, но наивысших успехов в спорте добилась, выступая за сборную СССР. Это в категории «Игроки». А в категории «Лидеры», где от нашей страны пока представлен только Владимир Саввин, рекомендовал бы Владимира Паткина, заслуженного мастера спорта, заслуженного тренера СССР, бессменно занимающего различные руководящие посты вначале во Всесоюзной, а сейчас во Всероссийской федерации волейбола. И в категорию «Тренеры» претенденты у нас найдутся наверняка. Да и в любую другую.

Последний революционер

Придумать что-либо новое в таком консервативном виде спорта, как волейбол, очень непросто. Но американский специалист Даг Бил сделал это: он выстроил современную систему расстановки игроков при приёме мяча…

О сборной США начала 80-х годов заговорили после её победы на Олимпийских играх в Лос-Анджелесе в 1984-м. Золотой командой хозяев руководил тогда совсем молодой (он возглавил сборную США в 1977 году в 30-летнем возрасте) Даг Бил. А после побед на Кубке мира 1985 года, чемпионате мира-1986 и на Олимпийских играх в 1988-м мужская американская сборная надолго утвердилась в качестве эталона действий волейбольной команды. Игра американцев была совершенно не похожа на ту, что на протяжении десятилетий проповедовали специалисты по тактике – все на приёме, кроме связки, разумеется. В любой расстановке у американцев оказывались лишь два принимающих (либеро появились только в 1999 году), тем самым расширялись возможности для атаки любого из остальных троих находящихся на площадке игроков.

Это было смелым и революционным шагом, который оценили во всём мире. Американскую схему ведения игры моментально стали копировать все прочие команды. А за Билом утвердилась слава волейбольного революционера.

Молодому тренеру удалось тогда создать уникальную команду из студентов различных учебных заведений, потому что как в те годы, так и сейчас национальные чемпионаты в США не проводятся и волейбол развивается только в университетах. Но Карч Кирай, Стив Тиммонс, Дасти Дворак, Крейг Бак, Пэт Пауэрс, Алдис Берзинын и другие первые американские олимпийские чемпионы по волейболу навсегда вписали свои имена в мировую историю этой игры. Вместе со своим гениальным тренером.

Он вежлив и общителен, никогда не отказывается от беседы с журналистом. После каждой встречи и даже короткой беседы с Билом, а происходит это в последние десятилетия, как правило, на всех крупных соревнованиях, где американец непременно присутствует, открывал для себя что-то новое либо в самой игре, либо в людях, имеющих отношение к волейболу, либо в самом Даге.

Например, всего лет десять назад (а знакомы мы без малого три десятка лет) узнал, что не столь далёкие предки Била – его бабушка с дедушкой – родом из Белоруссии. Поразило и ещё одно признание Дага: «Я очень неравнодушно отношусь к вашей

стране. Потому серьёзно изучал её историю, когда учился в университете».

С того момента перестал удивляться, почему выдающийся тренер коллекционировал бюсты… Ленина. Сам насчитал несколько десятков изваяний вождя мирового пролетариата в доме Дага в Сан-Диего, куда он пригласил нескольких знакомых из советской делегации в июле 1991 года, когда сборная СССР во главе с Вячеславом Платоновым играла с американцами в рамках Мировой лиги как раз в этом калифорнийском городе. Дат в то время выполнял обязанности генерального менеджера сборных США и готовился к новой роли – клубного тренера в Милане, где он затем в течение двух лет возглавлял местную команду, выступавшую в серии А1.

Почти не сомневаюсь, что третье пришествие того же Платонова в сборную России произошло не без влияния американского коллеги. Помнится, расстроенные неудачным выступлением нашей команды на чемпионате мира 1994 года в Греции, пригласили Дага на рюмку водки. Тот не отказался, но после нескольких глотков традиционного русского горячительного напитка отозвал Платонова в сторону и стал что-то настоятельно ему доказывать. Не этот ли разговор повлиял на решение питерского тренера вновь возглавить главную российскую команду?

А чуть позже, той же осенью, встретил Била уже в бразильском Сан-Паулу на решающих играх женского мирового первенства. И американец сам завёл разговор о Николае Карполе, который привёз на тот турнир наполовину травмированную сборную (оба лидера – Валентина Огиенко и Евгения Артамонова – со скамейки запасных не вставали и на площадку не выходили, хотя и были заявлены), которая едва не произвела сенсацию: в полуфинале без своих ведущих исполнительниц чуть не обыграла сборную хозяек чемпионата. «Никогда не сомневался в квалификации Карполя, – откровенничал со мной Бил, – но теперь убедился, что он выдающийся тренер».

И всё-таки большинство наших разговоров касалось, разумеется, самого волейбола, в котором, как считал Бил, существует множество проблем.

«В последнее время волейбол превращается в игру, где тренеру очень сложно влиять на результат, – рассказывал он в одном из наших разговоров. – Календарь явно перегружен, игроки находятся под страшным давлением, и период их подготовки к матчам сведён к минимуму. При этом в самой игре всё большее значение приобретает подача. Такой дисбаланс делает волейбол менее привлекательным для зрителей. Матчи длятся слишком

мало, розыгрыши слишком короткие, роль элемента случайности – слишком велика. Тем удивительнее, что долгое время – едва ли не на протяжении первого десятилетия XXI века на всех крупных турнирах побеждала одна и та же команда – Бразилия. Наверное, эта сборная действительно была сильнейшей на том временном отрезке. При современных правилах добиваться такой стабильности гораздо сложнее, чем лет 20–25 назад».

А на вопрос, что бы он изменил в правилах, дабы сделать игру более привлекательной, американский теоретик поначалу немного порассуждал, а потом, не задумываясь, выдал свой вариант возможных нововведений: «Сейчас обсуждается много идей. Поднятие сетки, например. Но я в первую очередь изменил бы «трактовку» трехметровой линии и линии подачи. Почему бы не сделать их границей приземления, а не отталкивания нападающего задней линии и подающего соответственно? Кроме того, было бы неплохо снять все ограничения при блокировании ударов. Думаю, такие меры могли заметно увеличить время нахождения мяча в воздухе и заставить игроков больше комбинировать».

«Президент ФИВБ Рубен Акоста, который рулил мировым волейболом более двадцати лет, – продолжал свою мысль Бил, – часто повторял лозунг: «Пусть мяч летает!» Но в том-то и дело, что сейчас он не летает. Мяч мертв, а все команды играют примерно одинаково. И при этом ФИВБ не спешит ничего менять».

Меня всегда подкупала искренность и прямота Дага. А ещё тот немаловажный факт, что наши взгляды совпадали. Особенно, когда речь заходила об Акосте, этаком Наполеоне от волейбола. Вот только с французским императором мексиканского адвоката роднил разве что рост. На самом деле, Международной федерацией волейбола долгие годы, особенно на рубеже веков, правила Жозефина, то бишь Малю Акоста, жена президента: ни одно решение первое лицо ФИВБ не принимал самостоятельно, не посоветовавшись с супругой. А в большинстве случаев мадам Акоста вообще не прислушивалась к мнению супруга, а уж волейбольных специалистов и подавно. Так, на мужском чемпионате мира 1998 года она, презрев многолетнюю практику выбирать MVP – самого ценного игрока любого турнира из финалистов или, как минимум, из числа призёров, приказала объявить лучшим волейболистом мирового первенства испанца Рафаэля Паскуаля, команда которого заняла… 8-е место. А потом повторила такой же вариант в 2006-м на аналогичном женском турнире, когда ни с чем остались две выдающиеся российские спортсменки, которым прочили высокий титул и неплохие

призовые в 50 тысяч долларов, – чемпионки мира Любовь Соколова и Екатерина Гамова, действительно блестяще сыгравшие на том турнире. И лучшим игроком по настоянию мадам назвали японскую связующую Ёсиэ Такэситу. Догадываетесь, какое место заняла сборная Японии? Правильно, 8-е.

А как вызывающе вела себя Малю во время финального матча мужского чемпионата мира в 2002 году в Буэнос-Айресе, когда всем своим видом демонстрировала окружающим и, что немаловажно, судьям, что болеет за сборную Бразилии в матче против команды России: хлопала, кричала, даже скандировала. Даже сидящему рядом на трибуне Акосте было неудобно за супругу.

Или вот ещё пример. Вообще невероятный. Когда было принято решение по всем номинациям о звании лучших волейболистов и тренеров в первый волейбольный – XX – век и безоговорочно самым выдающимся игроком был признан воспитанник Била, единственный трёхкратный олимпийский чемпион Карч Кирай, Малю возжелала приравнять к этому уникальному спортсмену, добившемуся признания как в классическом, так и в пляжном волейболе, одного своего любимчика – итальянца Лоренцо Бернарди, всего-навсего двукратного чемпиона мира, игрока неплохого, но не более того, который даже в своей сборной не считался лучшим. И выдающимися волейболистами XX века были названы двое…

– Пока Акоста со своей женой остаются во главе ФИВБ, там меняться ничего не будет, – соглашался со мной Бил. – Из-за мексиканца в МОК долгие годы существовало негативное отношение к нашей Международной федерации и к волейболу вообще. Стиль управления ФИВБ никому не нравится. Акоста правит словно король. А должен – как президент демократического государства. Чета пресекала любые перемены в крупнейшей всемирной федерации, которая всегда была лидером среди прочих подобных объединений по числу входящих в нее стран. Хотя в ФИВБ во все времена работали замечательные специалисты, настроенные на перемены. Но внутри самой организации долгое время существовали разногласия между Европой и остальным миром. А вот когда Акоста все-таки уйдет, мы столкнемся с тремя положительными моментами. Во-первых, ФИВБ заработала очень много денег. Нужно только их правильно инвестировать. Во-вторых, волейбол занимает заметное место в программе Олимпиад. С учетом бич-волея наш вид спорта представлен в календаре Игр с первого дня до последнего дня и собирает зрителей больше, чем на всех прочих видах

олимпийской программы. И, наконец, третий плюс – большой опыт организации турниров самого высокого качества на уровне сборных. Просто количество подобных соревнований нужно сократить.

И Акоста ушел в 2008-м. Сам, по состоянию здоровья, после перенесённого инфаркта, хотя собирался править аж до Лондона-2012. При этом оставил наследника в лице возрастного китайца Вэй Цзичжуна, который согласился руководить ФИВБ только четырёхлетие.

А перед самой отставкой Акосты Бил признавался мне: «Волейбол в Старом Свете благодаря серьезным профессиональным лигам развивается наиболее быстро и хочет иметь больше власти. Считаю, было бы лучше, если бы ФИВБ возглавил европеец. Пусть Европа тянет за собой остальных, а не наоборот. Глава бразильской федерации Ари Граса – тоже неплохая кандидатура. Он создал в Бразилии идеальную систему управления, которую было бы неплохо перенять ФИВБ. Только вот сам Граса, насколько я знаю, не горит желанием занять кресло главного волейбольного чиновника в мире».

Тогда же поинтересовался у собеседника, почему бы ему самому не возглавить ФИВБ. «Я не могу позволить себе круглый год летать по миру или сидеть в Лозанне. У меня семья, дети. Вот если бы изменилась вся система управления ФИВБ, то, конечно, было бы интересно занять в ней какое-то значимое место», – был ответ Била.

Каково же было моё недоумение, когда вдруг узнал, что американец выдвинул свою кандидатуру на главный пост в международной волейбольной федерации. И что его главным конкурентом будет как раз бразилец Граса, о котором Бил отзывался так хорошо.

Как известно, выборы нового президента ФИВБ состоялись в сентябре 2012 года в американском Анахайме. Полагал, что сей факт должен был сыграть на Била. Похоже, что и он думал так же. Но Граса развил такую бурную деятельность, что представители трёх конфедераций – Азиатской, Африканской и Южноамериканской сговорились и объявили, что они поддержат кандидатуру бразильца. Тогда европейский кандидат Андре Майер решил отказаться от участия в выборах, полагая, что он не соберёт достаточное для победы число голосов. Считал, что и Бил последует его примеру. Но Дат всё-таки пошёл на выборы. Был ещё и третий кандидат – президент Австралийской федерации волейбола Крис Шахт.

Голосовали представители 206 участвовавших в конгрессе стран, два бюллетеня были признаны недействительными. Граса

набрал 103 голоса, то есть ровно столько, сколько и требовалось – 50 % плюс один, Бил – 86 и Шахт– 15.

Прошло четыре года правления Грасы, но серьёзных изменений, о которых мечтал Бил, в волейболе не произошло. Более того, вместо сокращения числа соревнований бразилец, оказавшийся всего-навсего четвёртым главой ФИВБ за 70-летнюю историю этого объединения, придумал новые турниры в классическом варианте игры – чемпионаты мира для игроков до 23 лет, например, и значительно увеличил количество этапов Мирового тура по пляжному волейболу. Плюс ко всему, похоже, Граса останется во главе мирового волейбола ещё на 12 лет – устав организации за время его правления был изменен. Так что, если учесть, что сегодня бразильскому лидеру мирового волейбола 73 года, несложно подсчитать, сколько ему будет по истечении объявленного времени руководства ФИВБ.

Но мы ведём речь не о Грасе. Бил же на протяжении всей своей жизни был связан с руководством американским волейболом, лишь на несколько лет отъехав в Италию, где поработал тренером в Милане. А с 1997 года вновь возглавил национальную команду и работал с ней до окончания Олимпийских игр 2004 года в Афинах.

С января 2005-го Бил возглавляет национальную федерацию США – USA Volleyball, являясь одновременно её президентом, генеральным директором и менеджером национальных сборных. В феврале 2016 года он неожиданно объявил, что работает на своих постах последний год и уйдет в отставку 2 января 2017-го, за два месяца до своего 70-летия.

Хорошо зная Дата, почти не сомневаюсь, что именно так он и поступит. Честно говоря, будет жаль, если вдруг перестану встречаться с этим интересным человеком и прекрасным собеседником, беззаветно преданном волейболу. Ведь при каждой нашей встрече я узнавал что-то новое.

К примеру, не раз высказывал Билу своё недоумение, каким образом каждый год в составе американских сборных, что в мужской, что в женской появляются новые высококлассные игроки. Понимал, что в этом немалая заслуга работающих в университетах и колледжах бывших тренеров и игроков сборной США, таких, как, скажем, Марв Данфи, который возглавил сборную после Била, или их ученик один из замечательных связующих конца прошлого века Джефф Сторк.

Ведь на самом деле отыскать талантливых исполнителей для своей сборной в США очень непросто. «Выбор волейболистов у нас по всей стране не так широк, – откровенничал Бил несколько лет назад. – Если у мужчин мы имеем 15 классных игроков, то у

женщин – около сотни. Корни этой проблемы нужно искать в студенческом волейболе. Серьезные мужские команды в Штатах имеют только 20 университетов, тогда как женские – 150. Почувствуйте разницу. При этом матчи и женского, и мужского студенческих чемпионатов собирают по 10–12 тысяч человек. Ненамного меньше, чем, допустим, в баскетболе».

Услышав подобные откровения не мог не поинтересоваться:

– Так почему в Америке по-прежнему нет серьезной профессиональной волейбольной лиги а-ля НБА?

– Все последние годы мы пытаемся запустить этот проект, но пока все старания напрасны. Женская лига просуществовала два года, после чего была закрыта. У мужчин не дошли и до этого. Главная причина неудач – конкуренция. Планка ожиданий болельщиков поднята очень высоко, учитывая наличие профессиональных лиг в баскетболе, хоккее, бейсболе и американском футболе… Если предлагаешь что-то хуже, спонсоры не идут. А телевидению нужно, чтобы лига объединяла крупные города по всей территории страны. Такие как Бостон, Майами, Чикаго, Нью-Йорк… Волейбол же пользуется популярностью только в одном мегаполисе – Лос-Анджелесе. Потому что большинство студенческих команд представляют маленькие, «нерейтинговые» городки. Впрочем, мы не оставляем попыток все-таки создать профессиональную лигу. Сегодня за это дело взялся ваш хороший знакомый Ллой Болл, завершавший блестящую карьеру игрока в России. Уверен, ее наличие в США принесет пользу и остальному миру.

И тем не менее, за последние годы, благодаря усилиям Била, годовой бюджет возглавляемой им федерации увеличился вдвое, американцы могут похвастаться, что за эти годы завоевали немало олимпийских и мировых наград как в классическом, так и в пляжном волейболе, но, что важнее, утвердились среди лидеров на молодёжных уровнях, чего прежде не было.

По инициативе Била сегодняшнего руководителя USA Volleyball головной офис федерации перебазировался из Калифорнии в Колорадо-Спринс, олимпийский центр всех американских команд, а в 2012 году появились несколько центров для сборных команд. Так, в калифорнийском Анахайме работает головной офис и базируются американские сборные по классическому волейболу. «Пляжники» обосновались в южнокалифорнийском Торрансе, здесь же работает и учебный центр для подготовки резерва и персонала. В Эдмонтоне, на базе кампуса университета Центральной Оклахомы занимаются волейболисты-паралимпийцы.

«Дат Бил – лидер одного из самых успешных в нашей стране

олимпийских видов спорта, – заявил недавно Скотт Блэкмун, директор олимпийского комитета США. – Для меня было большой честью работать с этим замечательным специалистом. Возглавляемая им организация очень стабильная в финансовом отношении, а различные волейбольные соревнования – что в зале, что на песке – очень привлекательны для зрителей, потому что всегда претендуют на олимпийские награды».

В одном ряду с Мацудайрой и Платоновым

Полжизни по городам и весям

Он ворвался в тренерскую элиту совсем молодым. Начинал в родной Аргентине, где родился 9 февраля 1952 года в полумиллионной Ла-Плате. На тренерской работе в волейболе с конца 70-х. Возглавлял молодежную сборную Аргентины, был наставником национальной команды – бронзового призера ЧМ-1982. В 1980–1983-м годах руководил клубом «Феррокаррио Оесте» из Буэнос-Айреса – чемпионом страны.

После переезда в Италию тренировал клубные команды. В 1986–1989-м – чемпион Италии с клубом «Панини» (Модена). Возглавив в мае 1989 года сборную этой страны, он за какие-то четыре месяца смог так сплотить и обучить игроков, что в сентябре того же года выиграл с ними первый для Италии чемпионат Европы, а через год привёл тех же ребят к успеху на чемпионате мира.

И пошло-поехало: за семь лет работы в мужской команде он выиграл серебро на Олимпийских играх 1996 года, во второй раз стал чемпионом мира в 1994-м, ещё дважды выигрывал чемпионаты Старого Света в 1993 и 1995 годах, пять раз побеждал в Мировой лиге в период между 1990-м и 1995-м. Всего сыграл с мужской сборной Италии 310 матчей и одержал 231 победу.

Затем решил попробовать себя в женском волейболе, за короткое время – чуть больше года – одержал с итальянской сборной 22 победы в 34 матчах и заложил основы успеха национальной команды с Апеннин, которая осенью 2002 года выиграла чемпионат мира. После чего ушел… в футбол. И с 1998 по 2002 год занимал должность генерального директора футбольных клубов «Лацио» (Рим) и «Интер» (Милан). На большее не хватило. Понятно, в итальянском скудетто – совсем другие деньги, не то что в волейболе. Но в его жизни деньги никогда не были приоритетом. И он вернулся в родной волейбол.

В 2002-м полгода проработал в Чехии с национальной командой, потом вновь вернулся на Апеннины, где до 2008-го тренировал клубы из Пьяченцы, Модены и Монтикьяри, в 2008–2010 годах готовил сборную Испании, за три года – с 2011-го до 2014-й – вывел команду Ирана в лидеры азиатского волейбола, наконец, вернулся на родину и возглавил сборную Аргентины.

Это короткие данные из досье симпатичного специалиста, с

которым я познакомился как раз в год его первого триумфа, когда итальянцы выиграли свой первый чемпионат континента. Случилось это в Швеции осенью 1989 года.

Но каждый раз мы общались накоротке. Когда же представилась возможность поговорить обстоятельно с этим уникальным специалистом, который наряду с Ясутакой Мацудайрой и Вячеславом Платоновым вошел в тройку лучших тренеров мужских сборных минувшего столетия, упустить такую возможность просто права не имел. Начал, понятное дело, с его невероятного взлета в далёком 1989-м.

Прыжок на пьедестал

– Вам понадобилось всего четыре месяца, чтобы возглавляемая вами сборная Италии выиграла чемпионат Европы-1989. Как по прошествии лет и массы прочих событий вы расцениваете тот успех – как закономерность или как случайное стечение обстоятельств? Ведь, согласитесь, после 9-го места «скуадры адзурры» на Олимпийских играх 1988 года в Сеуле такой взлет казался чем-то сверхъестественным.

– Тогда о победе в Швеции речь не шла. Но на медали мы могли рассчитывать – проделали колоссальный объем работы, сыграли много контрольных матчей, и я чувствовал, как команда прибавляла. К тому же игроков знал очень хорошо: трое из первой шестерки были из моего клуба «Панини» из Модены, с которым я работал четыре года и за это время выиграл четыре национальных чемпионата.

– Какие из побед сборной Италии за семь лет под вашим руководством наиболее памятны?

– Самые первые – на чемпионате Европы в 1989-м и на чемпионате мира в 1990-м. Потом к успехам начинаешь привыкать и воспринимать их как должное. Впрочем, нет, еще одной победой горжусь – в Мировой лиге-1995 в Бразилии, когда все основные наши игроки остались дома, а за океан отправилась молодежь. И нам удалось победить бразильцев у них дома. Это вселило надежду на то, что у сборной есть будущее и что у Андреа Гардини с партнерами растет достойная смена.

– Тогда не очень понятно, чем был вызван ваш уход из мужской команды после олимпийского серебра Атланты-1996?

– Мне показалось, что я дал команде все что мог. К тому же не нравилось, что начал складываться «культ Веласко»: все успехи сборной ставились в заслугу тренеру, а не игрокам. А еще почувствовал, что ребятам наскучили мои методы работы. Да и

контракт мой закончился.

Cherchez la femme

– И вы начали тренировать женскую сборную страны…

– По семейным обстоятельствам я не мог уехать из Италии, хотя заманчивых предложений было много. К тому же хотел доказать, прежде всего себе самому, что способен на новый подвиг. Поэтому и взялся за команду, в которую никто не верил.

– Не обидно, что лавры итальянской женской сборной, которая начала пробиваться в мировую элиту при вас, достались позже совсем другим?

– Начав работать с ней, я быстро продемонстрировал, что и с этой командой можно добиться успеха. Очень рад за своих коллег Анджолино Фригони, который остался на хозяйстве, когда я ушел в футбол, и Марко Бонитту, который принял эстафету у Фригони и смог выиграть чемпионат мира 2002 года в Берлине.

Новая жизнь

– Ну а чем объяснить ваш переход из волейбола в футбол: большими деньгами, спортивным интересом или тем и другим?

– Прежде всего привлекало нечто новое, доселе не изведанное. Хотя и материальный стимул исключать нельзя. Потому что футбольные деньги никак не сопоставимы с волейбольными. В итоге принял предложение римского «Лацио» занять пост генерального директора клуба.

– Что входило в круг ваших обязанностей?

– В моем ведении было все, что не касалось непосредственно футбола и финансов: административные службы, медицинское обеспечение, обустройство игроков, взаимоотношения со средствами массовой информации…

– Для футбольных боссов ваше имя оказалось более привлекательным, чем деловые качества?

– Скорее всего. В «Лацио» на словах мне доверяли, а на деле приходилось решать мелкие, ничего не значащие вопросы, а серьезными вещами занимался президент клуба. Мне же хотелось продемонстрировать свои возможности. Это стало главной причиной перехода в «Интер». Там круг моих обязанностей был гораздо шире, и должность уже называлась – координатор всей нефутбольной деятельности клуба. Скажем, я решал вопросы, связанные с лечением и восстановлением знаменитого бразильца

Роналдо, с которым мы, южноамериканцы, быстро нашли общий язык.

«Обратная» рокировка

– Когда мы общались осенью 2001 года на чемпионате Европы в Остраве, вы сказали, что соскучились по волейболу и собираетесь в него вернуться. Это была единственная причина «обратной» рокировки?

– Мне хватило нескольких лет, чтобы понять: я рожден быть тренером, а не администратором. Причем именно волейбольным тренером. К тому же в футболе я заработал достаточно, чтобы вновь заняться любимым делом.

– Но вам предстояло вернуться совсем в другой волейбол. От прежнего, классического, остались разве что размеры площадки да высота сетки.

– В новой системе подсчета очков были свои плюсы и минусы. К плюсам отнес бы непредсказуемость результата. Легче стало и телевизионщикам: время матча ограничилось примерно двумя часами. Что же касается зрелищности игры, о которой так много говорил тогдашний президент Международной федерации Рубен Акоста, то здесь существовала проблема, связанная с большим количеством потерь при подаче. При силовом исполнении этого элемента в прыжке, которому отдается предпочтение, прием подачи стал очень похожим на игру в защите. Поэтому я предложил президенту ФИВБ пересмотреть пункт правил, связанный с приемом мяча, что и было сделано. Силовая подача стала не обязательной, сократилось число ошибок при вводе мяча в игру, розыгрыши стали продолжительнее, что, собственно, и делает волейбол более привлекательным.

Эталон – сборная СССР

– В Остраве вы сказали, что ищете команду, которую могли бы возглавить после окончания контракта с «Интером» в мае 2002 года. При этом речь шла об одной из мужских европейских сборных – итальянская исключалась, так как у Андреа Анастази срок контракта истекал позже, после Игр в Афинах. Я тогда спросил, может ли в числе кандидатов оказаться российская команда. Вы ответили: «Я жду предложений».

– Все так и было. Но предложение последовало не из России, а из Чехии. Что же касается российской сборной, то любому

тренеру было бы лестно возглавить команду с такими историей и традициями. Только в Москву меня никто не звал. Если бы позвали – согласился бы, не задумываясь, и на приемлемых для обеих сторон условиях. Потом были итальянские клубы, сборная Испании, наконец, национальная команда Ирана.

– Руководимые вами сборные не раз встречались с нашей национальной командой, которой в разные годы руководили известные специалисты, причём, не только российские. Что, на ваш взгляд, объединяло эти сборные и что отличало одну от другой?

– Долгие годы эталоном для всех была советская сборная Платонова, у которой учился весь волейбольный мир в конце 70-х-начале 80-х. Аргентинские тренеры начали, образно говоря, «посещать интернациональную школу» с чемпионата мира 1974 года в Мексике. Тогда в этой стране высадился солидный десант из наших специалистов – 27 тренеров и три игрока. Мы старались заснять на пленку как можно больше матчей и тренировок. Видео тогда еще не было, снимали на кинокамеры. Ну и общались – в основном с советскими, польскими, японскими игроками и тренерами. При этом мы не накидывались с вопросами толпой в 20 человек на какого-то одного, а делились на группы и потом передавали друг другу собранную информацию. Так мы увидели мировой волейбол, выяснили, в каком направлении он движется. И по возвращении домой еще долго обсуждали увиденное и услышанное.

А в 1982 году, когда чемпионат мира проходил в Аргентине, в центре внимания, разумеется, был ваш Платонов. Вы даже не представляете, как наши тренеры приставали к нему с вопросами. Как он делает то, как это. И Платонов делился с нами своим опытом… Кстати, в Италии, где я вскоре оказался, процесс «тренерского образования» происходил иначе. Они никуда не ездили – наоборот, к ним в восьмидесятые годы прошлого века понаехало множество волейбольных мэтров. Американец Дат Бил, бразилец Бебето, швед Кристиансен, я, Лосано. Я уже не говорю про игроков-звезд со всего мира, включая СССР. Мы дискутировали, заимствовали друг у друга какие-то вещи, придумывали что-то новое. При этом каждый оставался самим собой, не терял лица. Так образовались аргентинская и итальянская тренерские школы. И теперь специалисты из этих стран востребованы по всему миру. А вы знаете, кого сейчас не хватает на мировой тренерской кухне? Новых российских тренеров. Такое впечатление, что Россия расположена где-то очень далеко и варится в своей «кастрюле».

Что меня вообще поражает в российском волейболе, так это обилие сильных, хорошо подготовленных технически волейболистов, которые постоянно появляются в сборной и могут без проблем заменить тех, кто сходит. Это всегда было присуще всем вашим командам. Хотя во все времена после Платонова у вашей сборной было одно проблемное качество – отсутствие стабильности. Повторяю, я был удивлен, увидев, как в финальном турнире выигранной россиянами Мировой лиги-2002 одни и те же игроки демонстрировали в течение нескольких дней совершенно несхожий волейбол. А вот если ваша сборная во всех матчах стала бы действовать так, как в полуфинале и финале в Белу-Оризонти, она могла бы побеждать всех, вся и всегда.

На каждый большой турнир у вас приезжала, как правило, сильная команда. Но в большинстве случаев приходилось удивляться, почему она не попала на пьедестал, не говоря уже о победе. Российская культура волейбола имеет многолетние и прочные корни, но им не хватает какой-то свежей подпитки, если хотите, современного удобрения, – чтобы получить максимальный урожай. Например, Бернардиньо, когда пришёл в мужскую сборную Бразилии в первый год нового столетия, ничего не изобретал. Он сохранил национальные волейбольные традиции, но совместил их с постановкой блока, принятой в европейских командах. Могу и про себя сказать. Когда в восьмидесятые годы прошлого века я приехал в Италию, то добавил ко всему, что было накоплено в волейболе этой страны, новые идеи. Причем скопированные не в Аргентине, а в мировом волейболе вообще. Прежде всего – в российском, или, точнее, в советском. Тогда волейбольная мода шла именно от вас, из вашей страны. Я, мой первый помощник в сборной Италии, позже работавший самостоятельно, Даниэле Баньоли и другой аргентинец Рауль Лосано – да не только мы трое, все вообще по крупицам собирали то новое, что появлялось в мировом волейболе, перерабатывали и применяли на практике.

Спросите меня сегодня, как играла сборная СССР, в которой солировали Зайцев с Савиным, и я все в подробностях расскажу. Помнится, с большим трудом доставал материалы про ту непобедимую команду Платонова. Изучал всю имевшуюся литературу про физическую подготовку советской сборной. И не только ее. Про японцев, поляков, американцев – тех, кто задавал тон в 70–80-е годы. Мы не стыдились учиться, и это принесло плоды.

– Вы работали со сборными многих стран – в Италии, Чехии,

Испании. В 2013-м приезжали в Москву со сборной Ирана, а через год уже с командой Аргентины. Что послужило причиной вашего переезда из Азии в Южную Америку, на родину?

– Я не сомневался, что поеду на чемпионат мира в Польшу со сборной Ирана, и готовил эту команду с расчётом занять там как можно более высокое место, ведь до этого, на предыдущих аналогичных турнирах, иранцам ни разу не удавалось пройти дальше первого группового этапа. Но когда последовало приглашение из Аргентины, я не мог отказаться: три десятка лет работать вне родного дома тяжело. Я прекрасно понимал, что придётся пахать и пахать, чтобы вновь вывести аргентинскую сборную на мировой уровень.

– И всё-таки, с кем было работать интереснее?

– Наверное, в Иране я получал больше удовольствия, чем до этого. Особенно в первый год работы в этой стране. Там все было по-другому, не так, как в Старом Свете. Пришлось не столько приспосабливаться самому к новым условиям, сколько пытаться переубедить своих учеников изменить их видение игры.

– Мой следующий вопрос как раз и касается этого самого видения волейбола: вы почувствовали разницу между азиатским и европейским подходом к игре? Или все-таки различие это в большей степени условное?

– Да нет, никакое не условное. Иранцы старались прежде копировать именно азиатскую манеру волейбола. И пришлось немало поработать, чтобы они не просто почувствовали разницу между тем, как действуют азиатские команды и лучшие европейские сборные, а также команды США и Бразилии, но и постарались демонстрировать на площадке игру, отличную от той, что показывали сборные Китая, Японии, Кореи. Нам удалось выйти на новый уровень игры. Волейболисты стали гораздо техничнее, совершали меньше ошибок на приеме и на блоке, стали иначе мыслить. И почувствовали вкус побед. Так что достаточно быстро я отчетливо увидел плоды своей работы – иранцы играли совсем не в азиатский волейбол. Может быть, еще не до конца европейский, но близкий к таковому.

Все на волейбольные арены!

– У вас огромный опыт работы со сборными. Как долго тренер должен оставаться во главе национальной команды?

– Существуют на сей счёт разные мнения. Но я давно вывел для себя одну формулу: идеально работать со сборной четыре года, один олимпийский цикл, потому что уже во второе

четырёхлетие ты переживаешь определённые трудности. Но два олимпийских цикла – это, мне кажется, предел. Почему я и отказался продлить контракт с итальянской федерацией после Олимпийских игр в Атланте, хотя мне предлагали остаться во главе сборной этой страны. Бразилия и её тренеры в этом отношении исключение: они со своими командами навыигрывали много всяких соревнований, наверное, именно это их так долго у руля и удерживает.

– Возможно ли вообще придумать что-то новое в таком консервативном спорте, как волейбол?

– В нашем виде спорта очень сложно чем-нибудь удивить. Вместе с тем волейбол как игра достаточно молод. Футбол, баскетбол, тот же теннис – постарше. Потому волейболу еще предстоит проявить себя и завоевать зрителя. Нет, больших перемен быть не может. Полтора десятилетия назад в волейболе уже произошла революция, когда ввели новые правила, появился либеро, были отменены переходы подач, и каждое касание мячом площадки стало приносить очко. Игра стала динамичнее, живее, привлекательнее для зрителей. Думаю, можно и еще кое-что подправить. Но действовать надо именно в этом направлении, если мы хотим, чтобы волейбол встал в один ряд со «старшими братьями». Нашему виду нужно громче заявлять о себе, чаще появляться на телеэкранах. Тогда пойдут спонсоры, появятся деньги, как в футболе, баскетболе и теннисе.

Чемпионаты мира, Европы, Мировая лига – это хорошо. Но волейболом должны увлечься как можно больше людей. Он должен вернуться во дворы больших городов. Я понимаю, что в современных условиях добиться этого непросто. Однако первые шаги мы, люди волейбола, должны сделать сами. Мы просто обязаны посещать сколько-нибудь значимые волейбольные матчи. Если не мы, то кто это должен делать? И приводить на них своих детей, всех знакомых. Те, в свою очередь, потянут за собой своих друзей. Так наша игра обретет нового зрителя. Я уж не говорю, что все тренеры, которые работают с волейболистами разных возрастов, должны быть на трибунах вместе со своими учениками и их родителями. Давайте начнем с этого. Я призываю всех, кто имеет отношение к нашей игре, последовать моему совету. Вперед, на трибуны волейбольных арен!

Волейбольный король из Калифорнии

Его признали лучшим волейболистом XX века. И сей факт никто оспаривать не будет. Потому что в мире нет второго такого игрока, который бы выигрывал олимпийское золото в зале и на песке. Имя этого уникального спортсмена – Карч Кирай.

Во время первого образовательного семинара молодых журналистов, пишущих о волейболе, который был организован в Анкаре весной 2011 года совместно ЕКВ и УЕПС, Европейской конфедерацией волейбола и Европейским союзом спортивной прессы, и на котором мне довелось преподавать, поинтересовался у семинаристов из разных стран, могут ли они назвать имя лучшего волейболиста XX века, официально объявленного Международной федерацией волейбола. Увы, никто даже угадать не пытался – все признались, что не знают. Пришлось рассказать о выдающемся игроке, фамилия которого с венгерского переводится, как «король».

Карч родился 3 ноября 1960 года в калифорнийской Санта-Барбаре в семье эмигранта Ласло Кирая, игравшего в своё время за волейбольную сборную Венгрии. И не удивительно, что Кирай-младший начал заниматься волейболом под руководством отца. За студенческую команду UCLA Bruins выступал с 1979-го по 1982-й. Трижды становился чемпионом NCAA и все четыре сезона признавался лучшим игроком Лиги. В 1983 году окончил университет по специальности «биохимия». Помимо трёх олимпийских титулов (1984, 1988, 1996) выиграл одно золото чемпионата мира (1986). Женат, двое сыновей.

Мусс из креветок на закуску

Первые встречи с «королём» у меня произошли в 1986 году в Москве на Играх Доброй воли и во Франции во время чемпионата мира. А ближе мы познакомились через два года, когда советская команда совершала американское турне в преддверии олимпийского турнира в Сеуле – играли вначале на Восточном побережье США четыре спарринг-матча в Портленде, Спрингфилде, Филадельфии и Вашингтоне, а потом перелетели на Тихоокеанский запад и сыграли на турнире в Лос-Анджелесе. Две команды тогда вместе переезжали и перелетали из города в город, жили в одних гостиницах, участвовали в совместных раутах – приёмах, вечеринках, разумеется, общались между собой.

С той поры сохранились несколько фотографий и один любопытный артефакт – меню из вашингтонского ресторана Anton's. На первый взгляд ничего особенного: перевязанные розовой ленточкой две странички плотной бумаги, почти картонки. Внизу на обложке с эмблемой питейного и едального заведения, на которой изображена группа джентльменов в одеяниях начала минувшего века с бокалами в руках, скромная надпись на английском, вовсе не требующая перевода: USA/USSR VOLLEYBALL TEAM DINNER. И дата JUNE 18, 1988.

А внутри на одной стороне на русском, а на другой на английском было приведено меню «обеда в честь советских волейболистов». Готов привести его русский перевод полностью, но полагаю, не всем это перечисление блюд может понравиться. Как почти тридцать лет назад, когда я передал в «Советский спорт», газету, где тогда работал редактором отдела, очередной репортаж из США и привёл дословно всего несколько из обозначенных в меню блюд, дабы подчеркнуть гостеприимство хозяев. Это было время потепления отношений после «холодной» войны.

А через несколько часов меня разбудил телефонный звонок из Москвы, и коллега Михаил Дмитриев, в то время редактор международного отдела, обматерил меня почём зря: «Ты что, с ума сошёл? Забыл, в какой стране живёшь? У нас народ голодает, полки магазинов пустые, а ты хочешь, чтобы наших ребят возненавидели из-за того, что они жируют на американских харчах?»

Наверное, я тогда и вправду несколько погорячился, написав название нескольких обеденных блюд так, как они значились в меню. Читатель спортивной газеты мог неправильно истолковать моё восхищение увиденным и съеденным. Но сейчас-то время другое, и угощениями тридцатилетней давности сегодня мало кого удивишь. Впрочем, судите сами.

На закуску нас потчевали «муссом из креветок, обёрнутым в аляскинскую камбалу с соусом из калифорнийского рислинга с лимоном и чёрным перцем». Из трёх вторых блюд на выбор предпочёл «мясо печёное «Шатобриан» (16 унций) с острым техасским соусом, с печёным картофелем «Айдахо» со сметаной и маслом и початками молодой кукурузы из штата Теннеси». На десерт нас ждал «заварной ванильный крем по-баварски», который подавался с соусом из малины, настоянной на русской водке. И всё это сопровождалось тремя сортами вин: калифорнийскими белыми «Пайпер Сонома» и «Крэстон Мэннор», а также орегонским десертным «Пино ну ар».

А потом был олимпийский Сеул, где наш герой во второй раз

завоевал олимпийское золото, и постолимпийский Сингапур, где в декабре 1989 года олимпийские победители Сеула – мужская сборная США и женская СССР встречались со сборными мира, где опять-таки пообщались с Кираем накоротке.

И с той поры долго не виделись. Знал, что он ушёл из сборной, но ещё играл за хорошие деньги несколько лет в клубных командах на Апеннинах, пока не решил окончательно перейти на пляж. И в Атланте, где бич-волей дебютировал, выиграл третье олимпийское золото.

В 1998-м на Играх Доброй воли в Нью-Йорке мы разговаривали в последний раз в прошлом веке. И встретились после этого только в 2010-м на женском чемпионате мира в Японии, где Карч исполнял обязанности ассистента Хью Маккатчена, который выиграл в Пекине олимпийское золото с мужской сборной США, а после этого стал тренировать женскую национальную команду «звёздно-полосатых».

– В 2000 году мне исполнилось 40, – рассказывал волейбольный король, отвечая на мои вопросы, – но я продолжал играть в бич-волей. Правда, не в соревнованиях FIVB, а в американском профессиональном туре AVP, который регулярно проводится в моей родной Калифорнии. Навыигрывал кучу турниров с разными партнёрами. До 47 лет продолжал выступать на песке. А потом перешёл на тренерскую работу. Занимался с обычной молодёжной командой в одном из калифорнийских университетов. Да, чуть не забыл, в 2008-м я ещё работал на телевидении. Комментировал соревнования по бич-волею на каналах ESPN и NBC. Как аналитик участвовал в трансляциях из олимпийского Пекина. К тренерской деятельности меня подтолкнули сыновья. Играя с ними, я понял, что могу чему-то научить молодых. Поверьте, это для меня настоящий вызов: хочу воспитать лучших волейболистов XXI века!

– Я и не мечтал работать в национальной сборной, – продолжил свой рассказ Кирай. – Но когда Маккатчена пригласили переключиться с мужского волейбола на женский, и он начал набирать помощников, у меня раздался звонок с предложением стать правой рукой главного тренера. Я почти не раздумывал. Ведь это шанс поработать бок о бок с одним из корифеев американской тренерской школы, пусть и новозеландцем по национальности.

– А почему всё-таки предпочли женский волейбол мужскому?

– Сейчас большинство мужских команд придерживаются одного и того же стиля. Это мне не нравится. В женском волейболе присутствует вариативность, свобода действий и мысли. Потому женский волейбол зрелищнее и интереснее, мяч

дольше находится в воздухе. А в этом и состоит ценность волейбола! Причём сборная России, которая закономерно победила в Японии в 2006-м и в 2010-м, исповедует свою манеру, бразильянки – несколько иную, японки вообще творят что-то невообразимое. И к каждому матчу приходится готовиться по-разному. Это очень интересно для меня как тренера, только-только начинающего свой путь в большом волейболе. У мужчин ничего похожего нет. Там если и существуют различия, то они невелики. На чемпионате мира-2010, когда я помогал главному, меня просто заворожила игра японок в полуфинале с Бразилией. Ничего подобного в жизни не видел! Поскольку нам на следующий день предстоял матч с проигравшей командой, я записывал наиболее интересные комбинации. Но то и дело отрывался от блокнота и аплодировал японкам! Рекомендую всем тренерам показывать запись этого матча своим ученицам как эталон современного женского волейбола.

– Как складывается судьба ваших партнёров по золотой олимпийской сборной США 80-х годов прошлого века?

– Тренеров среди них практически нет. Большинство стали успешными бизнесменами, обзавелись семьями. И что меня радует – почти у всех дети играют в волейбол! Причём очень хорошо. Сыновья Дата Парти, Боба Ствртлика, Джеффа Сторка. Они учатся в колледжах или университетах и играют за студенческие команды.

– То есть, через несколько лет мы можем вновь увидеть в сборной США знакомые имена?

– Вполне возможно. Вон в сборной Аргентины вновь появились парни с известными фамилиями – Кирога, Конте, Кантор. А американцы чем хуже?

– И тренером у них будет Карч Кирай!

– Почему бы и нет?

– Помните противостояние сборных США и СССР?

– Такое не забывается! Причём мы соперничали только на площадке, а в жизни были приятелями. Все русские – симпатичные ребята. Мы много играли в Союзе, ваши регулярно приезжали на матчи в США. Как не помнить Савина, Зайцева. Или этого высокого центрального… Имя вылетело из головы.

– Вилде?

– Да-да. Раймонд Вилде. Был ещё Сороколет, прочие классные игроки. Мы относились друг к другу с огромным уважением. А после окончания турниров, как правило, вместе выпивали по рюмке-другой водки. Только у ваших парней это лучше получалось. Что естественно.

Первое тренерское золото

После Лондона Кирая назначили главным тренером женской сборной. И неожиданно во время одной из трансляций какого-то из матчей финала Гран-при, кажется, в Японии два года назад обратил внимание на сидящего рядом с ним на скамейке старого знакомого Марва Данфи. Того самого, который готовил американцев к чемпионату мира 1986 года и к Олимпийским играм 1988-го и выиграл с ними оба соревнования. Учитель стал как бы правой рукой повзрослевшего ученика.

Похоже, без него – умудрённого опытом специалиста – не обходилось и не обходится ни одно крупное соревнование с участием американских волейбольных сборных на протяжении тридцати последних лет: ни чемпионаты мира, ни олимпийские турниры. Потому что встречал его на всех самых значимых волейбольных соревнованиях во всех концах света. Причём как с мужскими, так и с женскими командами США. Данфи, конечно, несколько прибавил в весе в последние годы, поседел. Но по-прежнему бодр, весел, разговорчив.

Перевернул тогда, в Милане осенью 2014-го, где завершался женский чемпионат мира, весь Интернет, чтобы выяснить, сколько же лет этому удивительному человеку и уникальному тренеру, который – и в этом убедился лично – до сих пор проводит тренировочные занятия с американской сборной, а во время матчей сидит за спиной главного и ассистирует своего звёздного ученика Кирая, ныне успешно дирижирующего женской командой США.

Лишь на одной из страниц Pepperdine magazine следом за фамилией Данфи обнаружил число – 74.

Честно скажу, поверить в это непросто. Хотя, если задуматься, всё сходилось. Свою тренерскую деятельность Марв начал в 1975 году в качестве помощника главного тренера университетской команды Pepperdine Waves («Волны Пеппердина»), через два года возглавил этот коллектив и продолжает им руководить до сих пор. Со своей студенческой командой Данфи выиграл более 30 различных титулов, девять из его воспитанников в разные годы признавались лучшими волейболистами, в том числе хорошо нам известные, такие как Боб Ствртлик и Шон Руни, а десять выступали в составе сборных на Олимпийских играх.

С 1985-го по 1988-й Данфи стоял у руля мужской сборной США, которая выигрывала за четыре года почти все главные соревнования: Кубок мира (1985), чемпионат мира (1986), Панамериканские игры (1987), наконец, Олимпийские игры в

Сеуле (1988). Собственно, в те годы мы и познакомились весьма близко, потому что волейболисты двух стран – США и СССР – встречались между собой часто, приезжали на товарищеские матчи друг к другу, организовывали международные турниры. Сборная США при Данфи установила своеобразный рекорд, одержав 197 побед при всего 31 неудаче. В качестве официального второго тренера Данфи работал с мужской командой США на Играх в Сиднее в 2000 году, как консультант готовил мужские олимпийские команды в 1996, 2004, 2008 годах и женскую – в 2012-м.

Дважды в одном зале славы

Кирай дважды введён в Зал славы мирового волейбола в американском Холиоке – в 1994 году персонально и в 1999-м вместе с игроками золотой олимпийской сборной 1988 года. А в 2011-м получил престижную награду олимпийского комитета США за вклад в завоевание олимпийского золота на Играх-2008. К последним успехам женской сборной США Данфи опять-таки приложил руку. Став главным, Кирай вспомнил о нём и призвал в помощники.

Один из репортажей из Милана в октябре 2014-го озаглавил по созвучию имени тренера с мавром и известной шекспировской цитатой из его трагедии «Отелло»: «Марв сделал своё дело, мавр может уходить». Правда, в конце поставил знак вопроса, всё-таки усомнившись, всё ли сделал Данфи и не потребуется ли его ученику и в дальнейшем помощь суперспециалиста. Писал тогда материал под впечатлением неожиданного поражения американок от сборной Италии. Впрочем, сам-то при этом ничуть не сомневался, что подопечные Кирая и Данфи ещё вырулят и проявят себя. И они и в самом деле не сплоховали и выиграли тот чемпионат мира. Победы над командами России, Бразилии и, наконец, Китая, чёткий разбор действий соперниц, своевременные замены, большей частью усиливающие игру, – всё это принесло американкам первый за всю историю успех на чемпионатах мира.

Тогда же и предположил, что теперь Кирай ни за что не согласится отпустить Марва на покой – он ещё не сделал главного. Уж до Игр в Рио они ещё поработают. А вот дальше?

Нет, загадывать не буду, потому что Данфи в Рио будет уже 76, на двадцать лет больше, чем его ученику. И хотя Кирай уже подписал контракт с USA Volleyball и остаётся у руля команды до Олимпийских игр в Токио в 2020, хватит ли сил у его учителя продолжать ассистировать главному, узнаю только после Рио.

Там я с Кираем встретился вновь. Он продолжит работать в женской сборной США. И воспитывать со своей женой Дженной, с которой не так давно отпраздновал серебряную свадьбу, двух сыновей – Кристиана и Кори. Оба учатся в том же университете Лос-Анджелеса, который заканчивал сам Карч. Только вот в волейбол всерьёз не играют. Но отец и не настаивает – сыновья уже взрослые, сами вправе делать выбор.

Неувядающий динозавр из Индианы

Великий о великом

Если провести опрос среди российских специалистов и любителей волейбола, кто был самым популярным из иностранных волейболистов, когда-либо участвовавших в чемпионатах России, нисколько не сомневаюсь, что большинство назовёт этого классного волейболиста и удивительного по своим человеческим качествам парня – Ллоя Болла. Да одна характеристика того же Сергея Тетюхина чего стоит: «Таких связующих, как Болл, в мире больше нет. Ллой – великий игрок и не менее великий человек».

Он уже далеко не молод – по паспортным данным, разумеется. В душе-то он остаётся по-прежнему юным. И в волейбол продолжает играть в зале и на песке. Причём, кажется мне, что никогда не остановится.

Когда я готовил эту книгу к печати, Ллою Боллу исполнилось уже 44. Или ещё 44, так, наверное, более точно. Потому что он ничуть не прибавил в весе, хотя и шутил в своё время, что когда завяжет с волейболом и будет пить много пива, то обзаведется бюргерским животиком. Ничего подобного не случилось. Да и не могло произойти с этим преданным спорту вообще и волейболу, в частности, игроком. К тому же с Большим волейболом он так и не завязал.

«В 2013 году у нас была образована Профессиональная волейбольная лига, в которой я продолжаю играть за свой штат Индиана, – признавался Ллой во время нашей последней встречи в калифорнийском Лонг-Биче, где российская сборная играла с американской на групповом этапе Мировой лиги-2014. – А ещё я с удовольствием играю на песке – принимаю участие в турнирах по бич-волею. Так что я постоянно нахожусь в тонусе».

В тот раз я не услышал приписываемой ему фразы: «Я стар как динозавр». Честно говоря, он ни разу не использовал её в наших разговорах, хотя, рассказывают, что частенько повторял эти слова, начиная с момента появления в казанском клубе десять лет назад.

Успех с четвертого захода

Наверное, он не мог не стать волейболистом, как и его отец

Эрни Болл. Хотя долго не мог выбрать, что ему больше по душе – столь популярный в США вообще, да и в его родном штате Индиана баскетбол или всё-таки любимый спорт отца. И как не уговаривал способного парня знаменитый баскетбольный коуч Бобби Найт начать заниматься под его началом, Ллой предпочёл бело-жёлто-синий мяч. И не пожалел, о чём и поведал много позже, после победы на пекинской Олимпиаде, в своей автобиографической книге, которую выпустил в соавторстве с американским журналистом Блэйком Себрингом и которую озаглавил «Самая большая ошибка, которую я не совершил». Болл имел в виду свой юношеский выбор в пользу волейбола.

Первый матч за сборную США Ллой провёл в 17 лет, став самым юным дебютантом национальной команды за всю её многолетнюю историю. К этому времени он считался одним из наиболее перспективных волейболистов студенческой лиги, играя за университет Пердью, что в его родном Форт-Уэйне.

В 1994-м завоевал первую медаль на чемпионате мира, которая так и осталась его единственной наградой на подобном турнире, хотя он принимал участие ещё в двух аналогичных соревнованиях. На первой для себя Олимпиаде – в 1996-м в Атланте, хозяева – американцы с Боллом даже не вышли из группы. История повторилась и в Сиднее через четыре года. А в Афинах подняться на пьедестал американцам не позволила сборная России под водительством Геннадия Шипулина, легко переигравшая сборную Дата Била и Ллоя Болла в бронзовом матче.

После чего капитан сборной США – Ллой занимал этот пост на протяжении десяти лет – объявил, что завершает карьеру в сборной. Впрочем, отлучение «динозавра» длилось недолго. Когда через два года на мировом первенстве в Японии американцы вообще финишировали десятыми, главный тренер звёздно-полосатых новозеландец Хью Маккатчен обратился к Боллу с просьбой вернуться под знамёна национальной команды. И к тому времени уже перебравшийся в Россию вместе едва ли не со всеми ведущими игроками американской сборной, Ллой согласился. На первом же после возвращения крупном турнире – континентальном чемпионате в сентябре 2007-го в Анахайме – сборная США, ведомая Боллом, завоевала свой седьмой (и третий подряд) чемпионский титул, а сам волейболист был признан самым ценным игроком и лучшим связующим.

Однако прямой путь на Олимпиаду в Пекине Боллу и Ко вновь преградила сборная России, которой командовал уже Владимир Алекно. Две сборные соперничали в последнем матче, проиграв который американцы оказались за пределами тройки

призёров, получивших олимпийские лицензии. Пришлось пробиваться в китайскую столицу через континентальный отбор, где достичь желанной цели хорошо обученным игрокам не составило большого труда.

Как ни странно, но судьба золотых пекинских медалей решалась в полуфинале Россия – США. Россияне тогда, уступая 0:2 по партиям, смогли выровнять ситуацию. Но концовка укороченного сета и матча в целом осталась за американцами. Был свидетелем того принципиального спора, описывал его, потому и написал, что победитель именно этой встречи станет олимпийским чемпионом: американцы Маккатчена и россияне Алекно были на том турнире заметно сильнее остальных.

Болл сыграл в том матче выше всяких похвал. Нет, не он один победил в полуфинале, но без Болла американцы матч этот не выиграли бы. Связующий полностью изменил рисунок игры в завершающей партии, к чему россияне, увы, оказались не готовы. Сам ли игрок до этого дошёл либо таковой оказалась тренерская установка, значения не имеет: если в четырёх предыдущих сетах Ллой чаще выводил на удар крайних нападающих, то в решающий момент акцентировался на центральных, которые собственно и принесли своей сборной заветное золото. Американский капитан продемонстрировал высочайший класс.

Обидно было другое: получилось, что соперники набрались мастерства и как следует подготовились к Играм-2008, выступая перед этим более полугода за различные российские клубы…

На лицевом счету Болла – более 400 матчей за национальную команду.

Галопом по Японии и Европам

Ровно двадцать лет назад он подписал свой первый профессиональный контракт. И после Олимпиады в Атланте отправился в Японию в клуб «Торэй Эрроуз» из небольшого городка Мисима, что на острове Хонсю, в котором всего-то сотня тысяч жителей. Болл проиграл в Японии три сезона, смог добраться до серебра национального чемпионата.

Чемпионом он всё-таки стал. Но в… Италии, куда переехал в 2000-м в один из сильнейших итальянских клубов – «Модену». За четыре года Ллой обзавёлся также ещё и серебром «скудетто», выиграл с «Моденой» в 2004 году Кубок Европейской конфедерации волейбола, играл в финальном матче Лиги чемпионов-2003 с «Белогорьем», но российский клуб, как через год в Афинах на Играх-2004 и сборная всё того же Шипулина,

оказался не по зубам.

Обыграть шипулинскую команду Боллу удалось только, когда он перебрался на Балканы в греческий «Ираклис» из Салоник. В этом городе обосновалось в середине нулевых годов целое американское землячество – вместе с Боллом за «Ираклис» выступали диагональный Клейтон Стэнли и центральный Том Хофф. И греки дважды оказывались в финале Лиги чемпионов, причём, оба раза обыгрывая в полуфинале белгородский клуб.

Выиграть же заветный континентальный трофей Боллу удалось только в составе российской команды «Динамо-Таттрансгаз», куда он переехал в 2006 году. До 2011 года прожил американский волейболист в Казани и считает, что это время было лучшим во всей его игровой карьере. Впрочем, судите сами.

«Я хочу поблагодарить Казань за шесть удивительных лет и за те победы, которые удалось одержать в чемпионатах и Кубках России во многом благодаря поддержке жителей этого города.

Мне посчастливилось выходить на площадку с удивительными игроками, готовиться под руководством удивительного тренера и играть при поддержке удивительных фанатов в удивительном городе.

Для россиян главным городом является Москва. Для них это как бы центр мира. Ну а для меня таким центром стала Казань. Я благодарен богу и счастлив, что именно в этом городе я завершил свою спортивную карьеру. Казань всегда будет занимать особое место в моем сердце. Верю, что увижу этот город еще не раз. И очень скоро».

Жаль, что не могу передать на словах, с какими пылающими глазами произносил американский волейболист своё откровенное признание в любви к столице Татарстана и её жителям. Невозможно было усомниться в искренности произнесённого монолога. А ведь к тому моменту прошло уже три года, как он в последний раз надевал майку казанского «Зенита».

Казань – его любовь

Мы разговаривали с Боллом не раз. Но всё больше накоротке. Обстоятельно беседовали по осени 2009-го в Казани, когда вручал ему Приз Андрея Кузнецова, как лучшему игроку чемпионата России-2008/2009, а второй раз, как уже упоминал выше, в Лонг-Биче спустя почти пять лет.

Дабы лучше узнать этого незаурядного спортсмена и человека, решил привести отрывки из этих интервью, которые характеризуют Ллоя лучше, чем любые слова о нём.

– Вам уже много лет, но на площадке этого совсем не чувствуется. Что такого вы делаете во время летнего отпуска, чтобы каждый раз возвращаться в клуб в столь блестящей форме?

– Ничего особенного. Сначала рыбачил на озере возле нашего дома в США. Потом с отцом и сыном выбрались в Канаду – тоже на рыбалку. Кроме того, отдохнули несколько дней с семьёй в Диснейленде. Что ещё? Летали в Чикаго смотреть бейсбольный матч местных «Кабз» против «Цинциннати». А с 1 июля начал готовиться к сезону под руководством отца с его университетской командой.

– Если не секрет, сколько весила самая крупная рыба, пойманная вами этим летом?

– 22 килограмма. Знаете, такая – с длинным носом (щука. – *Прим. авт.*).

– Вы почти всё игровое время проводите на площадке. И мало кто бывал свидетелем, чтобы Ллой Болл обратился к врачу, пожаловался на травму или боль. Как такое возможно в вашем-то возрасте?

– Очень хороший вопрос. Своим здоровьем я прежде всего обязан генетике, а значит – родителям. Но это больше шутка. На самом деле я очень благодарен Алекно, что он с пониманием относится ко мне, как игроку возрастному. Не заставляет на утренних тренировках проделывать такую же работу, как молодым. Мне нравится, что он индивидуально подходит к каждому, учитывает возраст, физическое состояние. Вот мы с вами начали наш сегодняшний разговор, когда тренировка «Зенита» ещё продолжалась. Так случается часто: тренер дифференцирует нагрузки, позволяет мне чуть раньше остальных завершать занятие и отдаваться массажистам. Кстати, самая большая ошибка тренеров – не только российских, а вообще – это когда всех игроков чешут под одну гребёнку.

– Знаю, что вы написали книгу и жалели, что она не очень хорошо расходится в США. В отпуске вы делали что-либо для её популяризации?

– Моя книга – исповедь американского волейболиста. Представителя не самого популярного в США вида спорта. Написав её, я не стремился заработать – половина доходов от продажи вообще уходит на благотворительность. Просто хотел поведать американскому обывателю, что такое профессиональный волейболист и как ему живётся вдали от родины – потому что в США ему играть негде. Я рассказываю о своём восприятии случившегося 11 сентября 2001-го, о том, как мне живётся в России и жилось в Греции. Когда писал, прекрасно понимал, что в Европе моё имя гораздо известнее, чем в США. Потому летом

проехался по шести-семи городам, встречался с читателями, раздавал автографы, участвовал в телешоу. Кстати, в Италии книгу уже перевели, и там она продаётся неплохо. Ищу возможность, чтобы перевести её и на русский. А когда буду перевозить в Россию семью, захвачу с собой тысячу экземпляров. Надеюсь, среди россиян найдутся желающие прочитать книгу в оригинале.

– Почему вы до сих пор жили в Казани один, без семьи?

– Первая причина: здесь нет школы с преподаванием на английском языке. Впрочем, в конце концов я всё-таки решил изменить своё отношение к этому вопросу. Тем более, что руководство «Зенита» готово оплатить квартиру преподавателю из Америки. Таким образом, у моего сына на пять месяцев будет персональный учитель.

В новой роли

– Прошло два года, как вы завершили спортивную карьеру, но, судя по всему, по-прежнему находитесь в хорошей форме. Как вам это удаётся?

– А кто сказал, что я закончил играть в волейбол? Это в российском чемпионате я не выступаю с весны 2012 года, но продолжаю ежедневные тренировки, да и в соревнованиях принимаю участие.

– Расскажите, хотя бы коротко, про Профессиональную волейбольную лигу. Много ли команд в ней участвуют?

– Идея создания такого профессионального объединения принадлежит Дату Билу, некогда замечательному тренеру, а ныне президенту нашей волейбольной федерации. В первом сезоне в турнире играли шесть команд, в следующем соревновалась уже дюжина. Растет число участников, а с ним, соответственно, и количество спонсоров. Причем, у каждого коллектива появились свои постоянные опекуны. И если в первый год это было еще не совсем сформировавшееся объединение, то ныне в каждой команде, как и положено в любом серьезном спортивном коллективе, появились свои тренеры и массажисты. Мне приходится работать на два фронта – исполняю обязанности играющего тренера. Следующим шагом, полагаю, будет разрешение на выступление в каждой команде по одному зарубежному игроку. Я уже обсуждал это предложение с Билом, и оно не вызвало возражений. Представляете, как будет здорово, если в моей команде сыграет Сергей Тетюхин, а за соперников, предположим, бразилец Жиба: как много желающих соберут

матчи с участием великих иностранных игроков с громкими именами. Ребята, насколько я знаю, находятся в отличной форме, и не сомневаюсь, что с удовольствием примут приглашение поиграть в США.

Кстати, в нашей лиге есть и женские команды, причем, их больше. Поэтому приходится летом проводить четыре квалификационных турнира. Мужские команды разбиты на две группы, и две лучшие из каждой из них выходят в финальную часть соревнований. Наше первенство обычно начинается после рождественских праздников и завершается в последнюю неделю мая. До этого команды три-четыре месяца тренируются. Теперь вы понимаете, почему я нисколько не прибавил в весе после выступлений в России: ни дня без тренировки. Утром отвожу детей в школу – и в зал. После занятий несколько часов отдаю бизнесу, потом привожу детей домой, а сам иду играть в волейбол. Прекрасная жизнь, как видите.

– В последний раз ваше имя появилось едва ли не во всех российских СМИ после победы наших волейболистов на Олимпийских играх в Лондоне. Приводили слова одного из героев финала Сережи Тетюхина, что вы были одним из первых, кто поздравил его с олимпийским золотом.

– Все так и было. Я искренне был рад этому успеху, не меньше, чем все россияне. А уж за Тетюхина и за Алекно в особенности. Эти люди давно заслужили быть победителями самых крупных соревнований. И вот справедливость восторжествовала! Та уникальная перестановка, какую предпринял тренер по ходу матча, отправив Дмитрия Мусэрского на позицию диагонального, удивила всех американских специалистов волейбола, кроме меня. Просто в отличие от них я-то знал, что у себя в «Белогорье» этот высокий парень иногда играл по диагонали от связующего. И здорово, что Алекно решился на столь нестандартный и смелый ход, который поставил в тупик бразильских игроков и тренера. А какой сюжет у этого финала получился – триллер настоящий. И я правда был в эйфории, наблюдая за счастливым Сергеем на олимпийском пьедестале Лондона.

– Помимо волейбола, в который вы продолжаете играть, что является для вас жизненным приоритетом?

– Дети, разумеется. Их учеба и занятия спортом. Дайр – ему 13 лет, мальчик достаточно рослый, есть в кого, потому что моя жена Сара тоже не маленькая, она занималась лёгкой атлетикой, прыгала в высоту, предпочел баскетбол. Я не против, пусть делает то, что ему больше по душе. А восьмилетняя Майя сразу полюбила волейбол. Именно потому, что дети повзрослели, я

должен был уделять им больше внимания, поэтому и вынужден был уехать из России. Если бы не они, наверняка продолжал бы выступать в вашем чемпионате.

– Вы приехали в Лонг-Бич, чтобы посмотреть матчи сборных России и США или вас привели сюда иные дела?

– Дела, разумеется. Причем, я здесь не один, а с отцом, который тоже был в свое время отличным связующим. Нас попросили дать оценку действиям пасующих нашей команды, если понадобится, подправить технику, и вместе с тренерами сборной разработать стратегию их дальнейшей подготовки. Вот почему после первого матча мы просидели до трех утра, подробно разбирая важнейшие эпизоды игры не только американцев, но и российских волейболистов. К тому же для меня, который только-только набирается тренерского опыта, это тоже хорошая школа.

– Волейбол развивается по спирали, не так ли? Долгие годы в середине прошлого века в этом виде спорта доминировали советские волейболисты, им на смену пришли американцы, далее были итальянцы, бразильцы, и вот, похоже, вновь настало время россиян…

– Согласен. Причем, каждый новый лидер брал что-то от прежнего и добавлял свое. Скажем, американцы усилили роль диагонального, где выделялся Пэт Пауэрс, у итальянцев появился на этой позиции более быстрый и универсальный Андреа Дзордзи. Заметно менялась и техника волейбола. С появлением бразильцев игра приобрела новые формы: на первые роли вышли игроки не очень высокие, такие как Жиба и Налберт, но значительно возросли скорости. И вот теперь с появлением опять-таки атлетичных волейболистов, но умеющих играть быстро, россияне вновь начали доказывать свое превосходство. И замечательный пример этого преображения ваш Мусэрский. Он примерно такого же роста, как Алексей Казаков или Станислав Динейкин, но более универсален и обладает мощнейшей подачей.

– Несколько лет назад, когда Дат Бил приезжал в Москву на тренерский семинар, задал ему вопрос, почему российские волейболисты, долгие годы являясь фаворитами всех крупных соревнований, ничего не могут выиграть? И знаете, что ответил мэтр? Сказал, когда у вас появятся свои тренеры новой волны, тогда к вам придет победа. И ведь оказался пророком.

– Бил – мудрый и знающий специалист. Он сам в своё время учился у советских тренеров. Ваша школа звенела на весь мир. Иностранцы взяли из нее самое лучшее, добавили свое и двинулись вперед. Российские же специалисты долгие годы опирались на старый опыт. Нельзя сказать, что Николай Карполь или Геннадий Шипулин ничего не выигрывали. Они продолжали

доказывать состоятельность российских тренерских кадров. Но когда появился Алекно, который, поиграв и поработав в Италии и Франции, смог, опираясь на базис отечественной школы, привнести в нее все лучшее, что увидел и испытал на себе за рубежом, – и пришли долгожданные победы.

– Вы шесть лет прожили в России. Вам хотелось бы вернуться в нашу страну?

– Еще как! Мне хочется вновь приехать в Казань. Не исключаю, что в качестве тренера. И не скрываю этого, и постоянно говорю об этом здесь, в Америке, поверьте. Я скучаю по снегу, мне не хватает тех потрясающих людей, которые окружали меня в этом городе. Такой любви к нашей игре, такой волейбольной культуры, как в России, нет ни в одной другой стране мира. Пока дети не подросли, я обязательно приеду в Казань на короткое время, а позже, возможно, смогу вернуться туда, повторюсь, и на тренерскую работу.

Признание в любви-2. (Вместо послесловия)

«Париж никогда не кончается», – так завершает своё автобиографическое произведение «Праздник, который всегда с тобой» великий Эрнест Хэмингуэй.

Вот и волейбол в моей жизни не кончается. Да разве только в моей? Уверен, каждый, кто с ним связан близко, – а я в этом отношении вовсе не исключение – воспринимает его как часть себя. И, как правило, с восторгом и наслаждением, как я и мои герои, о которых рассказал в этой первой своей книге (и очень надеюсь, что не последней) о замечательной игре. А ещё десятки, сотни, нет, больше – тысячи, да что уж там, – миллионы заворожённых, как и я, этим жёлто-синим кругляшом в 221 стране мира, которые входят в Международную федерацию волейбола.

Значит праздник продолжается. Надеюсь, это ощущение причастности к светлому и радостному не покинет меня ещё долгие годы. Как и десятки тех, о ком хотел рассказать, и, скорее всего, ещё обязательно расскажу, если такая возможность представится.

О том же замечательном специалисте и человеке Владимире Паткине, который в середине прошлого века играл в столичном армейском клубе, а потом работал рядом с Юрием Чесноковым в ЦСКА и Вячеславом Платоновым в мужской сборной, пять лет отдал становлению женской национальной команды, выигравшей Олимпиаду в Сеуле уже под руководством Николая Карполя. А позже встал во главе советского волейбола и руководил этим видом спорта в стране до развала Советского Союза.

Однажды, спустя каких-то несколько недель после рождения газеты «Спорт-Экспресс», которая на первых порах – ровно четверть века назад – жила исключительно в долг, взяв кредит в одном из банков, и не имела возможности никого отправлять в командировки за границу, Паткин приютил меня – «сироту» в своём номере на чемпионате Европы 1991 года в Германии. А вся советская команда во главе со своим капитаном Андреем Кузнецовым подкармливала чем бог послал: я ведь проживал в гостиничном номере руководителя делегации инкогнито и в ресторане появляться не мог – уже в то время неплохо знал многих официальных лиц ФИВБ и ЕКВ, был членом пресс-комиссии Международной федерации волейбола, возглавлял волейбольную комиссию Международной ассоциации спортивной

прессы. Только в официальном отеле команд проживать по тем временам не имел права. Так что завтракал, обедал и ужинал в гостиничном номере Паткина…

Да и в российские времена Владимир Леонидович был и остаётся востребован – занимал должность генерального секретаря ВФВ, не одно десятилетие представлял страну в административном совете ЕКВ, а ныне возглавляет её восточно-европейское объединение, проводящее целую серию собственных соревнований, прежде всего для юных волейболистов.

Не смогу обойти стороной и не написать про Геннадия Васильевича Паршина, с которым облетел вокруг земного шара ещё до того и в другом направлении, чем сделал это позже с командой другого Геннадия – Шипулина, и который был и остаётся для меня примером преданности любимой игре. Познакомился с Паршиным, когда он возглавлял рижский «Радиотехник», одну из сильнейших команд в бывшем СССР, но оказался не у дел, когда распалась великая держава. Поначалу Паршин нашёл работу в Турции со стамбульским клубом «Неташ», выигрывал с ним чемпионат и Кубок страны, затем тренировал на протяжении семи лет японскую «Джей-Ти» из Хиросимы, становился призёром чемпионата этой страны, выиграл дважды Кубок Императора, главный трофей японского волейбола, а в последние годы волейбольные дороги привели Паршина в Казахстан, где он родился и начинал свою тренерскую биографию. При этом семья все эти годы оставалась в столице Латвии. И сегодня 77-летний специалист в очередной раз оказался на распутье: то ли продолжать неблагодарную тренерскую работу, то ли угомониться и вернуться в родной дом.

Хотел бы рассказать про Вадима Хамутцких, «Бороду», замечательного парня, отличного пасующего и начинающего, но уже заявившего о себе тренера. Жаль, что ему так и не довелось взойти на олимпийский пьедестал за золотой медалью. Но вовсе не исключаю, что это когда-нибудь сделает кто-то из его сегодняшних учеников.

Никогда прежде подолгу не беседовал с Лёшей Вербовым, как-то так, не сходилось, хотя знаем мы друг друга со времени, когда он считал, что волейбол пляжный важнее и первые награды, в том числе и на международных соревнованиях, Лёха выиграл именно на песке. А тут как раз ввели такую волейбольную должность, как либеро. И свою новую специальность он начинал осваивать в Белгороде. Так что должок за собой чувствую и непременно исправлюсь – о Вербове расскажу во всех подробностях.

Обязательно напишу про Лизу Тищенко. Восхищаюсь этой

девушкой, да нет, уже привлекательной женщиной, заботливой матерью. Более двадцати лет мы знакомы, не меньше. А всё началось с самолёта. Во время какого-то очередного «путешествия» с командой Николая Карполя по азиатским странам наши места на втором этаже большущего «Боинга» случайно оказались рядом. И мы так замечательно проговорили весь многочасовой перелёт, что до сих пор не можем остановиться, когда предоставляется такая возможность. Сегодня Тищенко, которая блестяще владеет несколькими языками, живёт в Швейцарии и трудится на благо мирового, а уж российского само собой, волейбола в ФИВБ. Причём, президент Международной волейбольной федерации бразилец Ари Граса выделил свою сотрудницу среди прочих и сегодня настолько доверяет Лизе, что берёт во все свои деловые поездки.

Очень интересны мне самому братья Владимир и Никола Грбичи, которых помню с самых первых матчей между сборными уже России, но ещё Югославии. Наиболее ярко раскрылся талант братьев, когда югославская команда вернулась в большой волейбол после отмены санкций против этой балканской страны в середине девяностых годов прошлого века. А вершиной стала победа сборной Югославии на Олимпийских играх 2000 года. Тогда, кстати говоря, не обратил внимание на одну, но весьма существенную деталь: старший Грбич не принимал участие в двух первых матчах олимпийского турнира из-за страшных болей в спине. Рецидив старой травмы случился после того, как Владимир торжественно продефилировал на церемонии открытия австралийских Игр с флагом своей страны. И обе дебютные встречи югославы проиграли – россиянам и итальянцам. А потом обыграли и нас – в финале, а перед этим итальянцев.

Но больше всего меня занимает ситуация, сложившаяся в отечественном волейболе в последнюю дюжину годков с приходом в наш вид спорта Николая Платоновича Патрушева в самый канун Олимпийских игр в Афинах. С тех пор чаще наблюдаю его со стороны, иногда имею возможность пообщаться до и после заседаний Наблюдательного совета ВФВ, который ныне Николай Платонович возглавляет, а я являюсь членом этого важного общественного органа. Нисколько не сомневаюсь, что все успешные выступления отечественных сборных всех возрастов, звания чемпионов мира, Европы и Олимпийских игр, – львиная заслуга этого уникального человека, чёткого, дисциплинированного, требовательного и в то же время не авторитарного, умеющего вести беседу, способного выслушать, когда это необходимо, и убеждать, когда ситуация того требует. И, что немаловажно, обладающего прекрасным чувством юмора. К

тому же продолжающего регулярно, подчёркиваю это, три раза в неделю играть в волейбол! Чему не раз бывал свидетелем и в зале, и на песке, да где угодно, хоть на снегу, на самом Северном полюсе.

Впрочем, даже такому мощному организатору, как Патрушев, при его-то занятости в одиночку не сдюжить огромное волейбольное хозяйство. И тут у Жан-Армана дю Пейре, графа де Тревиля, капитан-лейтенанта французских королевских мушкетёров (в нашем же случае бери повыше – генерала армии) есть три верных и преданных мушкетёра: президент ВФВ Станислав Шевченко, генеральный секретарь Александр Ярёменко и генеральный директор Андрей Горбенко. Это тот самый триумвират совсем не похожих друг на друга, разве что украинским окончанием своих фамилий, но преданных делу и объединённых единой идеей людей – сделать наш волейбол лучшим в мире. Причём, каждого из этих парней я видел на площадке еще тогда, давно, в матчах за ЦСКА, «Белогорье» и МГТУ, и каждый безусловно заслуживает отдельного рассказа.

Представляете, какой ещё фолиант собирается!

При этом я ничего не сказал ещё про тех, кто не выходит на площадку в официальных матчах, но делает для волейбола очень и очень много добрых дел. Речь о тех, кто рулит клубами и кто очень помог в издании этой книги, за что всем им низкий поклон и огромная благодарность.

Я вовсе не случайно использовал глагол «рулить». Потому что тот же Ильхам Фаизович Рахматуллин, вице-президент казанского «Зенита», – бывший автогонщик, а Геннадий Яковлевич Шипулин и Анатолий Васильевич Багрей, президент и вице-президент «Белогорья», заядлые автолюбители.

А как обожает скорость реактивный, способный пробить, если потребуется, любые стены Рафаэль Талгатович Хабибуллин, директор сургутского «Газпром-Югры»!

Без машины невозможно объять необъятное и директору «Факела» Николаю Васильевичу Капранову, который мотается ежедневно между своим домом, Москвой и Серпуховом, где базируются основной и молодёжный состав команды, и налетал уже не одну сотню тысяч миль между столицей и Новым Уренгоем.

У Романа Валерьевича Станиславова и вовсе платиновая карта Аэрофлота от постоянного перемещения по свету, ведь он совмещает должности генерального директора новосибирского «Локомотива» и генерального менеджера мужской национальной команды, а сегодня ещё и руководит комиссией ЕКВ по проведению еврокубковых соревнований.

Кстати, в последнее время неоднократно летал в сибирские города, куда – и это никакое не преувеличение – сдвигается центр российского волейбола. Что в Кемерове на матчах родного «Кузбасса» (в чём прежде всего немалая заслуга Михаила Юрьевича Федяева, известного бизнесмена, большого любителя спорта и сумасшедшего болельщика), что в Нижневартовске, который на будущий год будет праздновать 30-летие создания «старейшей и самой титулованной команды по игровым видам спорта в регионе» – «Самотлора» и всё это время не разлучен с клубом его нынешний директор Алексей Германович Березин, свободных мест на трибунах не бывает.

Или взять красноярский «Енисей», который вывел в высший свет мой старый знакомый Юрий Чередник, и почти все матчи которого не только дома, но случается и в гостях – в соседних Кемерове и Новосибирске посещает губернатор края Виктор Толоконский.

Здорово, когда первые лица так «заражены» волейболом…

«Париж стоит того, чтобы в него возвращались. И ты всегда получал сполна за то, что отдавал ему». Это у Эрнеста Хэмингуэя. А уж волейбол тем более заслуживает моего да и всех, кого я упомянул в этой книге, постоянного внимания. Ведь тот, кто к нему причастен, отдаются этой игре полностью, но и получают в замен не меньше.

Август 1988 года. Рига. Мемориал Владимира Саввина. С известным американским специалистом Дагом Билом

17 сентября 1988 года. Сеул. С Геннадием Паршиным на церемонии открытия Игр XXIV Олимпиады

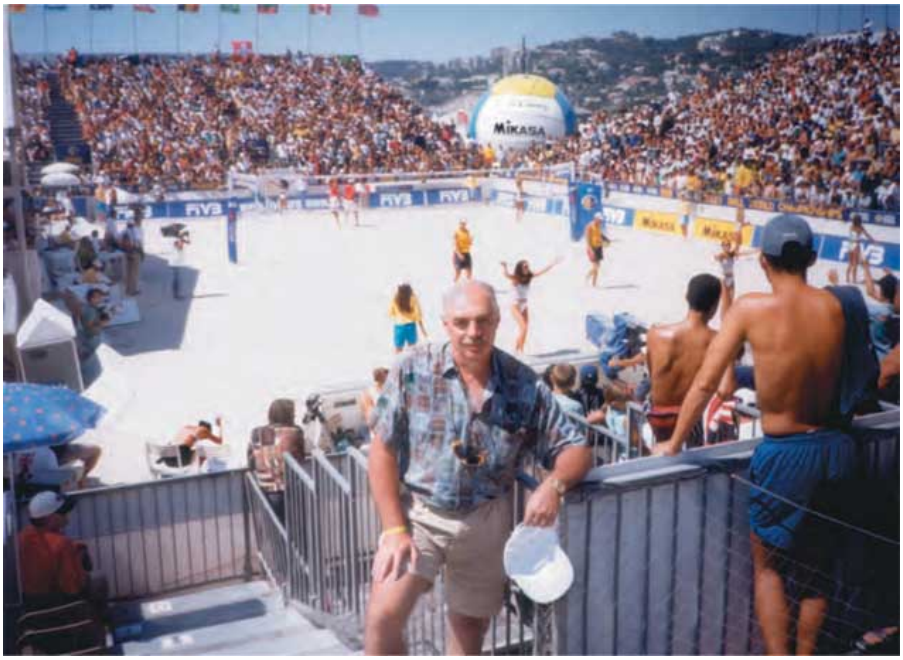
Ноябрь 1995 года, Токио. С выдающимся деятелем мирового спорта, вице-президентом Международной федерации волейбола Ясутахой Мацудайрой

1994 год. Вена. С волейболистками сборной России Татьяной Грачёвой, Натальей Морозовой, Инессой Емельяновой и Елизаветой Тищенко (слева направо)

Октябрь 1994 года. Афины. Чемпионат мира. С Вячеславом Платоновым и Дагом Билом

Июнь 1995 года. Москва. На одном из матчей Мировой лиги. С Вячеславом Зайцевым и Владимиром Стецко

Ноябрь 1998 года. Токио. Чемпионат мира. С Владимиром Стецко и генеральным секретарём Всероссийской федерации волейбола Владимиром Пашкиным



Июль 1999 года. Марсель. Чемпионат мира по пляжному волейболу

Март 2000 года. Венеция. С Юрием Сапегой и его супругой Ладой

Июль 1999 года. Канберра. Сергей Тетюхин и Вадим Хамутцких во время тренировки на снимке выдающегося фотомастера Сергея Киврина

Константин Семёнов и Вячеслав Красильников на песке Копакабаны

Сергей Тетюхин

12 августа 2012 года. Награждение сборной России – победителей Игр XXX Олимпиады. Медали вручает олимпийская чемпионка Ирена Шевинъска (Польша)

Сергей Тетюхин с супругой Натальей

Татьяна Кошелева, чемпионка мира, самый ценный игрок чемпионатов Европы 2013 и 2015 годов

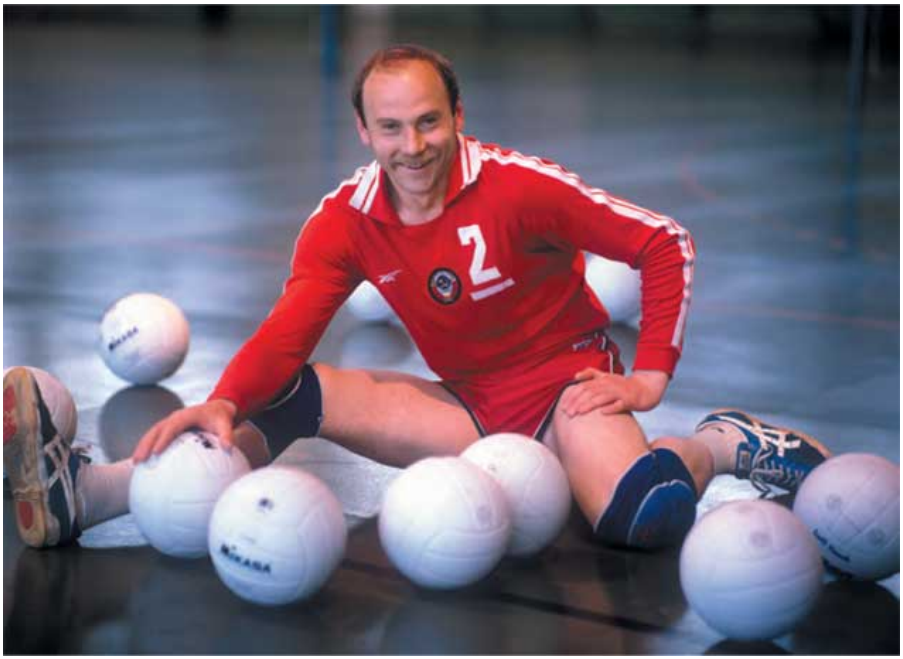
Татьяна Кошелева

Команда ЦСКА, чемпион СССР 1986 года. Стоят игроки: Александр Савин (3), Владимир Алекно (14), Александр Чёрный (15), Андрей Кузнецов (4), Сергей Прокопьев (12), Юрий Сапега (7), Юрий Панченко (1). Сидят игроки: Валерий Лосев (10), Геннадий Иваненко (2), Константин Вурякин (6), Юрий Мяричев (13), Игорь Гунов (9)

Александр Савин

Александр Савин

Вячеслав Зайцев



Вячеслав Зайцев

Владимир Алекно

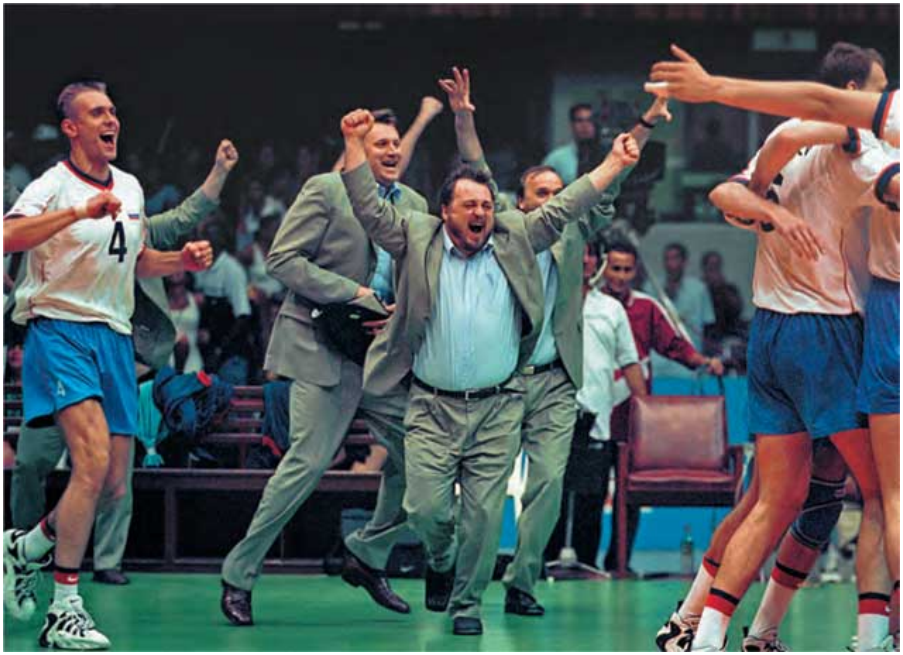
12 августа 2012 года. Владимир Алекно с золотой олимпийской медалью

Николай Карполь с волейболистками сборной России

Николай Карполь

Николай Карполь

Геннадий Шипулин после победы в Кубке мира 1999 года



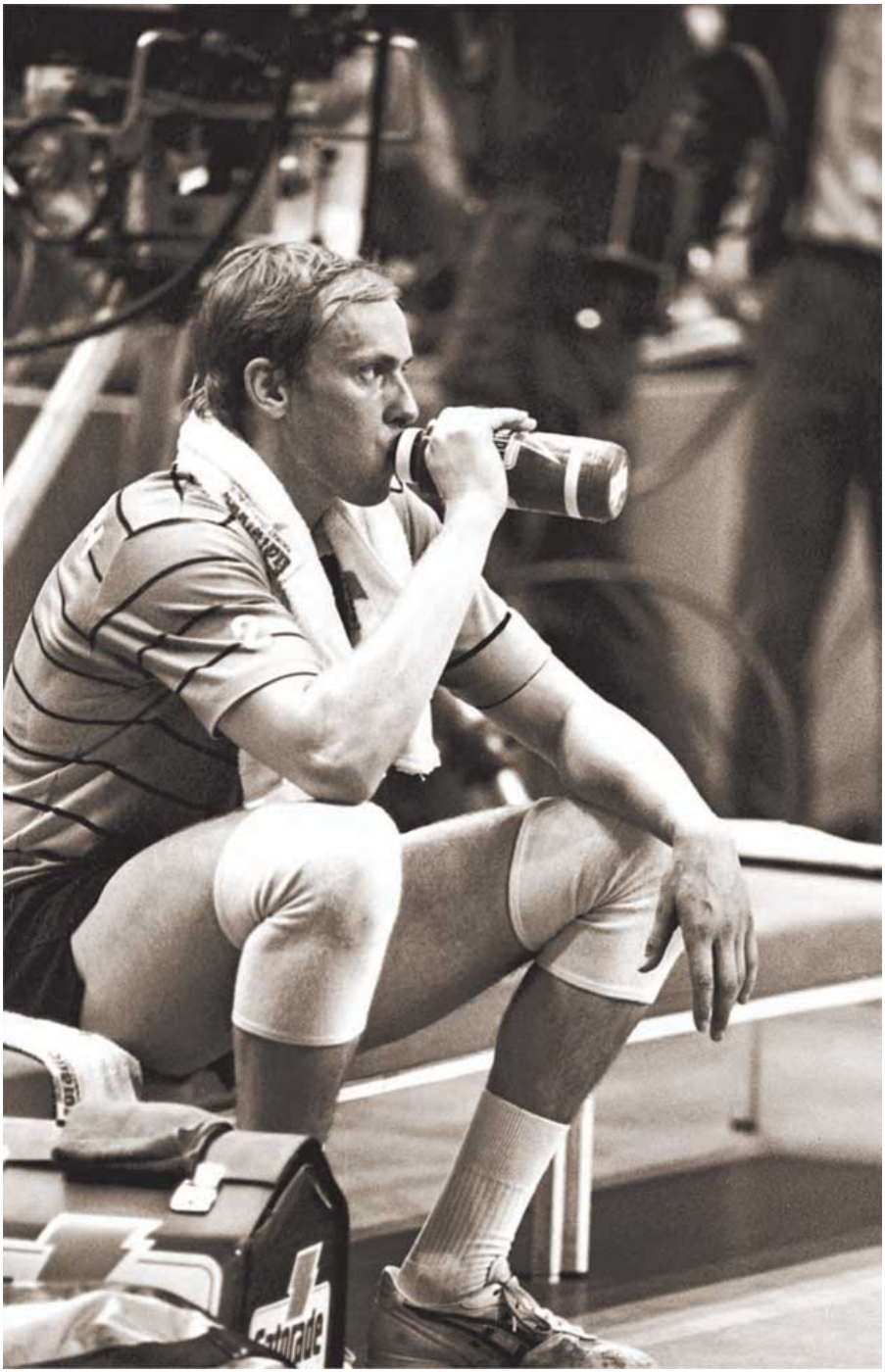
Сентябрь 2000 года. Сидней. Игры XXIV Олимпиады. После очередной победы. Руслан Олихвер (4), Юрий Сапега, Геннадий Шипулин, Владимир Кондра

Геннадий Шипулин

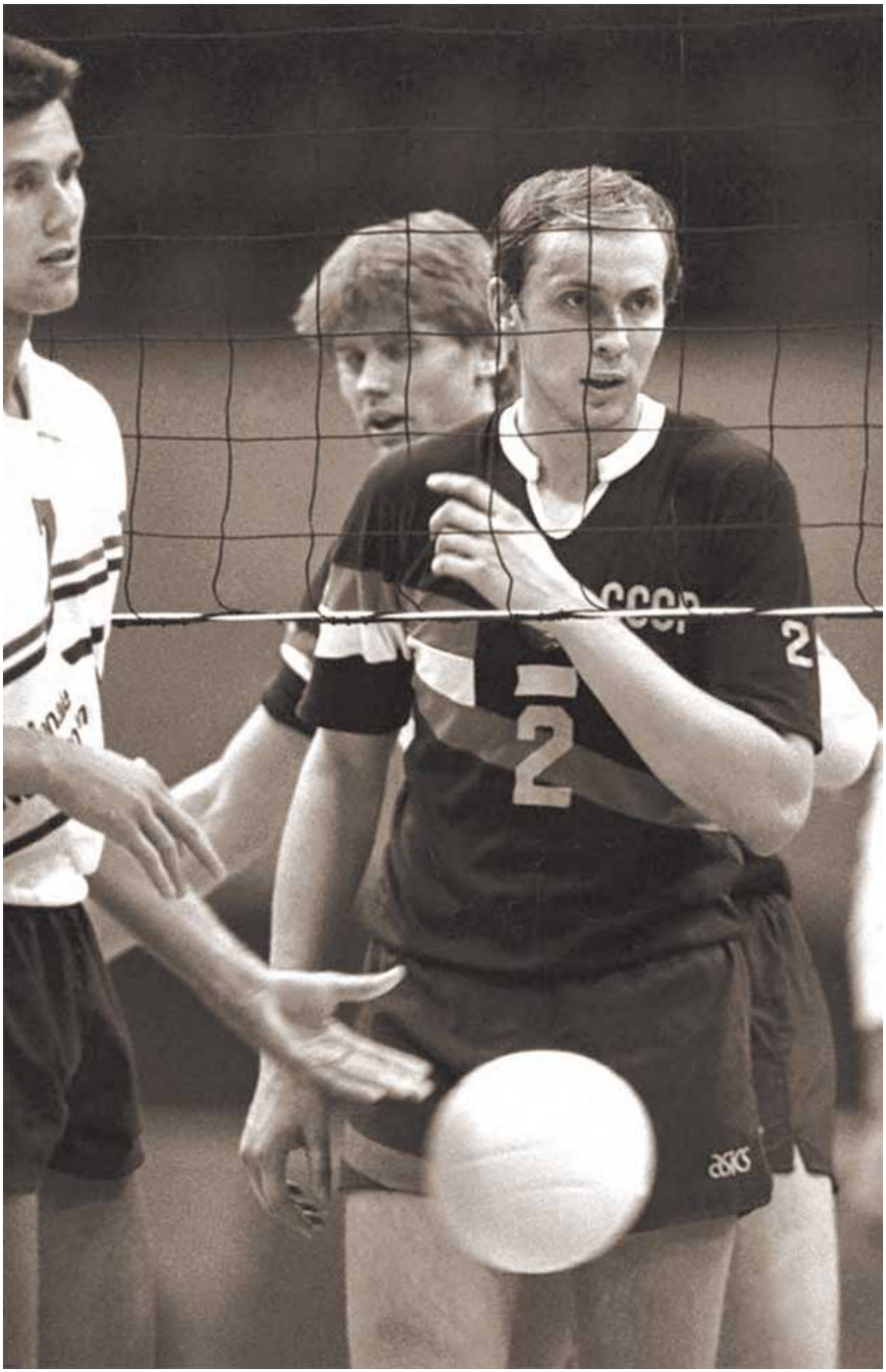
Вячеслав Платонов и Евгений Красильников

Июль 1996 года. Атланта. Игры XXVI Олимпиады. Вячеслав Платонов

Вячеслав Платонов



Андрей Кузнецов



Андрей Кузнецов, капитан сборной СССР. На заднем плане Игорь Наумов

Юрий Сапега и Андрей Кузнецов

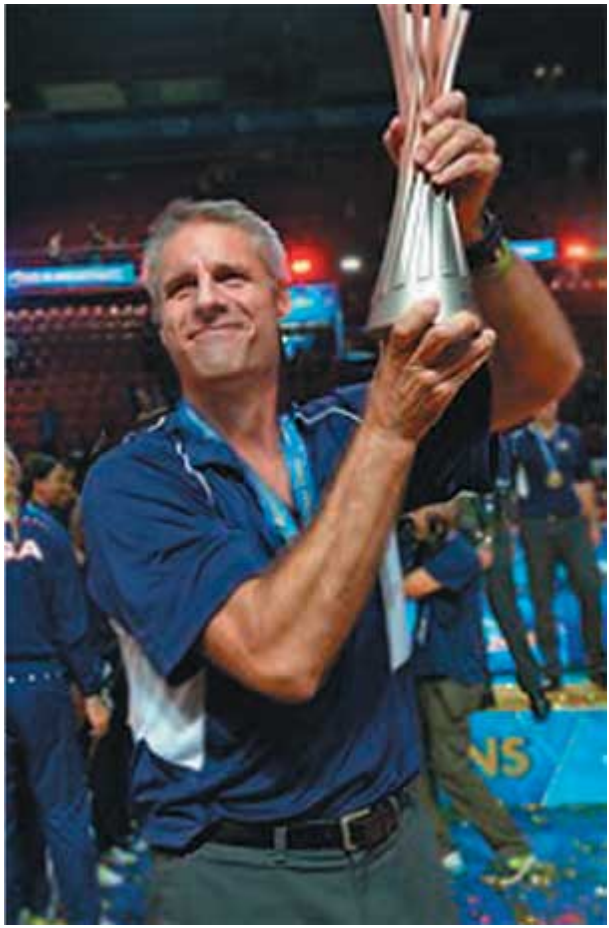
1992 год. Юрий Сапега на разминке перед матчем Мировой лиги в составе сборной СНГ

Поединки ленинградского «Автомобилиста» и ЦСКА – были всегда событием в чемпионатах СССР

Президент ФИВБ Ари Траса (Бразилия) и Даг Бил (США)

Хулио Веласко

Хулио Веласко, главный тренер сборной Испании

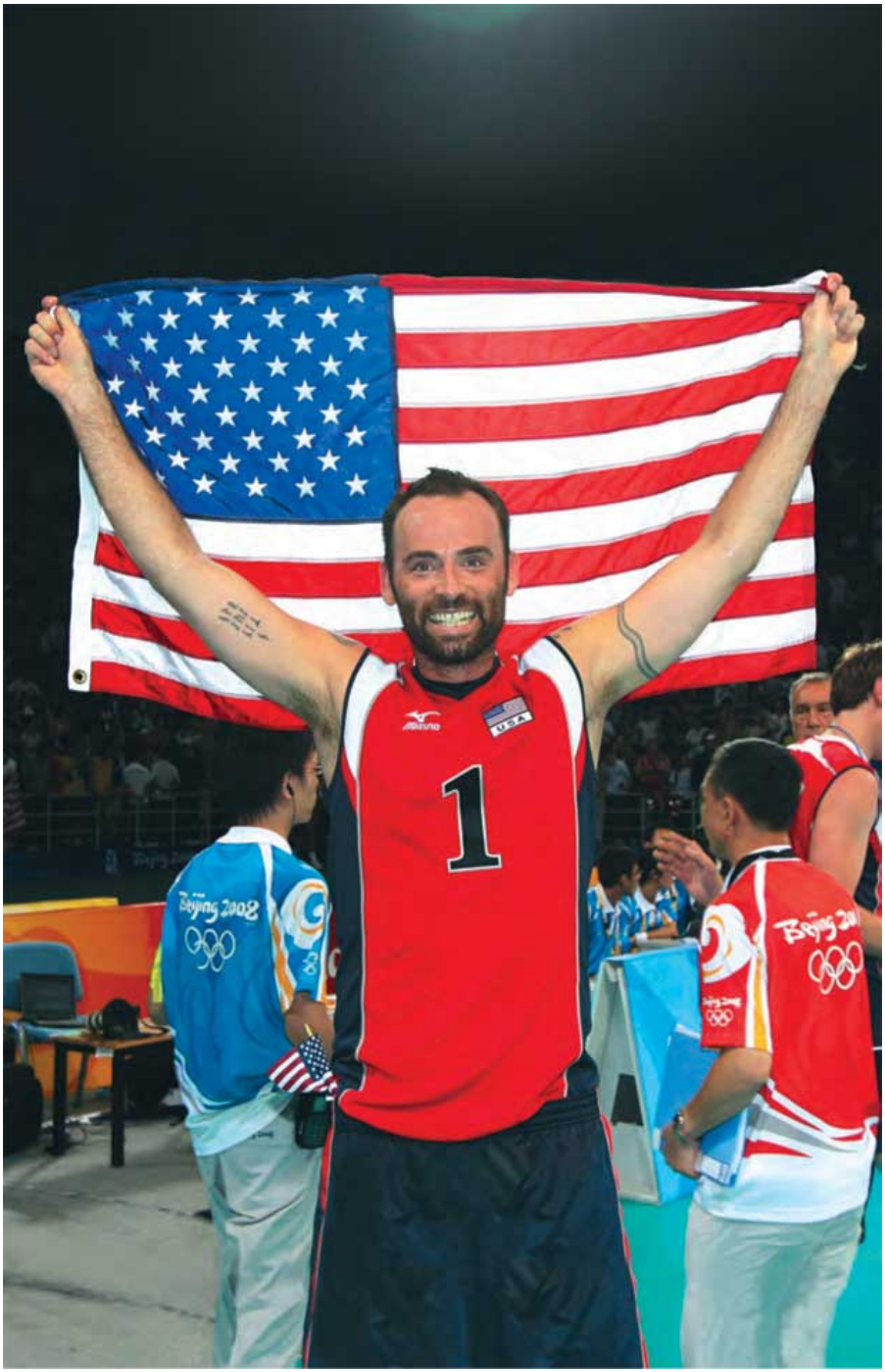


Карч Кирай, главный тренер женской сборной США

Хулио Веласко и его первая сборная – итальянская

Карч Кирай, капитан сборной США

Ллой Бол



Ллой Бол, олимпийский чемпион Пекина-2008